

Александр Кокин

Эксперимент в миллиарды лет

Научно-фантастический роман

Ростов-на-Дону

2024

УДК 82-312.9
ББК 84стд1-445
К59

12+

Предисловие автора

Современные научные и технологические возможности человека указывают на то, что его амбиции в соревновании с природой достигли такого уровня, когда он способен не только понять сущность самой природы, но и предпринять попытки управлять естественным ходом её эволюции. Это явно противоречит законам сохранения самой природы, поскольку человек является её подсистемой, хоть и способной влиять на неё (по принципу самоорганизующихся систем), но не способен изменить её законы.

Но природа, как сущность, самоподобна. Она транслирует подобие организации на всё живое и неживое в процессе развёртывания материального мира. Биологическая эволюция, запущенная на Земле миллиарды лет назад, представляет собой естественный процесс ускорения и усложнения во времени и пространстве развития живой природы. Эволюция осуществляется в условиях стойкой генотипической изменчивости генома во времени. Последний содержит биохимическую информацию, необходимую для длительности поддержания гомеостаза организма с окружающей средой. Однако время существования организма и популяции, им образованной, определяется не только состоянием изменчивости окружающей среды, но и функциональной активностью клеток организма, связанной с их старением, что приводит к потере способности клеток к делению. В конце концов популяция вымирает и замещается другой, более генотипически устойчивой в изменяющейся окружающей среде. Биологическая сущность человека не исключение, и человеческая популяция в конце концов, как любой биологический вид, обречена на вымирание, если разум не окажется способен этому воспрепятствовать, не нарушая законы сохранения...

Обнаруженные гены старения открывают возможность влиять на скорость старения организма и популяции. Выключение таких генов не только может привести к увеличению продолжительности жизни организма и популяции, но и открывает возможность влиять на продолжительность существования самой популяции.

Современная сущность человека в рыночной экономике заставляет определённые особи и их сообщества непременно вначале получить выгоду из научных и технологических открытий, подавить конкурентов любым способом и только потом задуматься о последствиях. Так, фармацевтические компании абсолютно не заинтересованы в победе над болезнями, и их благосостояние зависит от уровня заболеваемости населения. Но если найдётся лицо, а потом фирма, которая изобретёт вакцину от старости, то

Кокин А. В.
К59 Эксперимент в миллиарды лет. (Научно-фантастический роман) – Ростов н/Д., 2024. – 224 с.

В новом научно-фантастическом романе автор пытается найти ответ на вопросы: что ждет человечество в будущем и будет ли конец у эксперимента, который длится миллиарды лет.

ISBN 978-5-98615-648-4

УДК 82-312.9
ББК 84стд1-445

ISBN 978-5-98615-648-4 © А.В. Кокин, 2024

© ООО «Мини Тайп», ИПФ «Тональ»

можно себе представить последствия от этого изобретения, поскольку не окажется таких людей, которые были бы способны отказаться от продления собственной жизни. И тогда такое лицо или фирма, сделавшие открытие, не только окажется супербогатой, но и будет вкладывать средства для увеличения продолжительности жизни одних и снижения её для других ради достижения сомнительных амбиций быть одновременно не только первым из богатых, но и последним из негодяев.

Вокруг проблемы о судьбе существования человеческой популяции и разгораются страсти в настоящем научно-фантастическом романе.

ПРОЛОГ

*Научное завещание генетика Андрея Варенцова
своему сыну Сергею*

Сынок! Как врач и генетик, я понимаю тяжесть своего состояния здоровья, не совместимого с жизнью. Но у меня есть ещё немного времени, чтобы вместо ожидания собственного конца потратить его на то, чтобы поделиться с тобой некоторыми размышлениями о генетике и эволюции, поскольку выбранный тобой путь генетика может позволить тебе посмотреть дальше, чем видел я.

Большую часть научных задумок мне не удалось реализовать по разным причинам. Одна из них – консервативность наших научных школ, зачастую копирующих тупиковые идеи некоторых западных специалистов и топчущихся в мелкотемье этого застоя.

С распадом СССР генетическая наука в России развивалась по двум независимым и конкурирующим направлениям. Первое – неразборчивое копирование западных идей и направлений исследований и связанных с ним наработок в области биотехнологий. Направление неплохо финансируемое, поскольку поддерживалось на достаточно высоком властном уровне людьми, ориентированными на западный образ развития науки, экономики и образования. Второе – формирование прорывных идей не только в генетике, но и вирусологии, что позволило нашим специалистам успешно конкурировать с западными учёными в области фундаментальных новаций. Это направление финансируется хуже, но одержимость таких специалистов всё-таки позволяла продвигать научные исследования, располагая ограниченными возможностями влияния на управленческую элиту, определяющую направление развития экономики, науки и образования в отечестве.

Я, как ты знаешь, отношусь ко второму направлению. Мою лабораторию пытались закрыть дважды, но мне удавалось доказывать необходимость продолжения исследований, что в значительной мере отразилось на моём здоровье. Понимая близость своего конца, я не могу взять с собой те идеи, которые мог бы реализовать достаточно быстро, поэтому попытаюсь общо обозначить главные направления, на которых ты бы мог сконцентрировать исследования над проблемой генетической эволюции. Подробные расчёты, сопоставления наших и зарубежных учёных най-

дешь в моём архиве, который мне удалось привести, наконец, в порядок.

Итак. Слабость современных теорий генетической эволюции заключается в том, что она рассматривается исключительно с биологических позиций, опираясь на гипотезу самопроизвольного зарождения жизни (механизм зарождения которой до сих пор не понятен) в отрыве от космических и геологических факторов, которые сами являются следствием фундаментальных общих законов сохранения природы как самоорганизующейся системы.

Я долго размышлял над этим, и однажды сама сущность природы начала раскрываться в моём сознании. Я истово начал складывать кирпичики знаний в области теории систем, формирования Вселенной, звёзд, планетарных систем, минеральных и жизненных форм, пока не пришёл к потрясающему выводу. Видимо, так уже устроен наш разум, что вначале познания на пути к истине всегда выбираем самый сложный путь, пока наконец эта сложность раскрывается простой сущностью, а именно: самоорганизующаяся сущность природы с завидным постоянством во времени и пространстве транслирует подобие своего развёртывания на все уровни организации материи и вещества.

Это подобие заметил Б. Мандельброт – создатель фрактальной геометрии. А затем открытие А. Тьюринга в информатике, Б. Белоусова в автокаталитических процессах... Теория самоорганизующихся систем Г. Хакена, И. Пригожена, И. Стенгерса... Я впервые почувствовал, сынок, такое волнение, что немедленно погрузился в собственные расчёты происходящих событий в развёртывании материального мира.

Последовательно беря отношение происходящих событий во времени и пространстве на разном уровне организации вещества, я неожиданно обратил внимание на то, что эти события в природе развиваются вначале спонтанно в рамках архисложных переходных состояний, измеряемых коэффициентом подобия от 0,1 до 0,2, а затем во времени подобия постепенно стягиваются, достигая постоянного отношения вблизи числа Фибоначчи. Так называемый «принцип золотого сечения» в измеряемых процессах развёртывания всего сущего демонстрировал, что развёртывания практически любых событий переходят в состояние устойчивого динамического равновесия, за которым опять открывается бездна сложностей и нарастания энтропии в развёртывании сложных систем. Эксперимент в миллиарды лет эволюции Вселенной, оказывается, и есть выражение этого.

У меня не хватило времени и сил, чтобы проследить как работает модель (см. архив №4) развёртывания живого, включая человека. Я практически убеждён в том, что если эта модель будет работать на популя-

ционном уровне, то в рамках генетических программ кодируемых ДНК мы можем определять предельный возраст, за которым популяция исчезает, оставляя место развитию другой, причём не только в рамках влияния синтетической теории эволюции. Здесь открывается возможность понять, что наблюдаемая и изучаемая нами эволюция есть только часть этого развёртывания. Другими словами, открывается перспектива заявить о том, что принцип подобия развёртывания самоорганизующейся сущности природы связан с нелокальностью эволюции – эволюции, охватывающей и квантовый мир...

Эксперимент в миллиарды лет эволюции живого может быть использован для целей управления предельным временем существования популяций всего живого, в том числе популяции человека.

Разумная сущность человека удивительна. Она даёт возможность понять сущность самой природы в условиях понимания законов её трансляции на разный уровень организации вещества и материи... Процессы ускоренной во времени мутации живых организмов – это критерий рубежа, за которым включается механизм старения не только организма, но и старения и вымирания всей популяции. И этот рубеж измеряется тем же числом, определяющим состояние неустойчивого динамического равновесия в жизни любой клетки. Зная его, можно управлять процессами старения клетки, кодируя белки таким образом, чтобы замедлить её старение...

Глава I

ВОПРОКИ...

30 января 1942 г.
Берлин.

*Руководству абвера Канарису
начальника отдела агентурной разведки
на территории СССР
донесение 00211*

По данным разведки, в начале февраля наши войска под руководством фельдмаршала Паулюса не смогут прорвать окружение под Сталинградом, и тем самым его армия может прекратить своё существование. Есть вероятность того, что дальше Советам удастся овладеть инициативой и немецкая армия перейдет в фазу затяжных военных оборонительных операций. Это даст возможность Советам накопить резервы и приступить к планомерному освобождению занятых немецкой армией территорий.

Предлагается:

1. На занятых немецкой армией территориях Советов организовать засекреченные группы по строительству секретных подземных сооружений с использованием шахт, каменоломен, пещер.

2. В случае вынужденного или запланированного отступления немецких войск на территории южных районов законсервировать подземные сооружения таким образом, чтобы прикрытия на поверхности представляли собой действующие или построенные социальные и производственные объекты. В дальнейшем они должны гарантировать доступ к возможной расконсервации подземных сооружений. Последние должны быть ориентированы на подрывную, разведывательную, в том числе экспериментальную деятельность химических и биологических лабораторий с использованием накопленного опыта над людьми, наработанного немецкими специалистами в концентрационных лагерях.

3. Создать агентурную сеть из местного населения с последующим скрытым привлечением к секретной работе образованных специалистов по актуальным направлениям развития биотехнологий, влияющих на генотип различных этнических популяций.

11 апреля 1986 г. 13:10. Пентагон.
Аналитический Центр перспектив
по управлению глобальными процессами.

*Кабинет руководителя Центра Оливера Бекера.
Присутствует аналитик Центра Уильям Олсонп,
эксперт поддержки Римского клуба Джеймс Абрамсон,
секретарь Джессика Кинг*

– Господа, – начал Бекер. – Прежде чем принять важные решения, я попрошу Джеймса Абрамсона дать общую характеристику деятельности Глобального Клуба. Пожалуйста, Джеймс.

Среднего роста человек, с одутловатыми чертами лица, что, кажется, явно указывало на наличие у него какого-то хронического заболевания, мягким голосом зачитал заготовленный текст.

– Как известно, Глобальный Клуб представляет собой центр международной общественной организации, объединяющий представителей мировой политической, финансовой, культурной и научной элиты. Основная цель Клуба — изучение проблем и перспектив состояния биосферы, находящейся под влиянием хозяйственной деятельности человека. Основные же задачи Клуба сводятся к привлечению внимания мировой общественности к глобальным и, в первую очередь, экологическим проблемам посредством публикации своих докладов, над которыми работают известные специалисты по разным направлениям деятельности. Клуб заказывает только темы докладов и гарантирует финансирование научных исследований по выбранному направлению, но не влияет ни на сам ход работы над докладами, ни на их результаты и выводы. Как эксперты по глобальным проблемам биосферы, авторы докладов пользуются полной свободой и независимостью изложения своих результатов. Клуб рассматривает и утверждает доклады, как правило, в ходе ежегодной конференции, причём нередко в присутствии широкой публики. Чаще всего это представители общественности, науки, политических деятелей, прессы. Затем Клуб занимается распространением результатов исследования, публикуя доклады и проводя их обсуждение в разных аудиториях и странах мира. Тем самым Клуб создаёт общий настрой и фон озабоченности, которую «проглатывает» мировое сообщество, полагаясь на наработанный авторитет Клуба. Реакция на деятельность Клуба определяется принятием различных деклараций, протоколов, соглашений. Важнейшими из них являются климатические, проблемы, в том числе проблема озоновых дыр, проблемы,

связанные с влиянием хозяйственной деятельности человека на структуру и функцию биосферы.

– Благодарю вас, – сказал Беккер. – Теперь послушаем информацию аналитика нашего Центра Уильяма Олсоппа.

На фоне сидящих за круглым столом кабинета людей невысокого роста фигура Олсоппа казалась яйцеголовым колоссом. Он поправил очки на переносице и несоразмерно росту и массе тела писклявым голосом озвучил заученный монолог как подготовленный к экзамену студент.

– Необходимо отметить главное. Независимость экспертов, их мировая известность, которую создаёт им Глобальный Клуб, устойчивость финансирования их работ над докладами сделали своё дело. Подспудно ими самими вложенная в их сознание большей частью ложная посылка, что именно хозяйственная деятельность человека является главной причиной современных экологических проблем, полностью обратила их в веру того, что они творили. Результатами их докладов является принятие решений на уровне ООН о необходимости управления экологическими процессами, включая искусственное сдерживание потепления климата под предлогом влияния парниковых газов, источником которых является мировой топливно-энергетический комплекс. И хотя в мировой науке есть другая точка зрения, связанная с квазипериодическими, но естественными процессами изменения климата, а также естественного изменения толщины озонового слоя Земли, в большинстве случаев государствам, наконец-то, навязали необходимость торговать парниковыми квотами. Тем самым с помощью мифических глобальных экологических проблем наши специалисты сформировали глобальный рынок торговли парниковыми газами. Это один из способов необходимого нам влияния на мировой рынок топливно-энергетических ресурсов и, как следствие, влияния на мировую экономику.

*12 января 1986 г. 18:10. Пентагон
Аналитический Центр перспектив
по управлению глобальными процессами
Кабинет руководителя Центра Оливера Бекера
Присутствуют аналитик по СССР Девис Мейсон,
секретарь Джессика Кинг.
Записка конгрессу и Президенту США*

Оливер Беккер представляет слово аналитику по СССР Девису Мейсону.

– Игра вдолгую США по предотвращению международного влияния

СССР на территории Варшавского договора, а также на государства, вступившие на путь коммунистических преобразований, подошла к такому состоянию, когда политическая власть в Москве уже не способна адекватно реагировать на внутреннюю экономическую и социально-политическую обстановку, а тем более оказывать финансовую поддержку коммунистическим режимам. Тем самым в мире создаётся ситуация, когда биполярность мира может оказаться монополярностью под эгидой США.

Наши и европейские спецслужбы посредством внедрения агентов влияния в состав политического руководства СССР, включая политическое руководство союзных республик, добились неуверенности общего коммунистического руководства в проведении курса на дальнейшую модернизацию экономики и социальной сферы коммунистической империи. Её развал обозначился с приходом к власти Михаила Горбачёва, пытающегося провести так называемую «перестройку».

В связи с неизбежностью распада коммунистической империи СССР необходимо:

1. Создать иллюзию поддержки действий Горбачёва в направлении демократизации общества в СССР. В связи с ликвидацией Варшавского договора в мировом общественном мнении закрепить мысль о необходимости выдвижения Горбачёва номинантом на Нобелевскую премию мира.

2. Увеличить финансирование некоммерческих организаций на работу по формированию общественного мнения о необходимости дальнейшей демократизации общества и стимулировать лидеров Союзных государств на борьбу за выход из СССР и создание ими независимых государств.

3. В случае прогнозируемой ситуации распада СССР не допустить выхода Украины из состава России в связи с тем, что, располагая ядерным потенциалом, она окажется в лоне независимых государств, располагающих ядерным оружием, что противоречило бы основам принятого соглашения о нераспространении ядерного оружия.

4. Засекреченным специалистам по исследованию генома популяций людей в составе России увеличить кратно финансирование и дать письменную гарантию, что по результатам выполненных ими исследований они получают выбор места проживания по своему усмотрению в сложившейся международной ситуации, причём с достаточной финансовой поддержкой их и членов их семей.

– Спасибо, Мейсон. А если амбиции новых властей Украины не захотят оставаться под патронажем России? – заметил Беккер.

– Тогда США необходимо сделать всё от них зависящее для того, чтобы ядерное оружие после выхода Украины из СССР оказалось именно в Рос-

сии. С ней легче договориться о неприменении ядерного оружия, поскольку это страна моралистов. А будущей управленческой элите Украины нужно навязать мысль, что Америка возьмёт её под свой патронаж с обещанием будущего вхождения её в состав Северо-Атлантического альянса.

– Хорошо. Так и поступим.

*9 июня 1991 г. 14:30. Пентагон. ЦРУ.
Доклад Президенту США*

С восстановлением единства Германии 3 октября 1990 г. и с распадом военного блока стран Варшавского договора в Европе, а также с прекращением существования СССР 26 декабря 1991 г. конфигурация в расстановке сил и влияний на мировое сообщество стремительно меняется. Это стало следствием успешной реализации проекта по развалу нами коммунистической империи. Неспособность нового руководства России управлять быстро меняющейся внутренней и международной ситуацией создали уникальные условия, когда доминирование США в мире является фактом, с которым никто не сможет уже не считаться. В этой связи для укрепления своих позиций на постсоветском пространстве необходимы следующие действия:

1. Несмотря на наши устные договорённости с правящей элитой СССР о том, что мы замораживаем продвижение НАТО к границам новой России, необходимо готовить условия добровольного вхождения в Северо-Атлантический союз стран, вышедших из-под влияния СССР. Тем самым в недалёком будущем, приблизившись к границам уже новой России, мы можем диктовать ей любые политические, экономические и иные условия исключительно в рамках интересов США. Постепенно подготовим базу для отказа от соблюдения договорённости с бывшим СССР и правопреемником его политики Россией в области противоракетной обороны и ограничения ракет средней и меньшей дальности. То есть Америка окончательно добьётся превосходства в мире США как единственной сверхдержавы, обладающей самым мощным экономическим, военным потенциалом и политическим влиянием.

2. В силу слабой власти в России, её коррумпированности с нарождающимся крупным бизнесом, практически завладевшим огромным сырьевым потенциалом, возникают благоприятные условия не только для превращения огромной страны в сырьевой придаток Запада, но и постепенного расчленения самой России. Для этого необходима новая агрессивная информационная политика, финансовые средства для поддержания

недовольства населения в силу возрастающего расслоения его на супер-богатых и бедных.

3. Необходимо и в дальнейшем опираться на леволиберальные элементы, в своё время стимулировавшие не без нашей помощи развал СССР, по проведению ими политики недоверия к новой власти. Необходимо всячески поддерживать либералов в ориентации власти и населения на западные ценности в попытках реформирования образования, науки, культуры. Главный акцент: Россию в открытом противостоянии подчинить трудно или невозможно, а развалить страну изнутри — самый эффективный путь игры с ней вдолгую. Внутренняя оппозиция сделает всё гораздо лучше, чем мы это себе можем предположить.

4. В связи со сложившейся благоприятной ситуацией активизирована работа законспирированных сотрудников по созданию и функционированию секретных лабораторий в области генома популяций, населяющих территорию бывшего СССР, с целью последующего создания генетического оружия, влияющего на вырождение конкретной популяции людей, и прежде всего — популяции русских. Подобная сеть биологических лабораторий должна быть создана не только на постсоветском пространстве, но и в самой России под эгидой некоммерческих организаций (НКО).

22 января 1998 г. 9:50.

*Начальнику территориального органа УФСБ РФ
начальника УФСБ города Южного
донесение 1*

Глубоко законспирированная группа «Наркис», действующая на нашей территории с июня 1993 г, работает по двум основным направлениям:

1. Разработка новых неспецифических биологических (генетических) форм воздействия на организм человека, животных и растений в конкретных территориальных условиях и особенностях окружающей среды.

2. Экспериментальные исследования генома популяций населения в рамках возможности управления геном старения человека конкретной популяции.

В целях разработки и последующего завершения операции по обезвреживанию и изобличению иностранной разведки группы «Наркис» в её состав внедрены два наших агента, задача которых сводится к получению информации о методах и результатах деятельности двух биологических лабораторий: официально зарегистрированной и подземной.

2 июля 2007 г.

Начальнику территориального органа УФСБ РФ
начальника УФСБ города Южного
донесение 2

В рамках работы над операцией «Наркис» установлено:

1. Группа успешно продвигается в реализации исследования новых неспецифических, в т.ч. генетических, биологических форм воздействия на организм человека, животных и растений в конкретных географо-ландшафтных условиях юга РФ. Получены дубликаты первых штаммов новых микроорганизмов, которые переданы нашим микробиологам для исследования возможностей влияния на организм человека.

2. По направлению управления геном старения группа «Наркис» заинтересованно следила за исследованиями кандидата биологических наук Сергея Андреевича Варенцова. В связи с его трагической гибелью в автомобильной катастрофе группа «Наркис» попыталась проникнуть в его квартиру с целью овладения результатами его исследований, однако встала перед фактом, что электронной версией результатов исследования гена старения человека, возможно, случайно стали обладать профессор медицины Владимир Иванович Колонин, оперировавший Варенцова перед смертью, и его друг, доктор физико-математических наук Валерий Сергеевич Ходоков, известный специалист в области разработок программ по искусственному кодированию белковых структур. Агенты группы «Наркис» за этими учёными буквально начали охоту.

Глава II

НА КРАЮ...

22 августа. 9:45.

Клиника профессора Колонина

Странное событие произошло в клинике профессора Колонина. Когда тот вошел в приемное отделение, дежурный врач показал на больного, которого недавно привезла скорая. Тому предстояла сложнейшая операция. Сбитый автомобилем среднего возраста человек находился в таком состоянии, что даже неопытный врач мог вынести вердикт: травмы были несовместимы с жизнью.

Умиравший находился в таком состоянии, что, когда сознание к нему возвращалось, он просил окружающих его врачей, вернее даже не просил, а умолял, чтобы кто-нибудь взял ручку, бумагу и записал то, что он скажет. Неожиданно же он впадал в полузабытье, а его скороговорки уже напоминали какой-то бред.

– Что он хочет сказать? – спросил профессор.

– А кто его знает! Бред несет какой-то и все...

– А все же?

– Что слышали... Хочет продиктовать что-то...

– Установили личность?

– Да! Старший научный сотрудник НИИ биологии. Некто Варенцов... Сергей Андреевич. При нем оказался пропуск в институт.

– У вас есть на чем-нибудь записать? – спросил Колонин.

– Минутку... Вот, пожалуйста!

Владимир Иванович склонился над больным. Тот продолжал бредить.

– Сергей Андреевич!.. Сергей Андреевич... Вы слышите меня? – слегка похлопал ладонью по щеке профессор.

Глаза больного открылись.

– Взяли ручку?..

– Да...

– Пишите... Улица Терновая, дом 6. Ключ найдете под половиком на веранде... У меня на рабочем столе... на рабочем столе... папка. В ней найдете общую тетрадь... Школьная такая, в клеточку... Старая, потерянная, на девяносто шесть листов... Так вот, в ней будет загнут лист на 14 странице... Начинайте читать с нее и все... А вы кто, кстати?

– Профессор Колонин.

– Очень хорошо, профессор... вы все поймете... Только не примите меня за сумасшедшего... Я знаю: у меня травмы, не совместимые с жизнью, я слышал свой приговор от ваших коллег. Слышал...Надо же!.. На самом интересном месте ухожу...

– Не беспокойтесь! Мы постараемся вытащить вас...

– Мы все киборги, профессор! Киборги... биологические роботы... И вся жизнь в том числе. Это просто грандиозный эксперимент в миллиарды лет... Представляете? Мы все... мы все... эй! Ты куда прешь! Не видишь, что ли?.. Сволочь! ... Прошу вас, возьмите ручку и чистый лист бумаги, прошу вас, ну, скорее же, черт возьми... киборги допотопные, ну что вы мешкаете!? Скорее...

– Готовьте больного к операции, Петр Ильич! – бросил дежурному врачу Колонин и вышел в коридор.

Варенцов умер на операционном столе.

Колонин прошел к себе в кабинет, достал лист бумаги и положил на стол. Подумал:

«Умерший не похож на сумасшедшего... мыслил членораздельно. Что же он там оставил в тетради? Может, позвонить в институт биологии и все рассказать?»

Вошла старшая медсестра.

– Я кофе приготовила, будете, Владимир Иванович?

– Нет! Танюша, разыщи в справочнике телефон этого... ну что на операционном столе умер, Варенцова, и позвони. Пусть родственникам сообщат, сотрудникам... В общем, не мне тебя учить.

– Хорошо, Владимир Иванович, не беспокойтесь! Дежурная сестра уже занимается этим.

В два часа по полудню в кабинет Колонина постучали.

– Войдите!

– Владимир Иванович?

– Да! Слушаю вас... Присаживайтесь!

– Я из НИИ биологии, в котором работал Варенцов...

– Чем могу...?

– Моя фамилия Чертов Максим Несторович. Коллега Варенцова... Говорят, что умерший... Сергей Андреевич... вам что-то важное сообщил, и я хотел бы узнать, что именно? Понимаете, Сергей Иванович не всегда был адекватен. Рассеян. В голове у него ворох идей... Все о чем-то думал. Вот и попал под машину... Но... прошу понять меня правильно: он мне задолжал крупную сумму денег. На эксперимент какой-то брал... Сейчас,

сами знаете, институты нищие... А на днях неожиданно обещал вернуть долг, и вот теперь... сами понимаете! Может, он вам сказал именно о том, где эти деньги?

Владимир Иванович посмотрел на гостя, и ему вдруг почему-то стало неприятно холёное лицо этого человека.

– Да, он сказал, но... но только то, что обычно говорят в этих случаях... Просил сообщить ...

– Но у него нет здесь родственников! Его жена покинула давно и уехала в другой город!

– Я не об этом... Он просто назвал адрес, где жил, и все!

– Какая жалость... Простите! Эх, Варенцов, Варенцов!

Посетитель встал и пошел к двери.

– До свидания!

– А почему вы мне сказали, что Варенцов не совсем адекватен? – спросил сотрудника института Колонин, когда гость уже взялся за ручку двери.

Чертов повернулся и безразлично ответил:

– А кто из ученых адекватен? Все мы в науке того! – Он повертел пальцем около виска. – За такие гроши работать, когда экономика в стране в штопоре?!

– А почему же вы, например, не найдете более доходное место?

– У меня через пару месяцев защита докторской диссертации. А там... Там в гробу я видел этот институт и науку вместе с ним... – И, махнув рукой, вышел.

Колонин встал, подошел к окну. Заметил, как с крыльца клиники сбежала фигура посетителя, как он подошел к иномарке, как на больших оборотах сорвал ее с места и исчез за чугунными воротами клиники.

«И все-таки почему Варенцов настаивал на том, чтобы кто-то непременно прочел написанное и, возможно, очень важное в его тетради? Открытие? А почему бы и нет! Ему жаль было уносить его в могилу, потому и сказал мне... Перед смертью вряд ли о мелочах будут настаивать... Может, все-таки сообщить в институт? А там, может статься, такие, как Чертов... покрутят пальцем около виска и весь разговор... Нет! Надо выполнить предсмертную волю человека, а потом уж сообщить, коли важное что в тетради окажется...».

22 августа 16:40.

Окраина города Южного

Сразу за многоэтажками окраины города теснились дома частного сектора, похожие один на другой. Правда, кое-где уже успели вырасти

краснокаменные коттеджи, похожие не на дома, а на дворцы богатых людей, коих становилось с каждым годом больше, собственно, как и бедных.

«И где люди такие деньги берут? Здесь тридцать лет вкалываешь, людей с того света вытаскиваешь. И профессор как никак, а из «хрущёвки» не вылезешь...», – подумалось Владимиру Ивановичу, проходившему мимо теснившихся друг к другу коттеджей.

Дом Варенцова был не похож на новострой, но был еще крепок. Правда, двор выглядел неухоженным и заросшим. Около крыльца лежал грустный и, видно, голодный спаниель.

– Ну, что, собака! Пустишь в дом?

Поднявшийся навстречу гостю пес смешно заводил обручком хвоста, подошел к нему и ткнулся мордой в колени.

– Ишь, ласковый какой! погоди, я потом сбегаю в магазин и что-нибудь куплю для тебя. А сейчас веди в дом...

Собака словно бы поняла слова пришедшего, забежала на веранду.

Профессор последовал за собакой. Вошел на веранду, приподнял край потертого коврика: ключ лежал на том месте, который указал перед операцией Варенцов.

Владимир Иванович открыл дверь. Пес вбежал в прихожую первым и поднятой головой показывал на полку, где стояли какие-то полиэтиленовые мешки. В одном из них оказался сухой собачий корм.

– Ну вот, дружок! Покушаем сейчас... – И Колонин насыпал коричневые шарики в стоявшую на полу пустую собачью плошку.

Голодный пес жадно приступил к трапезе.

Владимир Иванович прошел в зал, из него попал в комнату, где на большом столе стоял компьютер. Рядом возле стопки книг лежала серая, выдавшая виды папка. Открыл ее. Сверху лежала общая тетрадь темно-коричневого цвета, но странно: страницы в ней были исписаны давно, еще чернилами, а бумага была уже выцветшей.

«Вот тебе и открытие!... – вздохнул Владимир Иванович. – В тетради, наверно, какие-нибудь фамильные реликвии, адреса близких, которые могли бы рассчитаться с кредитором покойника... Вот и четырнадцатая страница. Уголок действительно загнут...» – И профессор, опустившись на стул, начал читать содержимое, написанное довольно-таки приличным почерком, явно не принадлежащим Варенцову, потому как в настоящее время давно забыли уже о каллиграфии. Да и сейчас больше пишут шариковой ручкой, не пером.

«Исследуя геном низших организмов, многие уже обратили внимание на то, что каждая более высокоорганизованная жизненная система содержит в себе какие-то элементы повторяющихся структур нуклеотидов. Они как бы достраивают во времени здание, архитектура которого нам не совсем пока понятна. Эти кирпичики достраивают более сложные системы (кластеры), впечатывая копии структур (смотри аксиоматику биологии!) по заданной программе! Подчеркиваю – программе! Какой – не знаю. Я не закончил свои исследования. Но что она существует, это уже не вопрос... Все, что мне удалось сделать, ты прочтешь в моих публикациях. Но главное я не опубликовал. Просто страшно подумать, но я пришел к выводу о том, что жизнь, представляющая собой белково-нуклеиновую основу клеточного строения, была запрограммирована на эволюцию по сценарию, который заложен в протоструктуре слишком разумно. Если не разумом!»

Последнее слово было трижды подчеркнуто. Профессор с интересом продолжал читать.

«Ты теперь понимаешь, как это важно... Мы говорим об эволюции как таковой, а весь сценарий развития, на самом деле, записан, точнее, закодирован в протоструктуре первичной воды протоокеана на Земле миллиарды лет назад. Мне удалось понять, какой первичной структурой обладала протоклетка. Это ты узнаешь в папке №11...

Когда же тебе удастся проиграть сценарий закономерного достраивания и изменения белково-нуклеиновых структур во времени с помощью более совершенных вычислительных программ, ты сможешь узнать, что все развитие живого находится под контролем самоорганизованных биологических структур, работающих по заданному коду программы. Эти структуры похожи на биологических микророботов-трансформеров на клеточном уровне, занимающихся самосборкой не только и не столько в зависимости от изменения внешней среды, сколько в зависимости от заложенной в их самоорганизацию программы. И она должна иметь какое-то наперед точно заданное временное ограничение. Мне трудно понять, что это за ограничение. Скорее всего, в программе заложен генетический временной предел саморазвития генома, за которым неизбежен самораспад клеток живых организмов, в том числе и человека...

Удачи тебе, сынок! Правда, это слово может привести тебя к такому откровению, от которого можно просто сойти с ума. Но это лучше, чем корпеть над диссертациями, в которых за замысловатыми идеями скрывается бездна пустого. Отец».

Дальше была приписка шариковой ручкой, которая была сделана позже, даже, можно сказать, недавно.

«Ты, отец, оказался прав. Программа не только есть – она работает! Папка «Био», файлы «киборг-1 и 12!»

Дальше страницы были не заполнены.

Колонин откинулся на спинку стула и устало опустил руки вдоль туловища. В руку ткнулась влажная, холодная мордочка спаниеля.

– Что, брат, поел? То-то... Жизнь продолжается... А что же делать с тобой, пока родственники какие-нибудь найдутся делить имущество твоего хозяина? Дом крепок еще... Но, скорее, не в нем богатство, в другом, если все это не мистика, псина. Ты псина?

Собака снова завертела обрубок хвоста, легла и положила голову на туфлю профессора.

– Ну вот! Родственник уже... Что же с тобой делать? Забрать с собой?

Пес поднял голову, и его грустные глаза тронули доктора.

– Считай, договорились... Вот только что с этим завещанием покойника делать, а?

Взгляд профессора остановился на компьютере. Он непроизвольно запустил процессор.

«Скорее, доступ в компьютер закрыт. Варенцов не успел назвать пароль», – подумал профессор.

Действительно, компьютер требовал пароль.

«Ну вот! Моя задача облегчается... Появилась причина остановиться на этом и сообщить в НИИ-биологии коллегам Варенцова. Если все, о чём сказано в тетради, представляет интерес, разберутся без меня».

Владимир Иванович хотел было встать и уйти, но что-то толкало Колонина на действие.

«Тебе человек доверил, может быть, самое главное, что сделал в жизни, а ты в кусты... Почему-то покойный не адресовал передать папку институту, а тебе. Правда, может, просто не успел сказать об этом... Теперь этот пароль еще... И вообще как-то неудобно лезть в базу данных так, словно ты вламываешься в чужую жизнь...».

Профессор вернулся к последней строчке написанного уже рукой Варенцова.

«Ученые-романтики. Может, название файла и есть пароль? К тому же бредил киборгами. Попробуем!»

Владимир Иванович набрал пароль латинскими буквами: «Kiborg». Компьютер возмутился... Набрал по-русски – то же самое...

«Стало быть, не романтик Варенцов. Что же делать?»

Выключив компьютер, профессор вернулся в зал. На журнальном столе среди журналов и газет виднелся телефон. Сел в кресло, набрал номер своего друга.

– Валера? Привет! Слушай, здесь такое дело, не знаю с чего и начать... Ты в компьютерах разбираешься так же как я во внутренностях человека... В общем, ты сможешь мне помочь?.. Нет, сейчас! Приехать и взломать пароль... Мне нужно войти в базу данных... Я не дома, я на Терновой, 6!.. Ну, это долго рассказывать... Хорошо, спасибо, старина. Жду!.. Да! Флеш-диск захвати. Может, кое-что переписать придется...

18:10 мин.

Дом Варенцова

Валерий Юрьевич Ходоков вылез из своей машины. В калитке, которая вела во двор дома, с собакой его встречал Колонин.

– Что-то не помню, старина, чтобы у тебя такой домина был. Любовницу, что ли, держишь? А скромнягой прикидывался всю жизнь... Что случилось? Почему такая спешка?

Владимир Иванович, пока шли в дом, в нескольких словах рассказал суть дела.

– Ну, ты даешь! Это может выйти нам обоим боком. Прямо уголовщиной пахнет. Вломились в чужой дом, взламываем пароль чужого компьютера, ты что?!

Но Колонин уже подталкивал его к компьютеру, и тому ничего не оставалось делать, как снять пиджак и приступить к работе.

– Ну вот... Кажется, обманули... Какие тебе папки нужны?

– Киборг-1 до двенадцатого...

– Заходим... Так... Вот первый. Читаем заголовок: «Расшифровка последовательности формирования биологических структур во времени». Это как раз по мне. В мою тему. Уже интересно... Что расскажет нам покойный? Далее таблицы... текст. Вот! «Выводы». Читаем:

«...таким образом, можно с уверенностью утверждать следующее.

Первое. Формирование жизни на Земле миллиарды лет назад являлось следствием первичного кодирования молекулярных структур вначале РНК, а затем ДНК на основе заложенной (как-то, чем-то, кем-то!) генетической программы, записанной на первичной белково-нуклеиновой матрице-носителе.

Второе. Генетическая программа первичного биоида является самообучающейся системой с направленным усложнением структур, с коэффициентом подобия и ускорения развития, близким к числу 1,6163...

Третье. На основе выявленной структуры первичного биоида стало возможным объяснить появление всего разнообразия структур живых организмов во времени.

Четвертое. Человек есть следствие развития подобия многообразных, во времени достраиваемых, усложняемых биоструктур-трансформеров на клеточном уровне и является запрограммированным биологическим созданием.

Пятое. Выявленная закономерность строительства биологических структур во времени дает возможность предсказать будущее человека как биологической структуры. Оно связано с неперенным следованием второму началу термодинамики (об энтропии систем) с условием перехода в состояние самоуничтожения структуры клеточного строения мозга до определенного достижения им сложности, которая на основе выявленного значения коэффициента подобия устанавливается в рамках погрешностей расчета во временном интервале 2047–2080 гг. текущего столетия».

– Ты что-нибудь понимаешь в этом, Володя? Похоже больше на мистику... или фантастику. Может, твой покойник писал фантастический роман?

– Не похоже, Валера... Скорее это строгие научные выводы, которые строятся на добротной науке. Вот эти бесконечные группы цифр в таблицах... К тому же он говорит о расчетах коэффициента подобия... Стало быть, у него есть статистика измерения каких-то развивающихся во времени биологических структур... А последний вывод просто холодит воображение: выходит, что в людях вот-вот наступит или уже наступил процесс самораспада структур мозга... поскольку наследственные признаки, как известно, начинают проявляться в третьем поколении.

– Ну и в историю мы с тобой влипли, Вова! Что с этим будем делать?

– Открывай следующие файлы по порядку, Валера. Может, что-нибудь дальше прояснится.

Доктор медицинских и доктор физико-математических наук до ночи всматривались в монитор компьютера и все больше убеждались в том, что перед ними не большое воображение человека, а добротное научное исследование, на основе которого сделаны фантастические выводы. Они поражали воображение ученых, которые начинали догадываться, что может стоять за этим открытием.

– Флешку захватил, Валера?

– Да! Копирую файлы... Кажется, получилось... Возьми. А что ты с этой информацией будешь делать? – развел руками физик.

– Мы вместе будем делать, Валера...

– А я причем?

– При том... Ты спец от Бога. Великолепный математик и программист в области белковых структур. Нужно все это проверить, понимаешь? Я проверю с биологической точки зрения: всё-таки как-никак врач, да и коллеги среди генетиков есть в НИИ биологии. А ты с точки зрения выкладок Варенцова по возможному программированию развития его от так называемого биоида (LUCA)... Понимаешь, в работах покойного все становится на свои места: и единство живого, и развитие, которое находится уже сейчас в рамках понимания генетики, да и не только ее. Какая-то явная связь устанавливается между иерархическими уровнями организации живого и неживого вещества... К тому же недавно читал книгу одного интересного исследователя об интеллекте. Так вот, появление гениев в истории мировой цивилизации подчиняется коэффициенту подобия, близкого к вычисленному Варенцовым для биологических структур значению. Это все, кажется, неспроста... Не случайность!

– А почему бы это всё не передать в руки того же НИИ биологии, в котором работал покойный? Пусть занимаются, им ближе!

– Боюсь, что там о его работах сложилось превратное мнение... Был у меня один из института, в котором работал Варенцов. Говорил, что покойный был не адекватен. А это могло оказаться простым непониманием того, что сделал Варенцов. Поэтому вначале нужно разобраться в опубликованных работах умершего, посмотреть проблемное направление НИИ биологии, потом уж говорить с руководством института. Я уже чего-то боюсь, Валера. Боюсь, как бы такая информация не попала в дурные руки... Ты только подумай! Грядет запрограммированное, самоорганизованное биологическое саморазрушение структур живого, в том числе человека! А потому нужно убрать все с компьютера, что связано с открытием Варенцова... Стереть! Кто знает, кому с молотка уйдет компьютер, когда родственники будут делить имущество покойного. Его коллега говорил, что жена у него была, но куда-то уехала... Может, даже развелась с ним. Женщинам иногда ближе интеллект слесаря, чем ученого.

Валерий Сергеевич уничтожил файлы, которые указывал в тетради Варенцов, и заново отформатировал диск, на котором была записана скопированная ими информация.

– Ну что, по домам?

– По домам! Сейчас позвоню домой, чтобы жена приготовила что-нибудь поесть, и поедем ко мне – предложил Владимир Иванович. – А у тебя, холостяка, наверно, кроме кофе, ничего нет... Да! Заберу с собой собаку. Уж больно понравился мне спаниель.

Но собака вдруг зарычала и бросилась к двери. Та открылась, и в комнату вошли один за другим двое высокого роста и крепкого телосложения человека. За ними — третий, невысокого роста. Двое держали пистолеты на изготовку.

– Стоять! Руки за голову!

Физик заметил, как его друг моментально сжал в кулаке флеш-диск и прижал ладонями его к затылку.

– Обыскать! Все, что при них, на стол! – командовал третий.

Это был плюгавый, низкого роста, обрюзгший человек, с пологим лбом неандертальца, в сером костюме.

Двое вытащили из карманов ученых содержимое и положили на стол, не забыв тщательно прощупать на возможное наличие у них оружия.

– Чисто, шеф!

– Что вы здесь делаете, в квартире умершего, господа? – задал вопрос плюгавый.

– А с кем, собственно, мы имеем честь говорить? – начал Колонин.

– Полиция! Вы проникли в дом умершего человека, поэтому мы вас задержим. Может быть, и отпустим, коли ничего не украли... Так почему вы здесь оказались?

– Перед смертью мой пациент попросил меня... чтобы я зашел на квартиру и взял его... собаку...

– А что же вы так долго здесь задержались? К тому же вдвоем? А вы кто будете?

– Друг профессора. Он... попросил меня приехать на машине и отвезти его... с собакой.

– Мы уже осмотрели машину... – смерил физика пронизывающим взглядом плюгавый. – Итак, что же вы здесь так долго делали?

– Мы обратили внимание на тетрадь, что на столе... Она была раскрыта на четырнадцатой странице, и мы случайно прочли написанное... Мистика какая-то... или сюжет для какого-то фантастического романа. Вот и обсуждали прочитанное...

Плюгавый открыл тетрадь на четырнадцатой странице, быстро пробежал глазами несколько строк и пробормотал:

– Отлично! Всё на месте...

Потом обернулся к стоящим с вверх поднятыми руками ученым, и сказал:

– Мы сейчас вас отпустим, но потом вы можете нам понадобится... А вы, – обратился плюгавый к своим громилам, – приступайте к работе. – Свободны, господа ученые!

Владимир Иванович подозвал спаниеля и взял его на руки.

– Черт! Детектив какой-то! – пробормотал Ходоков, запуская двигатель машины.

Колонин разжал кулак, в котором был флеш-диск, и, прижав указательный палец ко рту, показал на него.

Физик молча кивнул головой.

– Люди делают свое дело! – стараясь быть безразличным, откликнулся Владимир Иванович.

Когда вышли из машины и прошли с собакой к подъезду, Ходоков спросил друга:

– А что за конспирация?

– Я почти уверен, что в машине они «жучка» оставили. Мне кажется, что это не полиция. Они не похожи на полицейских.

– А кто же они?

– Кто-то очень заинтересован в материалах Варенцова. И хорошо, что мы стерли информацию.

– А может, это ФСБ?

– Тоже не похоже: они воспитанные парни и представились бы, может, даже показали удостоверение. А эти... В общем, непонятные люди. И явно что-то закрутилось вокруг смерти Варенцова. Нам нужно быть осторожными.

– А зачем же ты тогда им сказал про папку, тетрадь и четырнадцатую страницу в ней? Ты же все им выложил!

– Я специально это сделал. Они все равно все перероят и узнают, но главного у них не будет: – мы скинули всё на флэшку... А то, что я сказал, убедило их в том, что у нас не было никаких намерений рыться в материалах Варенцова. Потому и отпустили нас... Временно.

– Тогда ты гениален, черт возьми! А что же нам дальше делать?

– Пока не знаю. Будем молчать и не вспоминать о том, что произошло. То, что мы сказали им, они приняли за чистую монету, потому что это просто проверить. Так что пойдем и поужинаем вместе, чтобы жена мне не задавала лишних вопросов, где были, что делали, а потом ты уедешь к себе домой. После придумаем что-нибудь. Но если по одиночке нас допрашивать будут, станем повторять то, что им уже сказали, не больше. Чувствую, что они нас так просто не оставят, когда не найдут главного...

– А может, Варенцов оставил и другие материалы, которые мы не нашли, а они им-то и попадут в руки?

– Не думаю... Варенцов не зря указал только на четырнадцатую страницу тетради, из которой мы вышли на его файлы...

– А теперь они их не найдут, прочитав дневник его отца... И... вернуться к нам с вопросом...

– Ну и дела! – почесал затылок Ходоков.

Глава III.

НАЧАЛОСЬ...

23 августа. 3:20.

Квартира профессора Колонина

Почти всю ночь Владимир Иванович не спал. Скопировал информацию Варенцова на свой компьютер и с интересом вчитывался в нее. Его поразили глубокие исследования генетика. Помимо сугубо генетических проблем, покойный великолепно разбирался в программировании и решении сложнейших математических задач. Но самое главное, поражал междисциплинарный кругозор генетика в решении проблем самоорганизации биологических структур. Варенцову удалось доказать невероятное... Он решил задачу «живого голого гена», установив, что протоматрицей его структуры служила структура молекулы воды, скопировав которую ген построил собственную структуру протобиоида на матрице глинистых минералов, способных сорбировать органический материал непосредственно из воды... А в процессе роста и усложнения структур глинистых минералов органические структуры первичного бульона наследовали самоорганизующуюся структуру глинистых минералов, способных к росту и усложнению. Те же затем транслировали информацию организации биологических структур в РНК.

«Но для этого нужно было запрограммировать такую возможность... Кто же составил эту программу? Не Сверхразум же?! ... А почему бы нет!.. Только он выступает в образе самоорганизующейся во времени Природы, Вселенной, транслирующей своё подобие на любой уровень организации вещества... А затем усложнение структур... РНК-мир переходит в ДНК-мир. Вселенная превращается в транслятора подобия самоорганизации её самой во всё, что есть и возникает во времени, выступает в качестве своего рода нейронной сети, стремящейся противостоять нарастанию энтропии. Борьба сложности и энтропии... Вот тебе и задачка, господин профессор, к тому же ты атеист, кажется...»

Колонин обхватил голову руками и снова задумался.

Но фантастичность построений Варенцова заключалась в том, что сама структура воды изменялась под влиянием внешних факторов и была спо-

собна к изменчивости! То есть, по его мнению, именно в структуре воды крылась причина заложенного кода жизни, кода на её самоорганизацию в случае попадания в неё простых органических соединений. И при этом, решив задачу последовательного усложнения биоида, Сергей Андреевич Варенцов приходит к выводу о «разумном Начале», у истоков которого находилась структура простой воды, содержащей самый распространенный элемент во вселенной и живом веществе, – водород; Начале, запустившем весь ход последующей эволюции длиной в миллиарды лет. А вычисленное им значение коэффициента подобия и просчитанное в будущее на примере эволюции человека указывало на то, что если он не сможет вмешаться в заданные параметры его изменчивости до 2080 года, то заложенная программа развития мозга включит механизм его разрушения. Но больше всех профессора поразило заключение Варенцова.

«Эксперимент в миллиарды лет предусматривал возможность достижения человеком разумности, способной понять, как возникла жизнь, и определить место человека в мире самоорганизации материи в пространстве-времени с тем, чтобы он занял подобающее ему место во Вселенском Разуме — эдакой нейронной сети. Если же это условие разумности им не достигается, дальнейшее существование человека теряет смысл... Природа (вселенная) сделает ставку на другую организацию мира.

...Являясь биологическим существом, человек исчезает с арены, как и все биологическое, подверженное не естественному, а запрограммированному Природой отбору. Для того чтобы этого не произошло, у него осталось очень мало времени. За это время он должен доказать Природе (вселенной), что он, человек, не животное, а разумное животное... И что он стал осознавать, что творит, то есть смог повлиять на «постоянную» коэффициент подобия, не дав уйти от состояния совершенства сложности, устремив свое развитие в бесконечность...

... И какие мы все-таки еще жалкие существа, если не вырвались из оков биологических инстинктов самоорганизации. В нас доминирует животное начало, поскольку мы не решили проблему запрограммированного самоуничтожения, развивая технологии и интеллект, направленные на достижение животных инстинктов, неограниченного потребления, уничтожения себе подобных. Вместо того, чтобы понять окружающий мир и Природу, затеявшую этот эксперимент, в сущность которой интегрирована разумность самой материи?... Нет, это кажется уже сумасшествием... Скорее, разумная сущность самой Природы...

Господи, если ты существуешь, дай мне возможность доказать людям, что надо торопиться...»

Будучи ученым, Колонин понимал, что мысли усопшего не являются вымыслом, а представляют собой плод глубокого анализа исследования биологических структур от момента, когда они формируют первичную структуру гена, до расчета временных границ давно исчезнувшего и существующего биоразнообразия живого на Земле, не являющегося только результатом естественного отбора, а запрограммированного саморазвития, до предела, когда сам организм (человек) должен понять причины этого феномена и причины исчезновения биоразнообразия. И этот предел измеряется изначально заложенным в развитие биогенетическим потенциалом. А поскольку неразумное живое понять этого не сможет, стало быть, разум был запрограммирован на его появление всем ходом развития материального мира вселенной?..

«Кажется, прямо в согласии с антропным космологическим принципом, гласящим, что Вселенная именно так устроена, потому что таковы фундаментальные константы мироздания в условиях существующих законов сохранения», – пронеслось в голове хирурга.

Понимая важность случайно оказавшейся в руках информации, Владимир Иванович удалил её из своего компьютера, предварительно сбросив копию на новый флеш-диск. Положил его в карман халата с мыслью утром запрятать куда-нибудь диск подальше.

Профессор заснул только под утро и проснулся оттого, что жена его тормошила за плечо.

– Володя, вставай! Срочно к телефону...

Владимир Иванович взял трубку. Услышав взволнованный голос врача Соснова, вначале не сообразил, в чем дело.

– Владимир Иванович, я из ординаторской! Вас разыскивают какие-то люди... Выставили охрану вокруг клиники. Сейчас только вышла машина за вами. Не знаю, что и сказать!..

– Не беспокойтесь Владислав Сергеевич! Я сейчас приеду. Ничего страшного. Это по поводу смерти ученого Варенцова. Занимайтесь своей работой...

Положив трубку, Колонин потер лоб, встал и начал одеваться.

– Что случилось, Володя? – спросила жена.

– Ариша, ничего особенного не случилось, просто приехали из органов выяснить, все ли мы сделали для спасения жизни попавшего в автомобильную катастрофу ученого. Я тебе говорил об этом случае вчера. Но... – Здесь Владимир Иванович почти перешел на шепот, – я хотел бы тебе сказать вот о чем. Если придут эти люди и станут спрашивать, о чем мы говорили с Валерой, отвечай что-то в таком роде: рассказывали

какие-то анекдоты и, в общем, отдыхали за ужином. Хорошо?

– Ты что-то недоговариваешь, Вова? Что же все-таки случилось?

– Точно не могу сказать. Но что-то связано с делом Варенцова. Ты не выгуливала собаку?

– Нет.

– Хорошо,пусти пса в комнату.

Спаниель вошел и положил лапы на колени профессора.

– Ишь ты, признал, собака? Как же тебя зовут, а? Раз рыжий, назовем тебя Рыжиком. Хорошо?

Спаниель заработал обрубок хвоста.

– То-то, Рыжик. Пошли гулять.

Собака радостно взвизгнула и подбежала к двери.

Колонин никогда не заводил животных, но только сейчас почувствовал что-то важное в общении с этим жизнерадостным приемышем. Прогуливаясь по обочине квартального стадиона, он все время боялся, что пес убежит. Но тот, обнюхав окрестности и сделав свои неотложные естественные дела и заметки на всякий случай, посмотрел на хозяина.

– Домой?

Пес снова весело заработал обрубок хвоста и направился к своему подъезду. Сам вбежал на второй этаж и уселся около двери. Владимир Иванович обрадовался смышленности собаки и толкнул дверь квартиры.

В прихожей он столкнулся с тем плюгавым, который допрашивал его в доме Варенцова.

– Одевайтесь, Владимир Иванович! Мы с вами проедем к месту вашей работы. Вы нам расскажите по дороге кое-что, чтобы не отвлекать вас от дел клиники.

– Простите! Но кто же вы все-таки и, собственно, почему ко мне домой приехали? – начал было Колонин.

– Владимир Иванович, пожалуйста, одевайтесь. Я же вам вчера говорил, кто мы. Меня называйте Наркисом Сергеевичем, – сказал плюгавый.

Он выглядел так же, как и вчера, только пронизывающие его рыхловатость и одутловатость в лице, в тощей фигуре выдавали, что ночь он явно не спал.

– Хорошо!

– Ариша, – обратился к жене Владимир Иванович. – Я к обеду буду дома. Ты не забудь позвонить Валере насчет диссертации его аспиранта. Скажи ему, что ученый совет состоится незамедлительно, когда его аспирант будет готов доложить о своей работе, хорошо? На работу пусть не звонит: я сегодня очень занят. У меня сегодня операция.

На углу дома стояла иномарка с тонированными стеклами. Как только Колонин и назвавший себя Наркисом Сергеевичем поравнялись с ней, дверь открылась. Из нее вышел вчерашний амбал и показал глазами на сиденье. На заднем сиденье восседал второй охранник.

«Вот, кажется, уже и арестован. Что же им от меня надо? Диск? Конечно же. Но кто же все-таки эти люди?»

Машина ехала в противоположную от клиники сторону.

– Господа! Клиника не в той стороне! – удивился Колонин.

– Это уже неважно, – сказал плюгавый. – Вы арестованы, профессор.

– За что?

– За то, что без санкции прокурора вы оказались в доме Варенцова и учинили там обыск. При этом у покойного ученого пропали важные документы, о существовании которых вам он сказал перед смертью. Об этом уже составлен протокол. Пока что мы вас привлечем к ответственности за кражу информации, имеющей значение для безопасности государства, хотя у нас уже есть все основания говорить о том, что вы сознательно довели до летального исхода вашего пациента. Вот тогда вы загремите по полной программе в места не столь отдаленные... и на всю жизнь.

– Ну, уж не вам говорить, в каком состоянии находился пациент и как его оперировали...

– Тем более не вам! Вам мы будем задавать вопросы, а вы на них будете отвечать. Но, если выложите сразу похищенную вами информацию, глядишь, и замнем все остальное. Вот, кажется, и приехали.

Машина притормозила у огромного особняка с высокой, красной, кирпичной стеной. Железная дверь открылась автоматически, и за нею оказался внутренний дворик без единого деревца – только подъезд, асфальт и кирпичные стены.

«Да, это не полиция. Володя, а ты влип в историю, из которой вылезти будет весьма проблематично», – мысленно оценивал обстановку Колонин.

– Я не выйду из машины, пока вы мне не покажете документы и ордер на мой арест, – твердо заявил профессор.

– Выкинь его из машины, Бульон! – бросил охраннику Наркис.

Сидевший рядом охранник вылез из машины и рывком вытащил профессора из кабины, причём рванул так, что очки Владимира Ивановича, ударившись об асфальт, разбились.

«Ну, теперь другое дело, господа, не знаю, как вас называть. Теперь вы не полиция точно, а тем более не ФСБ. Они воспитаннее. Следовательно, мне нечего вам говорить, господа уголовники», – сделал второе важное

открытие Владимир Иванович и попытался поднять очки, но охранник их раздавил крепким башмаком с утиным носом.

– Давай шлепай, интеллигенция вшивая! – подтолкнул к двери охранник.

– Валера! Только что Владимира увели какие-то люди в штатском. Я изволновалась вся! – говорила в трубку Арина Савельевна.

– Среди них был мужчина такой, ну, невзрачный, плюгавый, одним словом?

– Да!

– А с ним охранник, детина под два метра?

– Да...

– Ясно... А на словах ничего не передал Владимир?

– Поэтому и звоню. Говорил о какой-то диссертации: мол, что ученый совет состоится незамедлительно, когда ты или твой аспирант будете готовы доложить о какой-то работе.

– И все?

– Все... Кажется закончил фразой, что у него будет операция...

– Не волнуйся, Ариша! Я все выясню и позвоню не раньше обеда или вечера. Никому ничего не говори. По телефону тем более ни с кем и ничем не делись. Произошло какое-то явное недоразумение. Если будут звонить с работы Владимира, спокойно отвечай: уехал на работу. Хорошо?

– Хорошо.

– Замечательно! Передай привет псу. Как назвали?

– Рыжиком...

Ходоков заходил по комнате, похожей больше на кабинет. Поскольку он был человеком неженатым, у него кабинет одновременно выполнял роль зала, а иногда и столовой.

«Итак. Владимира взяли те же люди, которые были на квартире Варенцова. В сообщении Владимира есть какой-то намек. Какой? Стоп! Он говорил о том, чтобы незамедлительно доложить о работе... Так-так. Может быть, он предупредил меня, чтобы я доложил органам, как буду готов это сделать? Когда? И что такое «это»? Да-а... Задача. На работу! Немедленно! Если Владимира нет, значит, его взяли. Но кто? Где диск с записанной информацией? Куда он мог его спрятать? И смог ли? Нет! Надо к нему домой, да так, чтобы никто и ничего не заподозрил...».

Пес залаял, когда позвонили в дверь. Арина Савельевна посмотрела в глазок и, всплеснув руками, удивилась:

– А что это за маскарад, Валера? Что за униформа?

– Потом, Арина! У соседа позаимствовал. Он в ЖЭКе работает... А Володя у себя в кабинете ночью работал?

– Да. Допоздна!

– Отлично. Приготовь чаю, я сейчас!

Ходоков прошел в кабинет Колонина, включил компьютер. Пока тот запускался, начал осматривать стол. Ничего. В столе – тоже.

– Ариша, а в чем муж работал вечером?

– В халате! – отозвалась из кухни жена Колонина.

Валерий Сергеевич снял со спинки стула халат и проверил карманы.

– Наконец-то! Здесь диск. Здесь родной! А теперь долой всю информацию с диска компьютера!

Отказавшись от чая, Ходоков отправился к себе на квартиру.

Физик еще издали заметил у своего подъезда «джип» тех, кто приезжал к дому Варенцова.

«Быстро работают, черти! Но мы тоже не копаемся... Вперед, в клинику Владимира!» – И, спокойно развернувшись около супермаркета, Ходоков поторопился к клинике Колонина.

Оставив за квартал свою машину, он в рабочей одежде ЖКХ прошел в парк клиники и направился к главному подъезду. У входа маячили два омоновца.

Ходоков уверенно направился к центральному входу, захватив с собой ведро уборщика, который мел аллею.

– Нельзя! – коротко бросил омоновец.

– Мне только позвонить начальству, что трубопровод прорвало да чтобы закрыли краны. Я с общего телефона позвоню, что рядом с вами, а то как включим, как ударит напор...

– Звони! – И омоновец подвел Колонина к телефону, прикрывая собой вход в двери.

Валерий Сергеевич снял трубку. Набрал номер. Трубку взяла Татьяна Михайловна – старшая сестра.

– Танечка, это Валерий Сергеевич! Где Владимир Иванович?

– Нет его...

– Хорошо! Тогда сами закройте водопроводные краны, через час воду дадим. Пока, Танечка...

– Спасибо, солдат! Все в порядке. Закроют краны врачи... А что за оканзия, начальство какое привезли лечить, что ли?

– Давайте, отсюда, Валерий Сергеевич! Так кажется вас... Не положено здесь находиться, а мне с вами разговаривать!

– Ладно! Служба есть служба...

Ходоков понял, что Колонина увезли люди, не имеющие никакого дела к полиции или ФСБ.

«Может, сейчас прямо все и сообщить обо всем, что случилось?.. Нет. Рано. Нужно все выяснить спокойно: кто эти военные, у кого на службе и по какой причине оказались здесь. Ну и времена наступили... Неужели в этой неразберихе кто-то усматривает демократию и способность хоть чем-то управлять?..»

Валерий Сергеевич сел на скамейку напротив парка, окружающего клинику, и стал ждать.

Наконец военные вышли, расселись по двум черного цвета «ГАЗелям» и уехали. Ходоков подошел и позвонил по тому же номеру в ординаторскую.

– Таня? Это я. Ты можешь говорить со мной?

– Да! Они уехали.

– Я знаю. Ты ничего не спрашивай, а отвечай только односложно: да, нет. Хорошо?

– Да!

– Умница! Это из полиции?

– Нет!

– Из ФСБ?

– Да!

– Ты замечательная женщина, Танечка! Спасибо. Естественно, интересовались Владимиром и приходил ли утром на работу?

– Да!

– О Варенцове спрашивали?

– Да! И оставили свой телефон, ну, обычный, ФСБ, по которому нужно звонить в обычном порядке.

– Спасибо, родная, ты очень помогла своему шефу. До свидания!

23 августа. 10:11.

Особняк на краю города

Почти сплошной гематомой отражалось лицо Колонина в огромном зеркале, вмонтированном в стену.

– Ну, как выглядишь, гнида? – раздавив в пепельнице окуроч, спросил плюгавый.

– Вы глупости делаете, Наркис Сергеевич! Даже если бы я знал, что вы от меня хотите, я бы не сделал такую милость, чтобы отдать вам информацию. А то, что вы ищите, наверно, стоило того, чтобы не отдавать. Вы, в лучшем случае, уголовники. Не более того...

– Хорошо! – Плюгавый встал и сказал стоящему сзади стула охраннику и истязателю профессора.

– Иди пока! Позову, если понадобится.

Как только тот закрыл за собой дверь, плюгавый обратился к профессору:

– Нам известно, что вы отформатировали диск на компьютере и уничтожили файлы, указанные в тетради Варенцова. Почему вы это сделали? Если успели скопировать, то где копия? Она точно находилась к нашему приходу в доме, поскольку вас мы хорошо обыскали?

«Плохо, плюгавый, плохо! И с флеш-дискот ты, видимо, не имел дела, поскольку искали допотопные диски. И, стало быть, ты не совсем умён и не уверен, скопировали мы информацию или нет! А раз так, то еще повоеюем... Вот только чей заказ ты выполняешь, мне не совсем понятно? Ясно только, что о важности сделанного Варенцовым кто-то знал или даже следил за ученым. Следовательно, кому-то эта информация понадобилась. Даже очень. Кому? Полиции не до этого: у них своих забот полон рот. Да и не их прерогатива разбираться в заумных открытиях. Таким образом, ФСБ либо не в курсе, либо опоздало... Эх, догадается ли Валерий забраться ко мне и найти флэш-диск? Стереть информацию на моем компьютере и сообщить органам безопасности?..»

– Я же вам сказал, что меня ничего не интересовало в деятельности почившего от травм, несовместимых с жизнью, ученого. Кстати, а не вы ли это ему подстроили?

– Что?!

– Автокатастрофу.

Плюгавый нервно вытащил пачку сигарет и снова закурил. Профессор заметил, как у него дрожали пальцы.

– Значит, подстроили именно вы... У вас пальцы дрожат, Наркис Сергеевич. Кстати, вы не из греков?

– Замолчи, хирург недоделанный! Если бы... Если бы ты понадобился только мне, я бы тебя собственными руками задушил: ты у меня из-под носа со своим подельником увёл то, за чем я охотился столько времени...

– Стало быть, у вас есть хозяйка, а вы на них работаете? Это меняет

дело! Давайте их сюда, а то мне неприятно иметь дело с уголовниками.

Плюгавый смял в руке недокуренную сигарету и пошел на профессора, сидевшего в наручниках, и уже занес свой кулак над его лицом.

– Отставить!

В дверях появился небольшого роста, в изысканном костюме молодой человек с незапоминающимися чертами лица.

– Прости, господин... – залепетал вдруг плюгавый, – но этот тип вынудил меня...

– Сними, болван, с него наручники!

Плюгавый подошел к профессору и с трудом снял с того наручники.

– Вон отсюда, мразь! – скомандовал только что вошедший человек.

– Как скажете! – попытлся к двери плюгавый и исчез за дверью.

– Ну и кадры у вас, господин... как вас? – превозмогая боль от наручников, ехидно улыбнулся профессор.

– Лучших в России трудно найти, Владимир Иванович.

– Стало быть, не так плохи дела у нас в стране, коли кроме уголовников некого нанять для того, чтобы из профессора выбивать какие-то сумасбродные сведения, оставленные в тетради Варенцова. Кстати, а вы знаете, что покойный был не адекватен в своих поступках?

– Это потом, профессор... Вначале я вам хотел бы принести извинения за то, что они сделали с вами.

– Вы лучше дали бы мне утереть лицо чем-нибудь да попить. Зачем мне ваши извинения? Вы все равно из таких же плюгавых, как только что выставили за дверь. Только хозяин может разговаривать так со своими подданными...

– Еще раз простите, Владимир Иванович. Сейчас все устроим!

В это время открылась дверь, и один из охранников подал чистое полотенце, стакан с каким-то напитком и пузырек.

«Все, что здесь говорится, прослушивается, иначе как тот догадался так быстро выполнить команду шефа... Да и шефа ли?» – размышлял Колонин, старательно вытирая полотенцем кровоподтеки, осматривая себя в зеркале и обильно смачивая их спиртом. «А вот пить напиток не надо бы: мало ли что они в стакан могут подсыпать. Черт! Так пить хочется...»

– Присядем на диван, Владимир Иванович, – дружелюбно сказал незнакомец.

– Нет уж. На стуле посижу.

– Ну как вам угодно. – Меня зовут Алексей. Просто Алексей.

– Вы говорите с едва заметным английским акцентом, чтобы мне поверить, что вы носите такое, не похожее на английское имя. Лучше сразу

давайте в открытую. Кто вы? Почему меня сюда привезли, не предъявив никаких обвинений?

– Хорошо иметь дело с умными людьми, профессор, – прищурился взгляд, ответил назвавшийся себя Алексеем. – Я также понял, что вы говорите на английском?

– Да!

– Замечательно! Тогда поговорим свободно и откровенно.

Назвавшийся Алексеем, подвинул свой стул к профессору.

– Я успел вовремя, чтобы предотвратить худшие последствия, которые могли произойти с вами чуть позже. Вас действительно похитили мои люди. Это мои осведомители. Я представитель иностранной разведки, выполняю важное задание моего правительства.

– Какого?

– Это пока не важно для вас. Умерший вчера у вас в палате Варенцов, будучи на конгрессе по генетике в Лондоне, вошел в доверие к нашему генетику и похитил у него совершенно секретную информацию в области подходов к расшифровке генома человека. Нам стоило больших трудов найти его, поскольку он практически в последнее время ничего не публиковал в открытой печати в направлении исследований нашего специалиста, который был убит на следующий день, как Варенцов похитил у него информацию... Мы потратили много времени и уйму денег на то, чтобы выйти на Варенцова и изобличить его, но, к сожалению, не успели. Мы случайно узнали о том, что перед смертью Варенцов сообщил вам конфиденциальную информацию об исследованиях, которые он закончил, воспользовавшись материалом нашего специалиста. Мне ничего не оставалось делать, чтобы послать своих людей на квартиру Варенцова, но они опоздали: там оказались вначале вы с вашим другом, профессором физики Ходоковым. Кстати, как и вас, его похитили... первым, а потом уже вас, но другие люди, не мои. Если мы с вами найдем общий язык, то, даю вам слово, мы найдем вашего друга и ничего не случится с вашими семьями.

Назвавший себя Алексеем передохнул и продолжил.

– Как только мы поняли, что кто-то стер информацию на компьютере Варенцова и смог, возможно, предварительно скопировать информацию, которая указана была Сергеем Андреевичем в дневнике его отца, мы решили действовать.

Во-первых, мы подкинули через ваших врачей мысль вышестоящим надзирающим над вами органам о том, что вы сознательно убили на операционном столе своего пациента, дабы завладеть его разработками в области генетики. Сейчас вас ищут по всему городу и полиция, и ФСБ. Най-

дут – церемониться с вами не станут. Это вам рассказывать не надо.

Во-вторых, исчезновение вашего друга, именитого физика, к тому же и программиста мирового уровня, опять же работает против вас, поскольку из всей совокупности случившегося явствует, что существовал сговор между вами за возможность обладания конфиденциальной информацией, которую вы намеревались продать иностранной разведке за хорошие деньги в условиях хаоса демократических преобразований у вас в стране. А это уже в наших силах раскрутить так, чтобы в ФСБ поверили в эту легенду. Таким образом, вы с другом попали в ситуацию, из которой есть только один выход.

– Какой же?

– Сотрудничать с нами напрямую.

– Но я действительно ничего не знаю, кроме записи в тетради на четырнадцатой странице! Я ведь пришел в дом Варенцова, чтобы выполнить его предсмертную просьбу и взять папку, о которой он говорил в присутствии двух врачей и старшей медсестры. Не более того. Это можно проверить. А когда увидел бесхозного пса, мне его стало жаль и я позвонил своему другу, чтобы тот приехал с машиной и мы могли бы его отвезти ко мне домой. Вот и все! Правда, немного задержались, обсуждая прочитанное на четырнадцатой странице. Нам вообще показалось, что это фантастика, не более. А Варенцова просто посчитали неадекватным. Кстати, эту мысль высказал и его сотрудник, который приходил ко мне в кабинет...

– Знаем, Владимир Иванович! Мы только не знаем, куда делось содержимое тех файлов, которые указаны в тетради.

– Но меня же с другом обыскали ваши мордовороты?

– Они просто плохо выполнили свою работу. Мы точно знаем, что вы включали компьютер. В конце концов, нам удастся восстановить уничтоженные файлы: компьютер у нас, но на это уйдет время. Поэтому я предлагаю вам единственный выход, который спасет вас, ваше имя и семью, – сотрудничать с нами.

– Каким образом?

– Вы дадите нам информацию, а мы обеспечиваем вам выезд за рубеж с семьей. Деньги и клинику предоставим в любом уголке мира, где пожелаете.

– Так дорого стоит информация от Варенцова?

– Да. Могу даже сказать больше: вы можете стать вместе с тем ученым, у кого украл Варенцов информацию, Нобелевским лауреатом, поскольку под своим именем опубликуете её содержимое, но несколько позже, пока все в мире успокоится...

– А что, ваши возможности распространяются и на Нобелевский Комитет?

– Информация, которая исчезла из дома Варенцова, стоит того, – уклончиво ответил Алексей. – Так что вам осталось выбирать: либо идти на сотрудничество, либо... Вы же образованный человек и понимаете, что сейчас вы знаете слишком много, чтобы остаться в живых.

– Заманчивая перспектива, Алексей, в какую сторону ни посмотри, но, к сожалению, не для меня. Если бы я обладал нужной вам информацией, может быть, и согласился, поскольку в нашей стране не так просто развернуть свое дело даже сейчас, когда мы живем в новых условиях со старыми проблемами...

– Я вас не тороплю, Владимир Иванович. Даю вам сутки. Вас хорошо накормят. Примете душ. Достанем необходимые лекарства, чтобы вы могли привести себя в порядок. Вы сами себе доктор. Отдохнете, отоспитесь. Как это у вас говорят: «Утро вечера мудренее?»

23 августа. 11:32.

Комната дежурного УФСБ города

– Оперативный дежурный УФСБ слушает!

– Передайте вышестоящему начальству, что профессор Колонин захвачен неизвестными лицами сегодня около девяти утра на своей квартире и увезен в неизвестном направлении...

– А кто передал такую информацию?

... Но в трубке уже были короткие гудки.

Оперативный дежурный нажал кнопку на пульте:

– Срочно необходимо узнать, с какого телефона сейчас поступил звонок, – и снова поднял, но уже другую трубку:

– Только что поступил звонок неизвестного, сообщившего, что...

23 августа 12:05.

Внутренний дворик НИИ физики

Ходоков терпеливо ждал в тени аллеи Института физики в форменной одежде ЖКХ. На него мало кто обращал внимание, поскольку к своему маскараду он добавил темные очки. Он ожидал, чтобы из института вышел кто-нибудь из надежных людей, потому что был уверен, что в институте по поводу его исчезновения уже подняли переполох.

Наконец к главному входу подъехала машина, из которой выгрузили со- суды Дьюара, заполненные жидким азотом.

«Это экспериментальщикам... Стало быть, сейчас выйдет забирать со- суд либо Шамин, либо Арутюнов», – рассуждал Валерий Сергеевич.

Вышел Шамин. Ходоков выдвинулся из тени так, чтобы оставаться не замеченным из окон корпуса института.

– Коля! Николай! – позвал Ходоков, придерживая указательный палец у рта.

Николай Шамин оглянулся. На его лице отразились удивление и нерешительность. Он явно узнал в переодетом в странную униформу челове- ке профессора Ходокова. Валерий Сергеевич решительно махнул рукой и опять повторил:

– На минутку, Коля!

Шамин, озираясь по сторонам, прошел в тень к профессору.

– За мной приезжали? – спросил профессор.

– Да! Они еще в институте. Двое из ФСБ. Учиняют допрос всех, с кем вы общались по роду своей работы. Что случилось, Валерий Сергеевич? И как понимать происходящее?

– Трудно сказать, но это не так важно сейчас. Пока же мне надо где-ни- будь укрыться. Произошло недоразумение, которое вот-вот разрешится, Николай. Мне надо только кое-что узнать и проверить. Ты сможешь мне помочь и при этом никому не сказать ни слова, что меня видел?

– Смогу! Только вы как-нибудь пройдите вон за то здание, а я подъеду к вам на жигуленке и отвезу на свою дачу. Там обычно редко у меня кто бывает. Вас устроит?

– Хорошо! Я пошел.

По пути Николай Шамин набрал продуктов, напитков, и когда они оказа- лись на его маленькой даче, то разговорились. Валерий Сергеевич ел и не перебивал Николая, а тот рассказывал:

– Около десяти утра подъехали люди из ФСБ, поставили охрану в вестибюле и начали допрашивать всех, кто имел дело с вашей лабора- торией. При этом они явно намекали, что ловят какую-то преступную группу, которая намерена нанести большой урон науке и безопасности государства. Вы в их числе. Конечно, все в шоке. Причем здесь вы, занимающийся больше генетическими проблемами, чем эксперимен- тальными?! А замдиректора вообще крикнул им в лицо, что все это чепуха, что все это провокация, что все наши разработки не имеют секретности, так что, мол, не там ищите. А касательно того, что вы

еще возглавляете лабораторию программистов, он даже не вспомнил.

– И все-таки, в чем меня конкретно обвиняют?

– В пособничестве какому-то профессору: то ли хирургу, то ли генетику. Точно не знаю. В оказании ему услуг в похищении какой-то важной ин- формации у генетика, сбитого автомобилем, но которого якобы умышлен- но на операционном столе отправил в мир иной именно ваш друг медик. Все об этом говорят...

– Вот это мне и нужно, Коля. Ты все сказал. Только я сам тебе пока всего не могу рассказать. Произошло что-то чудовищное, а что, я только догадываюсь. Поэтому будь пока осторожен. Если меня вычислят, ска- жи, что я сам оказался на твоей даче: мол, бывал когда-то у тебя в гостях, вот и воспользовался твоим отсутствием. Ключ от входной двери нашел на том месте, где ты обычно прятал, – за дверью у сарая. Так будет луч- ше. Хорошо?

Валерий Сергеевич на минуту задумался, потом продолжил:

– Понимаешь, Николай, загвоздка вот в чем: я не знаю пока, кто действи- тельно из ФСБ, а кто из полиции, а кто преступники, которые охотятся за мной и тем человеком, о котором ты говорил. Таких групп уже не то две, не то три. Кто из них наши, пока трудно понять. Каждый решает сей- час проблему выживания своими способами, поэтому понаблюдай. Если те люди будут толпиться в нашем институте день-другой, то я открою им. Если исчезнут сегодня же, тогда нужно подождать. Жуткое время на- ступило: трудно кому-либо довериться в этой чёртовой демократизации, обрушившейся на наши головы, чтобы не оказаться самому вымазанным в дерме, Коленька. Только народившись, демократия погрязла в какой-то средневековой коррупции, и ты уже не можешь разобрать, кто защищает национальные интересы, а кто их продает. Да, кстати, у тебя есть компью- тер на даче?

– На заднем сиденье ноутбук. Устроит?

– Конечно! На всякий случай, если что произойдет непредвиденное, дай- те мне знать каким-то образом, особенно если сюда соберутся нагрнать нежданные гости. И, если мне нужно немедленно будет покинуть дачу, передай, что едут гости. Хорошо?

– Ладно! Вот мой телефон лаборатории, а вот домашний. Вы будете звонить мне?

– В исключительном случае, Николай.

23 августа. 15:00.

Конференц-зал учёного совета НИИ микробиологии

Зал был заполнен учеными, но председатель ученого совета не появлялся. Обычно на столе президиума стоял вазон с цветами, которые приносили не то из отдела кадров, не то из приёмной, не то из бухгалтерии. Теперь столы были голыми, а в помещении повисла настороженная тишина, лишь кое-где в переполненном зале был еле слышен говор: обсуждали кончину Варенцова.

Кроме членов ученого совета, на заседание были приглашены все научные сотрудники. Повестка дня была странной: «Роль современного ученого в решении вопросов национальной безопасности».

Исчезнувшая было в людях совсем недавно боязнь открытого обсуждения любых проблем, касающихся разработок и открытий, снова появилась, а ещё – нерешительность и даже тревога в желании обсуждать что-либо, когда до каждого дошло чрезвычайное обстоятельство, что в НИИ работают люди из ФСБ. Почти у каждого из присутствующих возникало странное чувство: а не допустил ли и он сам что-нибудь эдакого, к чему могут прицепиться службы, о которых знали, что они существуют, но уже забыли, что к ним надо относиться серьезно?

Учёные также заметили, что недавно висевший в вестибюле портрет в траурной рамке погибшего в автокатастрофе ведущего научного сотрудника лаборатории генетики Варенцова исчез. О нем поползли странные слухи, которые превращались в какие-то невероятные истории, повлекшие за собой проблемы национальной безопасности...

Но вот в президиуме совета появились директор института Круглов, два его заместителя и секретарь. В сторонке сел какой-то человек в темно-сером костюме, с чертами булочника, с круглым простоватым лицом здорового и в меру упитанного человека.

– Уважаемые коллеги! – начал директор института. – Сегодня внеплановое заседание совета с указанной повесткой дня должно послужить нам на будущее уроком того, чтобы, в конце концов, понять, что наши научные исследования являются не только основой развития научного потенциала страны. Они обязаны соответствовать существующим требованиям, негласно утверждающим известные принципы ученого: своими исследованиями не навредить ни себе, ни институту, ни государству. Не разглашать как сведения, порочащие нашу науку, так и результаты исследований, которые могут нанести урон безопасности страны...

Трагическая смерть ведущего научного сотрудника нашего института

Варенцова показала, что разведка далеко не охладела к нашим исследованиям. Напротив, она усилила работу по доступу к материалам незаконченных, как в случае с Варенцовым, так и законченных исследований, нанося экономический и научно-технический урон нашей науке и безопасности государства. Разработки нашего института попали под пристальное внимание тех, кто заинтересован получить конфиденциальную, а зачастую и закрытую информацию по темам, которые разрабатываются у нас.

Сегодня же мы должны обсудить проблемы, связанные с разработками Варенцова и его лаборатории, оценить его вклад в фундаментальной области изучения генома живых организмов, в том числе и человека. По материалам этого заседания мы с вами сформулируем тему предстоящей научной конференции. Хочу сразу сказать: здесь находится представитель Федеральной службы безопасности Владлен Аркадьевич Веленский...

Человек с крупными чертами лица булочника привстал и всем улыбнулся какой-то простоватой улыбкой.

– Он, – продолжал председатель, – надеется из наших выступлений сегодня понять, насколько исследования лаборатории Варенцова могут послужить основой для нанесения вреда безопасности нашему государству. Моё отношение к разработкам Варенцова вы знаете: там больше мифа, нежели науки... Хотя... хотя есть и другие мнения на этот счёт. Некоторые из наших коллег даже склонны относить его исследования к фундаментальным, имеющим важные последствия не только для современной генетики, но и будущего состояния человеческого общества, что, конечно, очень спорно.

Как мне сообщили, в смерти Варенцова винят врачей и какие-то иностранные спецслужбы, действия которых и привели к тому, что в нашем городе ученые оказались в центре внимания грандиозного скандала. Кроме врачей и Варенцова в эту историю попал известный физик. Что это – случайность? Желание в условиях неустойчивой экономики скомпрометировать наших учёных или это уже целенаправленная борьба с ними?..

Директор института сделал паузу, а затем продолжил:

– Не исключаю и другой вариант, что некоторые из учёных просто захотели выбраться из порочного круга недофинансирования лабораторий и пойти на службу к иностранной разведке: туго пока с финансированием современной науки...

– Если туго, надо выпить слабительного! – выкрикнул кто-то из зала.

В зале пробежал легкий ветерок оживления.

Директор не обратил внимание на реплику, посмотрел в сторону сидевшего с непроницаемым лицом человека из ФСБ и заключил:

– Поэтому прошу конкретно высказываться по обозначенной в анонсе проблеме, а после примем постановление учёного совета.

Присутствующие члены ученого совета и приглашенные сотрудники различных лабораторий были удивлены прямоте высказывания их директора. Обычно по ходу выступлений на ученом совете присутствующие не стеснялись потихоньку вести беседы или обсуждать какие-то фрагменты выступлений или отвлекались на другие проблемы, иногда даже не касающиеся тематики совета. Но сейчас в зале царил напряженная тишина.

Первым неожиданно взял слово член ученого совета, старший научный сотрудник лаборатории генетики Чертов. Он говорил несвязно, отвлекался от поставленной на обсуждение проблемы, потому председатель ученого совета остановил генетика:

– Максим Несторович! Давайте по существу, пожалуйста!

Чертов сделал паузу, а потом с несвойственным ему жаром заговорил:

– Что здесь обсуждать!? Нечего, уважаемые коллеги. Я не вижу здесь проблемы по существу. Все мы, сотрудники нашей лаборатории, знаем, что наш коллега Варенцов – скрытный человек и, по-моему, был не совсем адекватен в своих высказываниях по современным проблемам генома человека. Он, видите ли, иногда даже мне доверительно намекал о каком-то влиянии сверхразума, запрограммировавшего в геноме время существования всех живых организмов и человека как одного из существующих биологических видов. А его амбиции, его нетерпимость к исследованиям своих коллег просто поражала...

– Это по отношению к вам! И не приплетайте сюда всех сотрудников лаборатории, Максим Несторович, – выкрикнул из зала его коллега из лаборатории Сироткин Николай Павлович.

Но Чертов, не обращая внимания на реплику из зала, продолжал:

– Большинство из нас Варенцов просто называл скоморохами в науке, всех нас считал недалекими в области генетики. Конечно, не принято говорить плохо о покойниках, но проблема Варенцова – это проблема его здоровья, а не безопасности страны, которая вынесена в анонс нашего совета. Этот так называемый исследователь входил в доверие к сотрудникам нашей лаборатории, да и, наверно, не только к нам, и одалживал деньги, видите ли, на какой-то важный эксперимент, когда дирекция института отказала ему в финансировании его амбициозных намерений расшифровать код старения человека, не выдвинула его работу для участия в конкурсе на получение грантов. Подумайте только! Сколько лабораторий в мире трудится над проблемой старения, а он, видите ли, один может поставить точку в её решении! Я думаю, что никакой научной ценности мировоззрение

Варенцова не представляет, тем более что оно могло повлиять на какую-то мнимую безопасность страны. Наши исследования всем известны. Мы открыто публикуем наши работы и защищаем диссертации...

В зале возникло какое-то движение, и за трибуной неожиданно оказался старший научный сотрудник Сироткин, незаметно прорвавшийся к президиуму. Председательствующий удивленно развел руками.

– Коллеги, не устраивайте, пожалуйста, из совета собрание клуба по интересам. Сдерживайте эмоции. Всем дадим слово, но есть же определённый порядок, в конце концов! Слово предоставляется старшему научному сотруднику лаборатории Варенцова – Сироткину Николаю Павловичу.

Сироткин облокотился на трибуну и, посмотрев в зал, неожиданно выразил мысль, которой, кажется, не ожидал никто.

– Понос всегда не вовремя... Смерд проблемы, вытекшей наружу по случаю гибели Варенцова, заставил нашу администрацию и спецслужбы наконец понять, что пришло время серьёзно задуматься над тем, как развивать науку. Если наше государство не способно финансировать фундаментальные исследования, их будут финансировать другие – наши противники. Это я к высказанной мысли о том, что Варенцов якобы мог броситься в крайность и связаться с иностранными спецслужбами. Это не такой человек. А теперь по сути.

Представьте себе на минуту, что Варенцов докопался до истины причин развития живого, в том числе человека. И докопался до того, что понял о грядущей биологической катастрофе усложняющихся во времени биологических структур, определяющих предельное время существования вида в условиях Земли. Тогда, чем более высок уровень организации живых организмов, тем короче его путь к вырождению. Вот в чём суть ускоренной эволюции – в предельной возможности усложнения биологических структур. Тогда человек – одна из жертв, которая прекратит своё существование в иерархии развития живого. Он ведь один из самых молодых организмов в чреве эволюции. Значит, он крайний...

В зале возник шум...

– И если программа самоорганизации клеточной структуры человека достигла предельного уровня, – продолжал, не обращая внимания на реакцию зала, Сироткин, – то уже в третьем поколении человечество начнёт стремительно вымирать. И государство, которое окажется способным повлиять на генетическую программу вырождения вида, постарается сохранить свой народ для будущего развития. А государства, которые опоздают... – их народы подлежат быстрому вырождению. Не надо никаких войн, никакого оружия и армии, чтобы управлять народонаселением и

сохранить не более миллиарда человек... Вот причина международного интереса к сущности генома человека. Вот возможная причина того, что вокруг Варенцова закопошились разные структуры разведки и безопасности ведущих мировых держав.

В зале опять возник шум. Послышались возгласы: «Ну даёт!» Сироткин хотел было ещё что-то сказать, но безразлично махнул рукой и занял место в зале.

На трибуну поднялся Сочеванов. Этого доктора биологических наук воспринимали по-разному. Одни считали его умницей, публиковавшим свои известные в стране работы только под своим авторством, будучи главным специалистом лаборатории директора института Круглова, но не ставившим впереди себя именитую знать института. Другие просто не воспринимали Сочеванова, поскольку тот был малообщителен, даже замкнут и весьма редко выступал на ученом совете. Больше отмалчивался на галёрке и всегда имел под рукой какой-нибудь журнал или сосредоточенно разбирал бумаги с какими-то расчетами. А потому желание его высказаться по весьма деликатной проблеме насторожило всех собравшихся ученых в конференц-зале.

– Событие, которое связано с именем Варенцова, – следствие того, что в нашем институте наука корпоративна...

– А какая она должна быть? – выкрикнули из зала. – Зачем существуют научные школы?

– Затем, чтобы в этой «корпорации» не было видно личности ученого, – парировал выступающий. – У нас один пашет, другие около него что-то творят наукообразное, третьи просто напрашиваются в соавторы. Вот что надо понимать иногда под современной научной школой... Просто диву иногда даешься, когда, например, на прошлой международной конференции в заявленном докладе Варенцова оказалось одиннадцать фамилий, а Варенцов оказался в списке последним... А теперь хотят откреститься от него и считать усопшего сумасшедшим. – Он посмотрел в сторону Чертова.

– По существу, пожалуйста! – постучал по столу тыльной стороной шариковой ручки председательствующий.

– Так вот, – продолжал Сочеванов, – Варенцов – настоящий учёный, которого не слышали, не слушали, а некоторые считали и считают даже неадекватным. А он сделал уникальное открытие, вокруг которого, видимо, всё и закрутилось. Я внимательно следил за его работами. Не скрою, общался часто и неформально. Он действительно разобрался в структуре генома человека лучше некоторых исследователей и научных школ, сделал нечто большее, чем зарубежная генетика, о чем свидетельствовало поста-

новление недавно прошедшего международного симпозиума по проблемам старения. Он понял, если даже и не раскрыл сущность так называемой «программы смерти» по своевременному отключению гена старения, но смысл или структуру кодирования информации нуклеотидами, от которой зависит не только старение клеток организма, но и временной диапазон существования организма на полочке эволюции, он точно понял...

– Это мистика! – выкрикнули из зала.

– Выходит, человек обречен на вымирание не оттого, что загадил среду обитания, а по воле Создателя? – одернул его замдиректора института по науке.

– По представлениям Варенцова, человек обречен кодом старения под именем «программы смерти», заложенной Природой, и, если хотите, то в меру вашей исповедальности по вечерам, по воле Создателя... Только мы не понимаем, кто этот создатель... Об этом говорит также известный всем за рубежом генетик. Только мы не имеем представления, Что или Кого понимать под Создателем...

Зал заполнился шипением.

Но Сочеванов спокойно продолжал:

– Может, этот Создатель – не что иное как предельная временная, структурная или биоэнергетическая возможность биологических структур, способных к саморазвитию, за которым произойдёт их вырождение в точном соответствии со Вторым началом термодинамики, энтропией... Но энтропией, связанной с неизбежностью во времени исчезновения любого биологического вида... Это и есть то важное открытие, что удалось сделать покойному. И я несколько не удивлён, что именно эта причина лежит в основе проявленного интереса западной и нашей службы безопасности к факту гибели Варенцова. Мы слишком стали открытыми для Запада, стоя в очередях за траншами или грантами. Мы в погоне за рейтингами готовы сдать в иностранную печать любую идею и при этом ещё заплатить издающему журналу мзду, превышающую месячную зарплату завлаба. Мы все продаем за понюшку табаку даже мысли свои, чтобы быть сытыми животными...

Выступающий тяжело вздохнул.

– И ещё. Отец Варенцова, крупнейший советский генетик, в одной из своих последних работ уже делал акцент на возможность ответа на вопрос о предельной генетической возможности к самоорганизации биоструктур и возможного существования спускового генетического механизма (программы), запускающего старение клеток, механизма самоуничтожения клетки на определённом временном этапе её усложнения, причём он го-

ворил об этом задолго до открытий Дарлингтона и Хармана. Мы слишком уничтожаем свои возможности на пути решения важнейших проблем современной генетики. Наше отставание от генетиков Запада в том, что мы нищие, не имеем современных технологий, оборудования в лабораториях, работаем на голом энтузиазме. А жалкие гроши на разработку тематик, ничего не дающих для настоящего прорыва в генетике, отдаём тем, кто ближе к начальству. Естественно, учёные, мало-мальски соображающие в науке, находят пути реализации своих идей не в России. Это, конечно, не патриотично, но все мы люди. Нам не только хочется быть сытыми, но и появляется желание реализовать амбиции учёного. В противном случае зачем тогда существует в нас вирус познания, вся наука, а мы в ней?..

Сочеванов покинул трибуну, сел на свое место и, водрузив очки, болтавшие на затертом шнурке, спокойно раскрыл журнал и демонстративно погрузился в чтение.

Зал не взорвался ни негодованием, ни аплодисментами. Нависшая тяжесть молчания словно придавила всех к своим потёртым сидениям, выдавшими виды еще со времён, когда в этом институте само слово «генетика» не могло сорваться с губ ораторов.

Совет шел долго. Мнения его членов разделились настолько, что сотрудник ФСБ недоумевал. «Если в научной среде такой раздрай, то что творится в экономике страны, у которой есть всё, что необходимо для развития, но люди живут бедно. В науке работают явно преданные своему делу люди, а наука нищая. Но в этой нищете еще сохранился дух соперничества за поиск истины во имя будущих поколений людей. И не только сохранился: но ученые, оказывается, способны делать еще и открытия на мировом уровне, о чем-то спорить на лестничных площадках, на ходу в обшарпанных полумрачных коридорах, пробираясь к своим лабораториям по замызганным лестницам на шестой этаж, поскольку лифт оказался на территории помещений, сданных в аренду каким-то фирмам для того, чтобы администрация института могла что-то доплачивать ученым к их нищенской зарплате».

Веленский поднял глаза в зал и только сейчас обратил внимание на то, что подавляющее большинство научных сотрудников было в возрасте. Многим было куда больше шестидесяти. Среди приглашенных на ученый совет молодых было очень мало.

«Это же катастрофа в науке, у которой нет будущего... Куда же мы зашли? Неужели руководство страны не видит этого... Получается, что человек, однажды вступивший на путь науки в какой-нибудь институт, покидает

его уже после смерти, а это самый настоящий «академический инцест», о котором, кажется, уже говорят. И в другом прав Сочеванов: как мы мало знаем, что творится вокруг, занимаясь только своим делом, в котором проблем не меньше... Где развитие междисциплинарных исследований?..»

Голос Круглова, представившего слово Виленскому, прервал его размышления.

Веленский был краток.

– Я внимательно выслушал выступления сотрудников института, которые оказались весьма полезными для меня. Для себя же пока не сделал выводов, но обратил внимание на то, что в институте имеются основания для пристального интереса спецслужб к вашим исследованиям. Конечно, мне не совсем понятны все тонкости поднимавшихся здесь генетических проблем, поэтому я бы хотел специально побеседовать на эту тему с доктором Сочевановым, если он, конечно, не будет против этого...

Веленский немного задумался, свернул в несколько раз листок бумаги и продолжил:

– Не скрою, я мучительно размышлял, что должен сказать ученому совету, но, к счастью, мне помог точно выразить мысль ваш коллега. А посему хочу подтвердить, что посредством грантов в условиях затруднительного финансирования науки нашим государством иностранная разведка не только добивается успехов в похищении разработок наших учёных, но и стимулирует отток специалистов из России. И еще... В правительстве готовится документ об улучшении финансирования современной как прикладной, так и фундаментальной науки. И, наконец, последнее. Не то время, когда надо бояться службы безопасности. Все мы заинтересованы в том, чтобы наше государство было здоровым и развитым. Каждый на своём месте.

23 августа. 16:39.

Кабинет начальника УФСБ города.

Разговор по телефону

с начальником Главного управления

– Николай Иванович! В нашем городе похищены двое ученых: медик и физик. Медик – известный в стране хирург. Он оперировал попавшего в автокатастрофу генетика Варенцова. Перед смертью тот сообщил какую-то важную информацию в области генома человека и о каком-то открытии медику, оперировавшему его. После смерти Варенцова медик вместе со своим другом физиком оказались на квартире у покойного и там

похитили какую-то информацию, которая заинтересовала иностранную разведку. Принимаем меры к выяснению обстоятельств происшедшего. Некто, не назвавший себя, по телефону горячей линии подтвердил, что хирург Колонин Владимир Иванович кем-то захвачен прямо на дому.

– А что думают по поводу важности возможного открытия ученые вашей области?

– Наш представитель был на ученом совете НИИ микробиологии. Там мнения разделились. Одни считают Варенцова чуть ли не сумасшедшим, другие называют его гением.

– Ну у наших учёных среднего не бывает... Ваши дальнейшие действия?

– Прошу разрешения на то, чтобы «прощупать» в городе группу «Наркис». Кроме неё вряд ли кто заинтересован в получении проблемной информации...

– К этой группе не приближаться на пушечный выстрел, Владлен Аркадьевич! Мы на «хвосте» у неё висим по более важному делу...

– Мы постараемся сделать это осторожно, Николай Иванович.

– Хорошо! Но о каждом шаге в разработке «Наркис» докладывайте мне лично. В любое время... И последнее. Лично вам необходимо немедленно связаться с генетиками города и прозондировать современное состояние проблемы гена старения и уровень наших разработок в этой области. Затем вылететь в Москву для координации действий ФСБ и учёных-генетиков по форсированию работ, связанных с открытием Варенцова.

23 августа 17:10.

Кабинет физика Сочеванова

Веленский переступил порог кабинета Сочеванова и удивился, насколько тот был тесен, загроможден какими-то схемами, толстыми перевязанными обычным шпагатом папками с какими-то бумагами. Книги лежали на столах, стеллажах, полках, подоконнике, даже на полу. За выдавшим виды столом сидела женщина за микроскопом. В углу за компьютером сутулился молодой человек, не обративший никакого внимания на вошедшего, водивший мышкой по столу, покрытому старым линолеумом.

Посреди комнаты стоял большой двухтумбовый стол, также показавшийся Веленскому не из этого столетия.

– Это мои коллеги, – показал рукой на присутствующих Сочеванов. – Располагайтесь здесь. Сейчас вам освобожу стул... Да! Коллеги, – обратился доктор к своим сотрудникам, – не могли бы вы нас оставить на несколько минут?

– Пожалуйста! – ответила сотрудница и вместе с молодым человеком вышла из комнаты.

– Тесновато у вас, Артем Петрович, – нарушил первым молчание Веленский.

– Это еще что! Посмотрели бы вы в других лабораториях. Я как-никак нахожусь под покровительством директора института...

– Но вы не очень-то лестно отозвались о своём начальстве...

– Мы терпим начальство, оно – нас. Так что консенсус, как когда-то говаривал наш генсек, став нобелевским лауреатом мира, после чего мир встал на новую тропу войны... Мы терпим начальство, потому что деваться некуда, а оно – нас, потому что чем-то начальство должно отчитываться перед вышестоящим руководством. Так что мы все терпеливые... Как-никак мы хоть и плетёмся в хвосте западной науки, но что-то творим потихоньку. Надо бы нам, конечно, пройти в экспериментальную лабораторию, но там не дадут спокойно поговорить. И так, чем буду вам полезен, Владлен Аркадьевич?

– Меня интересует всё, что связано с Варенцовым, в первую очередь, возможная цена его открытия, если вообще таковое открытие существует: уж больно противоположны точки зрения ваших коллег о том, чем он занимался.

– Тогда для вас необходим небольшой экскурс в современные проблемы генетики.

Артем Петрович откинулся на спинку стула. Тот скрипнул и, казалось, вот-вот развалится под тучной фигурой генетика.

– Расшифровка генома человека поставила перед мировой наукой фантастически сложную задачу, на решение которой уйдет не один десяток лет, а именно задачу узнать, какие функции выполняют участки ДНК, называемые генами. В свое время известный биолог Харман выдвинул гипотезу, согласно которой при старении человека возрастает уровень окисленности ДНК, белков и липидов. И если был бы найден механизм, замедляющий этот процесс на клеточном уровне, это позволило бы предотвратить преждевременное старение клеток, остановить способность их к делению, следовательно, продлить существование любого организма и популяций, а может быть, и вырождение всего человечества.

– То есть победить старость?

– Во всяком случае, отдалить её.

– И это действительно возможно?

– Одно из крупнейших открытий конца XX века было связано с обнаружением так называемых «программ смерти». Оказалось, что гибель клет-

ки происходит в результате реализации хотя бы одной из таких программ, заложенных в геноме животных и человека, а возможно, во всём живом...

– Выходит, что уже при зарождении жизни Природа запрограммировала процесс её самоликвидации? – удивился собеседник.

– Примерно так... Это уже доказано, например, на одноклеточных организмах, нематодах и других, но не всё так просто.

– Тогда зачем Природе необходимо было искать такую самоорганизацию материального мира, чтобы закладывать генетическую программу на самоликвидацию? – неуверенно задал вопрос сотрудник ФСБ.

– Для того, чтобы через этот механизм ограждать популяции живых организмов от нежелательных особей с целью защиты всей популяции в случае, если они представляют для неё угрозу...

– Вы хотите сказать, что Природа наделена разумностью, которая может предвидеть последствия самоорганизации её творения?!

– Здесь о сверхразумности говорить рано... Пока хотя бы... Дело в том, что на этот счёт есть и другое объяснение. Оно сводится к тому, что «программа смерти», заложенная во всём живом, может быть предназначена для ускорения и усложнения смены поколений, что неизбежно приведет к ускорению и усложнению эволюции видового разнообразия. Этим Природа как бы стимулировала саму эволюцию...

– То есть самой Природой заложен механизм старения для того, чтобы освобождалось место другим поколениям, вобравшим в себя лучший механизм самоорганизации? – опять удивился Веленский.

– В принципе, да. Так возникла новая гипотеза, которая уже может считаться теорией запрограммированного старения как инструмента эволюции. Она предполагает, что в какой-то момент в организме отцов включается механизм умирания, который и ослабляет их относительно детей. В популяции, где с возрастом особи не теряли бы жизнеспособности и плодовитости, детям пришлось бы слишком долго ждать, пока для них освободится ниша...

– Ничего себе! Эволюция через смерть?

– Скорее это код, дающий команду выбора между жизнью и смертью популяции, стоящей перед вызовами самой природы.

Сочеванов задумался. Его открытое лицо диссонировало с тучной фигурой и даже выглядело спортивно-молодцеватым. ФСБ-шник смотрел на Сочеванова глазами школьника, познающего азы какого-то таинства.

– Чем глубже генетика проникает в механизм функционирования живого, – продолжил Сочеванов, – тем больше биологи убеждаются, что в самой природе жизни заложен механизм контроля развития, если хотите,

эволюции на уровне временного и строжайшего метронома наследственных признаков.

– Выходит, и мы находимся под колпаком этого «кода смерти»?

– Выходит...

– Вас, генетиков, убить мало... Вы лишаете нас возможности таинства жизни и смерти, – растерянно улыбнулся Владлен Аркадьевич.

– Скорее мы лишаем себя спекуляций на этот счёт, – недовольно бросил Сочеванов, при этом тонкие черты его лица неожиданно Веленскому показались грубоватыми. – Мистики, если хотите, в вопросах жизни и смерти. Важно другое – найти ответ на самый главный вопрос: зачем Природе понадобилось это делать?...

– Ну и зачем? Как вы думаете?

Сочеванов внимательным взглядом окинул собеседника, словно не решаясь, стоит ли углубляться дальше в проблему, которая наверняка очень далека от этого человека, но всё же продолжил:

– Я полагаю, что Природа не могла отдать на откуп управление развитием какой-то случайности, как говорят некоторые специалисты в области синергетики. Сейчас это учение почти стало панацеей, способной объяснить всё и во всех отраслях знания и бытия человеческого. Везде этим синергетикам видится его величество Случай. Скорее, управление развитием жизненных форм, заложенное миллиарды лет назад с началом появления живого, транслировалось и в геноме человека. И этот геном способен следовать именно программе эволюции, транслирующей подобие эволюции самой природы... Программе, где нет выбора, кроме жизни, расцвета видового разнообразия и смерти... Самого главного сторожевого механизма жизни... Вот такой организации не хватает, к сожалению, современному обществу, не задумывающемуся, что оно творит не столько с природой, но и с самим собой.

– А как же теория Дарвина?

– Теория Дарвина, как и классическая механика Ньютона, – это только часть познанного развития, если хотите, необходимый этап познания сложности Природы. Новое знание не отвергает их, но развивается на их базе дальше и глубже. Существуют и изменчивость, и наследственность, и приспособительность к изменяющимся условиям окружающей среды. Только эта изменчивость не слепая, а направляемая заложенной в геноме программой в близком соответствии к четвертой аксиоме биологии.

– Биороботы мы, что ли?

– Мы не занимаемся фантастикой, Владлен Аркадьевич. Но... как хотите, так и понимайте! Это неважно. Важно то, что в эту программу генетики

могут вмешаться, перенастроить её план или, во всяком случае, замедлить процесс старения вида, например, отключив ген старения. А может, даже отодвинуть его самоликвидацию. И для решения такой задачи ни одно правительство не пожалеет никаких средств, понимаете?

– И Варенцову удалось найти такую возможность для генетического вмешательства? – с сомнением поставил вопрос Веленский.

– Думаю, да! Во всяком случае, скорее да, чем нет...

– Ничего себе задачка для нашей службы. Мы же ни «бум-бум» во всех этих тонкостях, чтобы разобраться во всём... А вам в этом смысле выступление Сироткина кажется фантастичным?

– Думаю, нет. Но у вас другая задача: вам нужно найти пропавших ученых, и, прежде всего, хирурга. У него может быть ключ к этой разгадке. Говорят, он последний, кто общался с Варенцовым.

– Да, конечно! По нашим сведениям, Варенцов перед смертью открылся хирургу, но насколько по отношению к его открытию, этого никто не знает... Впрочем, может, уже и знает, например, иностранная разведка. Так что... вы очень помогли нам в этом. Это заставит нас бросить все силы на то, чтобы ни хирург, ни физик не покинули страну с этой информацией... По свой или иной воле.

Веленский поблагодарил Сочеванова: встал, пожал его мягкую и теплую руку, направился к двери, но неожиданно обернулся и спросил:

– А в науке всегда так: один пашет, а другие вокруг него пританцовывают? Почему это важнейшее направление не стало главным в институте...

– Видите ли, существуют научные школы, а как я к ним сегодня отношусь, вы слышали. Такие школы разные по тематике и направлениям, но одни научные школы топчутся на месте, другие идут в науке к истинам долгим путём. А есть гении, понимаете, которым открывается истина раньше других. Случайно? Не знаю... Но эта случайность посещает того, кто, не жалея живота своего, пашет в науке, путая ночь с началом дня. Именно его и посещает это откровение перед голой истиной. Оно очень дорогого стоит. Человек, которого посетило хоть раз в жизни такое откровение – самый счастливый из всех несчастных, которые существуют за счет науки...

– Выходит, Варенцов – гений?

– Больше, если он действительно расшифровал код и понял сущность кода старения, как на него можно влиять! Он, если хотите, может оказаться спасителем человечества...

– Христос в науке?

– С ним, во всяком случае, – как-то неопределенно и задумчиво ответил ученый.

23 августа 19:15.

Особняк на краю города

Владимир Иванович не лег на диван, рядом с которым на изящной работе декоративном стуле лежало хорошо выглаженное бельё. Пошатавшись, прошёл по комнате. Ему хотелось успокоиться и собраться с мыслями. Снова взглянул на стакан с напитком, но вновь отказался прикоснуться к нему. Зашёл в приоткрытую дверь небольшой душевой, открыл кран, спустил воду из крана и жадно попил.

В это время щёлкнул замок входной двери комнаты, и в неё вошёл среднего роста блондин, молча забрал со стола стакан и поставил вместо него поднос, на котором было подобие ужина.

– Когда поужинаете, нажмите вот эту клавишу и попросите чай. Я принесу. Вы чёрный пьёте или зелёный?

Владимир Иванович посмотрел на него, но ничего не ответил.

– Хорошо! Потом скажете, – сказал блондин.

При этом он приподнял край хлебницы таким образом, чтобы на это обратил внимание доктор. Под ней была салфетка. Их глаза встретились. В прищуре его глаз Владимир Иванович заметил, как взглядом он несколько раз показал на салфетку и снова прикрыл её хлебницей.

– Приятного аппетита! – Он вышел.

Профессор присел к столу, взял ломтик хлеба и осторожным движением вытащил салфетку из-под хлебницы. Взял яблоко с подноса и стал салфеткой имитировать движения, вытирающие яблоко таким образом, чтобы салфетка постепенно разворачивалась. В ней оказалась записка. «Не отчаивайтесь. Ровно в полночь оттяните на себя ручку двери и поверните её против часовой стрелки до упора. Выйдете в коридор и обязательно закройте дверь до щелчка. Идите, ни на кого не обращая внимания, даже если кто-то будет вам попадаться на пути. До конца коридора и через три поворота у аквариума я вас найду».

Колонин ел не спеша, обдумывая содержание записки.

«Стало быть, я действительно стал разменной монетой в какой-то очень крутой игре спецслужб. Но кто они? Есть ли среди них наша спецслужба? Записка явно указывала на то, что меня хотят выволочь отсюда. Но кто они, те, кто старается помочь мне? Или мне придётся попадать снова, но уже в другие руки... И всё же, отчего так всё закрутилось вокруг открытия Варенцова? Неужели оно стоит того, что за ним охотятся многие спецслужбы? А я, выходит, тот, кого хотят расколоть во что бы то ни стало, чтобы овладеть его информацией. Но, кажется, другого выхода нет...»

Надо пробовать принять предложенную игру. Чёрт, как мало я читал детективов, чтобы не вляпаться опять куда-нибудь...»

Владимир Иванович смял в руке салфетку с запиской, сделал видимость, что закончил ужин, и зашел в душевую. Сполоснул руки вместе со скотканной салфеткой и запиской таким образом, чтобы от них осталась только каша из размокшей бумаги, и слил всё в мойку.

Растянувшись на диване, решил успокоиться, но всё путалось в голове. Наконец вспомнил, что можно попросить чаю.

Встал, нажал кнопку и произнёс:

– Мне, пожалуйста, принесите чёрный чай!

– Хорошо! – ответил голос того, кто принёс ужин, словно ждал заказ Колонина.

Блондин поставил заварной чайник, посмотрел в глаза профессору, улыбнулся едва заметной улыбкой и вышел.

«Кажется, порядочный человек. Не из этих мордобоев...», – подумал Владимир Иванович. – Улыбающийся такой улыбкой человек, кажется, просто не может быть непорядочным...»

В полночь Колонин открыл дверь, огляделся. Широкий коридор, отделанный серым мрамором и освещенный светильниками, от которых падали странные расплывающиеся тени, уходил так далеко, что ясно просматривалась перспектива, поглощающая шаги молча идущих навстречу каких-то людей, одетых в странные одежды, похожие на медицинские белые скафандры. Перспектива уходящего в полумрак коридора внезапно поглотила людей, но гулкие звуки их шагов продолжали биться о мраморные потолки и стены. Такое бывает только в подземельях.

Владимир Иванович тихо закрыл за собой дверь. Та еле слышно щёлкнула замком. Снова огляделся – никого. Осторожно пошёл по направлению исчезнувших за поворотом коридора людей в белых скафандрах. Неожиданно откуда-то из боковой стены в дверном проёме ударил яркий свет: из двери, над которой мигало красным цветом «Не входить!», вышли трое. Двери за ними закрылись, и люди молча пошли по направлению к нему. Шли размеренным шагом. Вот поравнялись с ним. Прошли мимо, не повернув головы, не спросив, кто он. Владимир Иванович, не меняя скорости своего передвижения, пропустил людей мимо себя и пошёл дальше, сознательно отставая от них.

Неожиданно из полумрака светильник выхватил на повороте коридора феерически оформленную стену из разноцветного стекла. В нише виднелся

ся муляж огромной клетки с элементами её строения. Это неожиданно всплывшее чудо в сумеречном свете коридора, отвлекло его. Он не заметил, куда свернули трое, шедшие впереди него, прислушался. Показалось, что шаги были недалеко.

За поворотом просматривался перекресток нового подземного коридора. Колонин прибавил шагу и оказался на перекрестке в свете фонарей, проливающих свет откуда-то сверху. Огляделся – никого. Повернул налево и, снова ускоряя шаг, направился к широкой лестнице, видневшейся в конце коридора. Поднялся. Массивные металлические с оргстеклом двери были приоткрыты. Он протиснулся и увидел новый коридор, как две капли воды похожий на предыдущий. Дошел до перекрестка и опять оказался на распутье.

Странное ощущение того, что он теперь не сможет точно определить, откуда он вышел, заставило колотиться его сердце. Это ощущение было ему знакомо: когда-то он заблудился в подземных переходах клиники, придя в первый день на работу. Пометавшись по ним, он так и не нашел тогда выхода, пока попавшийся навстречу студент-практикант в белом халате не показал на дверь, за которой была скрыта лестница, выведшая его сразу в ординаторскую...

Открывшаяся внезапно впереди ниша в стене обнажила освещённый холодным светом аквариум с какими-то кораллами и рыбками, меланхолически плавающими в бледном пространстве, демонстрируя великолепие и грацию изящных плавников и неожиданных форм удивительных созданий.

«Странно, но я, кажется, дошёл до нужного места», – пронеслось в голове профессора, и он почувствовал лёгкое дуновение сквозняка. Напротив аквариума открылась какая-то потайная дверь и из неё вышел «блондин».

– Проходите, Владимир Иванович! – «Блондин» открыл дверь.

Профессор шагнул в неё. Следом вошёл «блондин». Дверь за ним автоматически закрылась.

Пространство было похоже на камеру, вырубленную в скале. Профессор растерянно посмотрел на «блондина».

– Не беспокойтесь, – заметив, как изменился в лице профессор, сказал «блондин». – Скоро вы будете на свободе.

Раздался шум отодвигающего люка, абсолютно незаметного в стене, и оттуда пахнуло свежим воздухом дремавшей ночи.

– Проходите! – позвал «блондин».

Они оказались в каком-то саду. Недалеко виднелась машина, больше похожая на катафалк. «Блондин» провёл Колонина к ней, открыл кабину,

пропустил Владимира Ивановича, а затем захлопнул за ним дверь, оставшись снаружи. Водитель машины повернул голову и тихо сказал:

– Не волнуйтесь, Владимир Иванович! Всё будет хорошо! – И он повёл машину.

– А как же... товарищ? – задал вопрос Владимир Иванович.

– Так надо...

Впереди свет машины выхватил железные ворота. Они открылись, как только машина подъехала к ним на расстояние всего нескольких метров.

За воротами машина выехала на улицу. В свете встречных фонарей только сейчас Владимир Иванович заметил, что на голове водителя была мошешская скуфья.

24 августа. 1:11.

Дача Шамина

В дверь тихонько постучали. Ходоков проснулся и встал с софы. Ноутбук помигивал голубым глазком в ждущем режиме. Прислушался: необыкновенная тишина за дверью насторожила.

«Шамин бы не постучал в дверь, – подумалось физику, – он бы назвал себя... Странно, кто это может быть?»

Валерий Сергеевич вытащил из розетки шнур, выключил компьютер. Стук повторился. Он осторожно откинул коврик, отодвинул в сторону доску подпола, где Шамин хранил всякие дачные разносолы, засунул ноутбук подальше и аккуратно прикрыл.

В это время от сильного удара дверь в дачный дом неожиданно распахнулась, и в лицо физика ударил ослепительный свет фонаря.

– Ходоков Валерий Сергеевич?

– Да...

– Вы арестованы по подозрению в связи с профессором Колониным, похитившим важные документы у некоего Варенцова, которого тот на операционном столе сознательно довел до летального исхода, – говорил заученную фразу некто, чья темная приземистая фигура вырисовывалась в дверной проеме.

– Простите, а вы кто? Какую службу представляете?

– Для вас это не так важно...

Двое охранников, протиснувшись в дом, грубо заломили руки Ходокову, вывели его на улицу и втиснули в машину, захлопнув за ним дверь.

«Могли бы обыскать дом... Не стали. Стало быть, торопятся...» – подумал профессор и откинулся на заднее сидение.

Машина долго петляла по улочкам окраины города, пока не выехала на шоссе и не помчалась в сторону заповедника. Следом ехал внедорожник с тонированными стеклами.

«Что случилось? Почему Шамин не предупредил? – думал физик. – Испугался ситуации и доложил?.. Вряд ли? Не из тех. Главное, кто эти люди, что арестовали меня? Полиция, ФСБ или всё те же, что их допрашивали на квартире Варенцова?»

Лихо развернувшись, машина остановилась у высоких ворот. В обе стороны от них тянулась кирпичная стена, за которой виднелся особняк. Водитель машины вышел и позвонил в дверь. Когда та открылась, в её проеме появился охранник. Перебросившись двумя-тремя фразами, водитель махнул рукой охранникам, и те грубо вытащили Ходокова из машины.

Из внутреннего дворика физика провели в помещение с железной дверью и низкими окнами. Комната была небольшая: диван, стол и два стула.

– Туалет за той дверью! А если захотите побеседовать с начальством, нажмите вот эту кнопку, – показал на синюю кнопку человек в балаклаве. – Если же по какой-то нужде – на красную.

– Так кто же вы всё-таки? – спросил Ходоков.

Охранник молча начал снимать наручники. Его рука коснулась ладони, в которую тот неожиданно вложил клочок бумаги, в ухо же тихо сказал:

– Здесь везде камеры и прослушка. Прочтёте не здесь, только в туалете. После разорвите в клочья и спустите в канализацию.

Глухо щелкнул засов за дверью, и воцарилась тишина.

– Не похоже, что из ФСБ...

Валерий Сергеевич сел на край дивана и потер виски. Разболелась голова. Бумажка словно жгла его ладонь. Хотелось тут же посмотреть, что в ней, но сознание подсказывало, что надо выдержать паузу.

26 августа. 10:00.

Москва.

*Кабинет ректора института
биологических инновационных технологий*

Перетягина Евгения Андреевича

– Евгений Андреевич! Мне позвонили, что к нам сейчас придет представитель из ФСБ подполковник Владлен Аркадьевич Веленский, – сообщила секретарь.

– По какому вопросу, Надежда Ивановна?

– Сказал, что по какому-то очень важному.

– И как скоро?

– Он уже выехал и будет через 15–20 минут.

Через несколько минут секретарь открыла дверь ректора института и представила гостя:

– Евгений Андреевич! Подполковник ФСБ Владлен Аркадьевич Веленский.

– Прошу вас! – Ректор вышел из-за стола и протянул руку. – Садитесь, пожалуйста. – Он выдвинул стул.

– Спасибо. Я не тороплюсь, – рассмеялся подполковник. – Простите, это из анекдота правоохранителей, которые предлагают... сесть без разбирательства, признав сразу свою вину...

– Ну и шутки у вас! – теперь уж рассмеялся Перетягин. – И всё-таки чем я буду вам полезен?

Подполковник вытер высокий лоб платком, аккуратно сложил его вчетверо и не спеша положил в карман пиджака. Его грузная фигура с улыбчивым лицом тем не менее источала заметную усталость.

– Простите, – посерьёзнев, сказал Владлен Аркадьевич, – я по очень важному делу, но оно не касается проблем вверенного вам института и вас лично. Хотя, впрочем, о чём это я? Это касается всех нас. Но начну по порядку.

У вас, кажется, работает известный генетик, профессор Чуднов Степан Николаевич. В прошлом году у него вышла книга «Исправить геном...». Она наделала много шума за рубежом. Кажется, его признают как специалиста мирового уровня, и мне необходимо встретиться с ним для того, чтобы он принял участие в разработке программы, о необходимости которой он говорил в заключении своей книги.

– К сожалению, он уже не работает у нас, – ответил ректор.

– Что? Переманил кто-то?

– Да нет. Просто ушёл...

– Сам?

– Ну как вам сказать... У нас полгода назад был проведён конкурс на замещение вакантных должностей. Ну вы наверняка знаете, как это проходит. Делается объявление в каком-нибудь замызганном издании с тем, чтобы это было подобие конкурса, а не переназначение на занимаемые должности существующего персонала лабораторий и кафедр института. Как и все, Степан Николаевич тоже подал документы, но не все. Например, отказался запросить в МФЦ справку об отсутствии судимости. И комиссия признала его не проходящим по конкурсу, а на его место взяли специалиста из другого вуза.

– Лучшего?

– Время покажет... К тому же это была рекомендация сверху.

– Из высокого верха.

– Из областной администрации.

– И вы, как директор института, ничего не сделали, чтобы задержать специалиста мирового уровня?

– Ну какой он специалист мирового уровня!? Обычный, пишущий и экспериментирующий, как многие у нас учёные. К тому же преклонного возраста и очень раздражительный, особенно по отношению ко всему тому, что связано с непрерывным реформированием образования и науки. И вообще он проблемный человек, критикующий всех и вся, в том числе и время, в котором он сам живёт. Превозносит образование, от которого ушли, а его современное реформирование на учёном совете назвал просто преклонением перед иностранной методологией образования, не учитывая того, что Запад вырабатывал его основы столетиями, а мы развернулись на 180 градусов от своего хотя и замороженного, но своего и не менее эффективного. А я тогда ему заметил, что человек, который понукает настоящее, не может иметь будущего, а тот, который возносит прошлое, уже мёртв.

– Ну это просто афоризм. Здесь может иметь место и другой контекст, – возразил Веленский.

– Как сказать, – ответил Перетягин и продолжил. – Как преподаватель, профессор Чуднов отказался выполнить приказ о введении балльно-рейтинговой системы в учебном процессе, а на учёном совете назвал это чистой профанацией, исходящей из Министерства образования и науки, слепо копирующей зарубежный опыт оценки знаний студентов, и призывал заниматься образованием, а не подсчётом баллов студентов, которые мы всё равно обязаны переводить в оценку знаний по пятибалльной системе... Демонстративно отказался от рейтингования каждого работника института, включая АУП по итогам года, которое также обязало проводить Министерство.

– Но ведь даже устами Президента отмечалось недавно, что непрерывное реформирование системы образования и науки зашло в тупик.

– Понимаете... Образованием и наукой управляет, к сожалению, не президент, а чиновники. Именно они в меру своей образованности и культуры определяют политику образования, осуществляют контроль, проводят аттестацию ВУЗа. И самое большое количество нареканий с их стороны, например, к нам в результате прошедшей аттестации было как раз не по существу выполняемых программ обучения, научно-исследовательских программ, а относительно тех блох, что именно связаны с подобными но-

вовведениями, о которых я говорил выше. Вы просто не можете себе представить, что в течение года нас обязали трижды переделывать рабочие программы в угоду тем умникам в Министерстве, которые сами запутались в компетенциях, которыми должны руководствоваться преподаватели, доценты, профессора при подготовке рабочих программ обучающихся... И поймите! России на современном этапе не нужны бакалавры и магистры – стране нужны специалисты и молодые учёные, коих выращивала страна до начала девяностых.

– Прямо по китайской пословице: «...Пожелаю врагу своему жить в условиях вечных перемен».

– Мы не враги нововведений, но, поверьте, они должны быть разумными и отвечать современным требованиям к науке и образованию. Мы же, как говорили русские классики, готовы принять западное всегда и безоговорочно, закопав методологию организации своего доморощенного и весьма неплохого образования, выстраивать научные разработки в направлении, которое отвечает нуждам нашего развития.

– Но тогда почему вы с лёгкостью дали отмашку на увольнение спеца, о котором говорит мировая наука?

– Я не увольнял его. Это сделала комиссия по представлению к учёному совету.

– Но вы же председатель и вы подписывали его увольнение? Ну хотя бы отстранили от преподавания, но зачем лишили его руководства лабораторией?

– Я предлагал ему остаться, но он вспыльчивый человек. Наговорил мне столько колкостей, что...

– ... вы всё же расстались с ним. А сколько ему лет?

– Кажется, около семидесяти лет. А возможно, уже чуть больше...

– Но именно его работы обсуждает мировая наука, – вставил фразу Веленский.

– Ну, знаете!.. Бывают всякие популистские идеи, на которых падка общественность, создающая фон большого интереса к проблеме...

– Гена старения?

– Да-да! Но идея, мне кажется, завиральная. Так же думают и некоторые наши коллеги-биологи. Ну, представьте, пожалуйста, речь идёт о редактировании генома человека таким образом, чтобы не только продлить жизнь людям, но и победить старение, то есть превратить смертных людей в подобие вечных, не стареющих или, по крайней мере, очень медленно стареющих.

– Но разве это плохо?

– Мы генетики, и нам как-то не с руки заниматься научно-фантастическими идеями, вызывающими ажиотаж малообразованных людей к обсуждению подобной проблемы. Мы занимаемся делом. А шум, внезапно возникший вокруг Варенцова, – это нездоровый фон, только мешающий делать нам свою работу в рамках нашей научной школы. Почему-то все думают, что только Варенцов работал над проблемой старения? Есть уникальные спецы и в НИИ биологии, например, Соков, но никто не стремится и там редактировать геном с позиции исправления того, что сотворила Природа. К тому же наши инновации носят прикладной характер, и это позволяет нашему институту изыскивать собственные средства на развитие. Например, потребности в ДНК-анализах дают нам возможность повышать зарплату учёным...

– Надеюсь, ваши лаборатории не превратились в ток-шоу по неограниченным потребностям обывателей доказывать на телевидении отсутствие у них интимных связей?

– Вот такое финансирование науки у нас в стране, что нам приходится идти хоть на панель..., извините... Учёным тоже хочется есть хлеб с маслом.

– Ну, хорошо! Я в курсе дела, что в НИИ биологии, он же институт инноваций, делают: кое с кем нам удалось побеседовать. Я не о самой сути проблемы, поскольку вы разбираетесь в этом лучше представителей, которые ассоциируются с безопасностью государства. Но, поверьте, вокруг этих идей началась борьба за обладание теми знаниями, которые могут повлиять на безопасность не только нашего государства, но и, как говорят уже и политики, всего человечества. Поэтому мы и стали разбираться в вопросе, почему иностранная разведка так пристально занимается нашими биологами и генетиками, их разработками. Да и не только ими. Не обо всём могу сказать сейчас, но хотел, чтобы вы мне помогли встретиться с вашим специалистом, как вы говорите, не прошедшим по конкурсу из-за того, что не представил какие-то справки ради справки. Поэтому мне срочно необходимо встретиться с ним. Может, пригласить сюда, допустим, к вечеру, к вам в кабинет? И поговорим вместе. Понимаете, слишком много закрутилось вокруг этой проблемы.

– Да поймите! Не придёт он сюда: ему не позволит его ущемлённое самолюбие.

И ректор нервно прошёлся по кабинету.

– Ну что ж, тогда распорядитесь дать его адрес: я сам к нему поеду.

– Хорошо! Я распоряжусь.

Хрущёвская пятиэтажка затерялась среди дробных номеров домов квартала, и подполковнику ФСБ Владлену Аркадьевичу Веленскому с трудом у прохожих удалось узнать положение дома под дробью 14.

Вызвав по домофону квартиру, он поднялся на четвёртый этаж и позвонил в дверь. Если у подавляющего большинства квартир двери представляли собой изыски металлического искусства с глазками и камерами наружного наблюдения, то дверь квартиры профессора Чуднова выглядела так, словно на ней остановилось время событий четверть вековой давности от конца девяностых годов. Разгул преступности заставил людей в домах пытаться превращать квартиры в крепость.

Деревянная, обитая дешёвым дерматином, дверь Чуднова открылась, и за дверной цепочкой появилось лицо женщины.

– Подполковник ФСБ Веленский Владлен Аркадьевич. Я хотел бы встретиться со Степаном Николаевичем.

Дверь прикрылась. Цепочка отошла, и вновь в открытой двери перед подполковником появилась женщина. Повернув голову в сторону коридора, она негромким голосом произнесла.

– Степан Николаевич! Это к тебе из полиции, кажется. Проходите, пожалуйста, – пригласила Веленского хозяйка в узкую прихожую, в которой поместилась не только вешалка для одежды, но и небольшой стеллаж с книгами по длине коридора.

Перед Веленским с очками на лбу и в домашнем халате появилась суховатая фигура человека с усталыми чертами лица.

– Вы, наверное, ошиблись дверью, уважаемый! В квартире напротив сегодня была полиция, и препроводили Жорика. Не преступник он – просто пьющий человек, потерявший работу, так что вам, наверное, к нему. Только вряд ли кто-нибудь есть в его квартире: жена от него ушла, а дети разъехались.

– Нет, Степан Николаевич. Я именно к вам. Позвольте представиться. Подполковник ФСБ Веленский Владлен Аркадьевич.

Степан Николаевич поверх очков с удивлением посмотрел в лицо незваному гостю.

– И что же я такое натворил? – с удивлением спросил профессор.

– Ничего! Успокойтесь. Это обычная реакция у наших людей, когда к ним домой вот таким образом приходят наши люди. Я по очень важному делу, касающемуся ваших исследований в области генома человека.

– Ну уж не думал, что военным, да ещё из ФСБ интересны генетики. Тем не менее, проходите в зал, пожалуйста. Наташенька, дорогуша, сде-

лай нам чайку, только крепенького, – крикнул Чуднов жене.

Небольшой зал по периметру был заставлен до потолка стеллажами книг, и только выход на балкон был свободен от них. В одном из проёмов стеллажей виднелась, словно застрявшая в прошлом веке, модель телевизора. А посреди зала стоял небольшой диван, напротив которого явно только что сидел профессор и работал за маленьким журнальным столиком, на котором стоял открытый ноутбук.

Профессор сел на стул за журнальный столик, а гостя пригласил присесть на диван.

– Я думаю, здесь нам будет удобнее. Кухня рядом. Чаёк нам принесут. А в кабинете у меня, наверно сами догадываетесь, черт ногу сломит от книг, бумаг всяких... Итак, слушаю вас.

Веленский вкратце рассказал о цели своего визита, заострив внимание на том, что профессор, как значимая мировая величина в генетике, сможет помочь в решении проблемы, связанной с открытием Варенцова, о сущности которого только догадывался узкий круг специалистов, с которыми он успел пообщаться.

– Я могу сказать вам определённо: судьба Варенцова обнажила проблемы современной науки в России, но... Варенцов – гений, – после небольшой паузы, словно размышляя, сказал Чуднов и продолжил:

– Недавно ученые Научно-исследовательского центра болезни Альцгеймера при Стэнфордском университете, изучив плазму крови у более чем 4000 человек в возрасте от 18 до 95 лет, установили, что каждый человек по уровню состава белков имеет собственные «биологические часы», определяющие уровень старения организма. По составу белков в крови в исследованной выборке присутствуют три максимума изменения белкового состава в возрастных точках до 34 (молодость), 60 (зрелость), 78 (старость) лет. Поставили проблему, каким образом можно влиять на организм, чтобы не только увеличить продолжительность жизни, но и отдалить старость. Но это не главное: отдалить старость при современном развитии медицины можно, но повлиять на вырождение генома человека нельзя.

Например, Элизабет Блэкбери, Кэрол Грайдер и Джек Шостак в 2009 году были удостоены Нобелевской премии за открытие «механизма защиты хромосом теломерами и ферментом теломеразой». Суть открытия этих учёных состоит в том, что ими был обнаружен ген продолжительности жизни. Благодаря ферменту теломеразе можно искусственно продлить возможности клеток к делению, таким образом предотвратив дегенерацию тканей и органов. Так учёные надеются побороть саму смерть. Но смерть

придумана эволюцией, и победить её невозможно. Продолжительностью жизни можно управлять. Например, препараты на основе ионов Владимира Скулачёва, разработанные в НИИ физико-химической биологии им. А. Н. Белозерского МГУ, уже продаются в современных аптеках. А лабораторией системной биологии МФТИ сформулирована гипотеза о том, что именно нужно изменить в крови стареющего человека: белки, например, можно убрать для того, чтобы скорость старения у этого человека уменьшилась. Другими словами, учёные знают уже очень много о возможности влиять на старение генома человека. Нужно только объединить международные усилия, чтобы как можно быстрее решить проблему возможного исчезновения человека на Земле. Правда, это только гипотеза. Одни ученые утверждают, что эволюция человека закончилась, а другие не поддерживают такую гипотезу. И для этого есть основания. Но главное состоит в том, что, видимо, именно Варенцову удалось нащупать главный механизм, может быть, даже какой-то генетический код с такой структурой, которая способна предотвратить вырождение старения генома человека. Например, можно просто вырезать этот ген, и это может оказаться действительно фундаментальным открытием, способным оставить на полочке эволюции человека таким образом, чтобы эта эволюция касалась только развития мозга, а не его морфологии и зависимости от состояния окружающей среды. Но проблема дальнейшего развития учения о гене старения у нас в стране заключается в том, что судьба умных людей в России тяжела. Везде им необходимо что-то и кому-то доказывать по мелочам, особенно тем, кто живёт за счёт науки или около науки, но в лучшем случае для неё ничего не делает. В худшем – просто делает видимость занятия наукой или мешает другим, поскольку облечён какими-нибудь полномочиями управлять учёными. А я что? Меня уволили как человека, не справившегося с бумажным потоком чиновников от образования и науки. И знаете, у меня стало больше времени на то, чтобы размышлять и приводить в порядок сделанное, хотя в лабораторию я навещаюсь и в курсе того, что там происходит, поскольку душа болит, что не успел кое-что довести до ума...

– Я в курсе того, что с вами произошло. С нашей помощью ошибку ректорат исправит...

– Нет, что вы!? Не старайтесь, ради Бога! Чиновники хлеб свой бумажный едят, а наш хлеб – думать. А поскольку даже ФСБ проявляет такой интерес к генетике, стало быть, что-то на самом деле у нас в отечестве происходит очень важное. Но я вот что скажу... Я уже стар и вряд ли смогу сделать больше того, что успел. Но есть люди, например, Поневич, Кучерова, которые смогут вам помочь в истории старения генома. Но только

им надо дать полную свободу творчества и подкрепить её таким финансированием, которое не позволит зарубежным партнёрам переманивать наших специалистов за рубеж.

Профессор задумался, потом с какой-то болью заговорил снова:

– Однажды мой докторант, весьма умный и порядочный человек, признался мне, что если ему не создадут условия для нормального творчества у нас в лаборатории, он сбежит туда, где в нём будут нуждаться. Мне, мол, чихать, на кого я буду работать. Мне важно моё дело, которое, может быть, даст возможность справиться людям с генетическими болезнями. И неважно, где они живут... А то вот так просижу в лаборатории, в которой нет достойного финансирования, приборов и установок для экспериментов, и пройдёт моя жизнь в ожидании грантов, которыми удостоят наши чиновники от науки по своему выбору. Я не хочу просто прожить в науке или за счёт неё...

Чуднов вздохнул.

– Поймите, Владлен...

– Аркадьевич, – напомнил подполковник.

– Настоящему учёному необходимо не только самовыражение: он хочет доказать себе и окружающим, что в нём живёт неистребимое желание познать не только как устроен мир, но и почему он так устроен... В этом смысл жизни учёного. А в нашем родном отечестве ни мы, ни даже наша власть не понимаем смысла того, что строим, какое государство и куда идём. Власть не имеет ни плана развития, ни цели, которой она должна следовать... Поручив бывшее, мы капитализм строим на песке. Но ведь песок весьма неустойчивое образование и структура, граничащая с её энтропийным состоянием. Любое здание и проекты на песке просто рассыпятся, а нужен фундамент, который будет противостоять энтропии идей. Да их попросту не так уж и много – идей, способных вовлечь энергию общества в русло созидания. И в отличие от Запада, который в капитализм свай забивал и притом в железобетонный фундамент столетиями, мы же наскоком с помощью доморощенных проходимцев, получавшим в своё время зарубежные гранты или напрямую финансировавшихся через некоммерческие организации, повернули на 180 градусов. Тем самым по закону центробежности мы вмиг остались на обочине и экономики, и науки. Но главное, мы лишились будущего в надеждах и помыслах. И может, вам покажутся неуместными мои рассуждения по поводу того, что произошло и что происходит с нами в России, но вы сами только что сказали, что западная разведка в области науки и технологий загодя подготовилась к ситуации развала Союза. А теперь мы собственными руками создаём, по-

жалуй, самое инертное, а потому и самое разрушительное изнутри, если хотите, энтропийное чиновничье-административное государство, обрастающее такими многочисленными связями, в которых заблудились уже и сами чиновники, которое, казалось бы, в плесень превратит наши интеллектуальные мозги. А вот нате же! Случилось несколько по-другому: наша ментальность ещё оказалась способна не только бороться с плесенью, но и выдвигать на авансцену современной науки полуголодных, нищих спеццов наподобие Варенцова и тех, кому судьба науки и отечества была ближе нательного белья, произведённого где-нибудь на Западе.

Только представьте себе! За рубежом всё новьё в науке печатается в журналах, выходящих еженедельно и баснословными для нашей науки тиражами. Моя работа о старении генома в докладах Академии наук лежит уже около года, пока какой-то её сотрудник (а мне кажется, и сам Перетягин), уверовавший в то, что он знает проблему лучше автора, не отодвинет работу и не вынесет вердикт: не подлежит публикации, потому как идея автора противоречит направлениям одной известной московской школы, давно загнавшей себя в тупик, и топчется на уровне мелких прикладных проблем. Ну какое соревнование мы выдержим с Западом, если мои ученики могут печататься в рейтинговых научных журналах SCOPUS за 40–50 тысяч рублей, тогда как они получают жалование от 20 до 30 тысяч рублей! А государство наше в лице чиновников от образования и науки реформируется почти тридцать лет! За это время аппарат чиновничий в образовании и науке увеличился в несколько раз.

Не скрою, и Запад постепенно загоняет себя в тупик. За примером далеко не надо ходить. Недавно Американский геофизический союз (American Geophysical Union – AGU) принес извинения российским ученым за то, что фундаментальную статью ранее не приняли к рассмотрению. Представьте себе! На каком основании? Из-за санкций против России... Тем самым безусловно и Запад начинает политизировать саму науку...

У нас же университетские, академические и институтские мужи соревнуются в образовании в том, кто масштабнее составит аттестационные листы, подтверждающие статус преподавателей, профессоров. При этом они должны каждый свой шаг учебно-методической деятельности, общественной жизни и науки подтверждать копиями документов, подкрепляющих факт, что они не идиоты. Знаю моего коллегу, умного, но очень обязательного, который подготовил аттестационный лист с приложениями к нему на 11 страницах и с 32-мя страницами, подтверждающими его участие в различных мероприятиях. Я в качестве протеста не стал этого

делать, как не стал доказывать своим чиновникам от нашего образования, что у меня нет судимости, например...

– Душечка, чай готов! – пригласила миловидная жена Чуднова, лицо которой в какой-то застенчивой улыбке просто источало доброту.

– Простите, пожалуйста, – вытер набежавший со лба пот Николай Степанович, – я не представил вам свою жену. Наталья Георгиевна. Не только моя половина, но и мой единомышленник. Редчайшей души и судьбы человек, благодаря которому я сделал то, что смог.

– Душечка, ты преувеличиваешь всё... Вам с мёдом или с вареньем? – обратилась она к гостю.

– И с мёдом, и с вареньем, родная, – ответил за Веленского Чуднов. – И пить будем здесь, а потом на кухне долго, поскольку чувствую, что нам с Владленом Аркадьевичем будет о чём ещё побеседовать.

Покидая квартиру Чуднова, подполковник в дверях сказал профессору:

– Спасибо вам, что не отказались сотрудничать с той командой, которую на днях мы создадим с помощью ведущих в стране генетиков и обязательно пригласим вас.

– Простите, но неужели в отечестве нет структур, которые бы организовали прорыв в решении проблемы, инициированной и поставленной Варенцовым, кроме ФСБ?

– Так сложилось в отечестве, – уклончиво ответил Веленский. – Видимо, вы правы. Чиновники от науки и образования сегодня не могут, а власть на местах, кажется, не хочет. Кому-то ведь надо связать идеи и возможности страны, чтобы не оказаться вымирающим народом в рамках стареющего генома...

28 августа. 17:00.

Москва.

Заседание межвузовского учёного совета генетиков и микробиологов.

Присутствует различный контингент специалистов в разных областях науки и технологий.

Председательствующий межвузовского учёного совета современных проблем генетики академик

Филонов Модест Петрович

– Уважаемые члены ученого совета, ведущие специалисты в области генетики и приглашённые! – начал академик. – Мы собрались по очень серьёзному, если даже не чрезвычайному делу по поводу современных до-

стижений в области генетики, которые очень заинтересовали спецслужбы различных государств. Вы все слышаны о так называемых обстоятельствах в связи с Варенцовым, то ли сделавшим уникальное открытие, то ли стоявшим у порога этого открытия. Поэтому наше заседание по решению наших спецорганов будет носить не только научный, но еще и строго конфиденциальный характер. По сути дела, это мозговая атака на проблему старения генома, которая открывает различные перспективы, в том числе в сохранении самого человека. Мы собрали здесь большой форум учёных, включая не только генетиков, медиков, математиков-программистов, химиков, биохимиков и других представителей современной науки, но и специалистов в области современной биоинженерии. Вначале слово предоставляется генералу УФСБ Павлу Петровичу Муровцеву.

– Товарищи! Такое обращение к вам я считаю не только уместным, но и необходимым для объединения усилий разных направлений науки и экспериментальных технологий по поводу генетических разработок, осуществляемых нашими, отечественными, и зарубежными учёными.

В связи с распадом СССР, резким спадом темпов экономического развития в РФ важнейшие направления современной науки утратили некогда свою прорывную деятельность. Этим воспользовались различные разведывательные структуры Запада, которые задолго до распада СССР настойчиво формировали замаскированные и даже подпольные образования в виде секретных биохимических и генетических лабораторий на постсоветском пространстве и у нас в том числе. После окончания холодной войны их целью являлись не только дискредитация нашей науки и образования, включая известный механизм перевода его на так называемую Болонскую систему, подорвав тем самым традиционную и высокоэффективную систему образования, но и создание условий для миграции крупных и известных молодых учёных из России на Запад.

Другим направлением деятельности этих организаций являлось создание подпольных научных лабораторий с привлечением наших учёных и специалистов для разработки идей в различных направлениях современной науки, в том числе генетике. На территории России такие законспирированные лаборатории размещаются в четырёх городах и находятся под контролем ФСБ до той поры, пока не только будут совершенно ясны их цели, задачи, но и будут доступны созданные ими разработки. Мы не хотим раскрывать полностью работу таких подпольных лабораторий, места их локализации. Скажу лишь то, что в условиях сложного финансирования нашей науки и технологий многие специалисты поддались искушению за большие, я даже скажу, за очень большие деньги, не только продавать

прорывные идеи, но и участвовать в продолжении исследований в этих лабораториях. Однако в нашей стране ещё остаётся огромный потенциал учёных, которые занимаются фундаментальными и прикладными исследованиями в различных областях науки. И в сложнейших экономических, политических условиях, различных экономических и политических санкций со стороны Запада они могут продолжать вести работы на мировом уровне современной науки.

Для того, чтобы решить проблему финансирования оборонного комплекса, правительство было вынуждено воспользоваться ресурсным, в первую очередь, энергетическим потенциалом страны, созданным в СССР непостижимым трудом геологов и горняков. Как вам известно, страна постепенно выходит из кризисной ситуации и готова к модернизации всего производства и современной науки за счёт накопленных средств.

Буду с вами откровенен: не все мероприятия наших спецслужб увенчались успехом по раскрытию утечки информации по весьма перспективным результатам исследований. Приведу только один пример, известный некоторым из присутствующих здесь учёных.

Биохимиком Сергеем Андреевичем Варенцовым сделан большой шаг к возможности управления геном старения человека с тем, чтобы предупредить вырождение человека как вида. Его разработками заинтересовались сразу несколько западных спецслужб и подстроили автокатастрофу, чтобы овладеть материалами его исследований. Он, видимо, понял, что находится в опасности, и предупредил своего коллегу, чтобы тот связался с нашей службой в случае, если что-то с ним произойдёт. Почему он сам не пришёл к нам, неизвестно. Скорее всего, у многих ещё остался синдром, что ФСБ – организация, с которой нельзя связываться. Это заблуждение. Но в его портфеле не оказалось ни ноутбука, ни диска с информацией, которой интересовались иностранные спецслужбы. Поэтому автокатастрофа, подстроенная ими же, не дала тех результатов, на которые рассчитывали, и тогда они начали интенсивно вести работу по поиску этой информации. Пока им этого сделать не удалось. В ближайшее время, надеюсь, этой информацией будем обладать мы и незамедлительно передадим её ведущим специалистам и экспертам в области микробиологии и генетики.

А пока по решению руководства страны вам необходима мозговая атака на проблему гена старения с тем, чтобы этим не воспользовались иностранные спецслужбы для разработки невиданного в истории генетического оружия.

На этом я заканчиваю. Спасибо за внимание.

– Коллеги! – обратился секретарь учёного совета к присутствующим.

– Вопросы задавать представителю нашей спецслужбы мы не будем и непосредственно перейдём к формированию направлений актуального исследования, которые возглавят лаборатории, находящиеся на острие проблемы. Финансирование проектов уже открыто. Правительство страны денег сейчас не жалеет на достижение необходимого результата. С ведущими экспертами и научными консультантами лаборатории познакомимся по ходу организации исследований. А сейчас в рамках ваших направлений мозговой атаки на проблему перейдём к составлению плана действий, начиная с микробиологов, затем генетиков и других.

ГЛАВА IV

ВРАТА. ВСЕ МЫ БОГОВЫ

*Каждый человек есть нечто большее, чем он кажется самому себе.
Он представляет уникальную, неповторимую, всегда значимую
и замечательную точку, в которой явления мира пересекаются
только один раз и никогда более в таком сочетании.
Герман Гессе*

...Мы всю жизнь ищем те единственные врата, войдя в которые могли бы сказать, что это именно они позволили нам реализовать в себе то высшее предназначение, которое бы удовлетворило нас в поисках смысла своего существования.

Но врат открывается перед нами множество, и велик соблазн посмотреть, что находится за этим множеством выбора. Но такой выбор разверзшихся перед нами врат ограничен нашим скоротечным существованием в этом мире. Потому-то мы стремимся пройти через те единственные, за которыми жизнь покажется нам олицетворением главного, о котором чаще всего мы имеем весьма смутное представление. А когда их находим, эти врата, оказывается, открывать уже поздно, а тем более пройти в них, потому как мы можем увидеть себя не такими, как думали или захотели увидеть... И вдруг осознаем, как все то, что мы принимали за жизнь, на самом деле оказалось суетностью и какой-то напраслиной. Но назад дороги нет, и нам не представится уже никакой возможности попробовать еще раз, потому как те дороги, которые сами раскрываются перед нами, ведут не туда, куда мы истово желали, а в мир иной... И тогда мы возопим о великой несправедливости не повторить... себя. Но в этом и состоит сущность единственного выбора. Только один раз, поскольку он не только первый, но и последний!

Хотя иногда говорят, что на самом деле только дважды в жизни человек предстает пред Вратами: в первый раз, когда входит в Жизнь; во второй раз, когда покидает Её. А покинув, оставляет жизнь другим в надежде, что

она будет лучше, как и сами живущие на Земле люди. И ни в его власти открыть или закрыть эти Врата.

Но есть и третьи Врата – это пространство осознания, за которым человек сможет понять, для чего он и кто в окружающем мире. Это открытые или закрытые возможности человека в проникновении в самого себя. Проникнув в них, человек сможет увидеть себя в окружающем его мире и понять себя в нем. Таким образом, третьи Врата – это пропуск в самого себя. Не закрыть их, заметить вовремя их существование и, главное, заметить, что они открыты для него, – искусство жития человеческого. Эти Врата открывает или закрывает сам человек.

Перед одними третьи Врата открываются истиной, и они готовы идти до конца в познании её. Другим эти Врата открываются блаженством бытия, и они готовы отдать всё за это блаженство, не давая ничего взамен. Третьим Врата открываются бездной падения в небытие, в беспомыслие их потомков понять свои корни...

Не пропустить, заметить третьи Врата и понять, что за ними – этот выбор делает сам человек. И только один раз.

Незнакомые люди в пустом вагоне электропоезда рассядутся по одному, выбрав поудобнее место, чаще у окна, чаще по ходу поезда. Подсядут к другому только в том случае, когда нет больше выбора занять свободное место. Что это? Заложённая в нас индивидуальность и необходимость или стремление оградить собственное пространство от индивидуальности другого? Стремление к индивидуализации, которая не терпит присутствия кого-либо рядом, словно оно представляется полем другого заряда?

Напротив, в забитой людьми электричке знакомые будут «кучковаться», пакуя пространство телами, не боясь присутствия и контакта с другими. Незнакомые друг другу люди будут стоять и терпеть присутствие других, желая поскорее выбраться из этого забитого телами людей пространства.

Люди строят индивидуальные дома, создают условия индивидуальной жизни. Общество для них только оболочка, в которой существовать не совсем комфортно, но без неё пространство всё же кажется диким.

24 августа 0:30.

Оперативный отдел УФСБ города

– Товарищ полковник, докладываю. На основании оперативно-разыскных мероприятий было установлено место нахождения физика Ходокова,

временно скрывавшегося на даче старшего научного сотрудника института. По вашему приказанию нам удалось через нашего внедрённого в группу «Наркис» агента подбросить им эту информацию. Замысел сработал: – группа «Наркис» выехала на дачу, где скрывается Ходоков.

– Хорошо! Сидеть на хвосте «Наркис» до тех пор, пока не будете уверены в том, что физик попал в руки этой группы и доставлен в лабораторию.

– Есть, Николай Иванович!

24 августа. 2:05 мин.

Кабинет начальника УФСБ города Южного

– Товарищ генерал, докладываю. Операция по раскрытию и дальнейшему обезвреживанию группы «Наркис» вошла в новую фазу. Нами установлено, что известный физик Физического института Ходоков располагает информацией биолога Варенцова и скрывается на даче своего сотрудника. Группе «Наркис» срочно требуется программист мирового уровня для расшифровки какой-то информации по биообъектам, которыми они занимаются в области расшифровки гена старения. Доставка иностранного спеца для них чревата большими трудностями, поэтому нами было принято решение «втёмную» использовать опыт профессора Ходокова. Для этого мы подбросили информацию группе «Наркис» о его нахождении и через своего агента убедили руководителя лаборатории этой группы сразу решить две задачи: обрести крупного спеца в области программирования и дать им возможность попытаться обрести диск, на который профессор Колонин и он записали информацию о сущности открытия биолога Варенцова. Операция удалась: Валерий Сергеевич Ходоков уже в лаборатории группы «Наркис». При этом мы точно знаем, что при физике не было диска, за которым охотимся мы и группа «Наркис». Информацией о местонахождении диска мы пока не располагаем. Но, поскольку освобождён профессор Колонин, думаю, что это дело ближайших часов.

– Хорошо! Но имейте в виду следующее. Первое: за жизнь и здоровье Ходокова вы отвечаете лично. Второе: через своего агента дайте знать Ходокову, что он под нашей защитой. Третье: его надо немедленно уведомить, чтобы он беспрекословно выполнял указания заведующего лабораторией группы «Наркис» и серьёзно вник в суть того, что удалось ей сделать.

– Есть, Семён Игнатьевич.

24 августа. 5:00.
Заседание УФСБ города

– Коллеги! – обратился к сослуживцам начальник УФСБ Николай Иванович Белевцев. – Час назад мне доложили, что профессор Владимир Иванович Колонин находится вне опасности. Однако мы вынуждены не афишировать это обстоятельство по нескольким причинам.

Первая. Группа «Наркис», упустившая Колонина, мечется в городе и в его пригородах в поисках сбежавшего не без нашей помощи профессора.

Вторая. По предварительным данным Колонин и его друг Ходаков не связаны ни с одной из известных нам спецслужб, находящихся под нашим контролем, в том числе группой «Наркис», и попали в историю, которую нам придётся раскрутить.

Третья. Каким-то образом к Колонину и Ходокову попали очень важные научные разработки биолога Варенцова, которые, по предварительным данным, содержат важную информацию в связи с открытием им каких-то особенностей генома человека, чем заинтересовались иностранные спецслужбы.

Четвёртая. Колонину и Ходокову на даче Варенцова удалось стереть информацию на компьютере Варенцова, записать её на свой диск, однако диск попал в руки Ходокову.

Приказываю: спецгруппе Сидельникова через своего агента в логове «Наркис» донести до Ходокова информацию о том, что он находится под защитой. Дальнейшие указания будем формулировать позднее.

24 августа. 1:12.
Мужской монастырь

– Так всё-таки скажите! Кто вы? Наши или... – сделал паузу Колонин.

– Мы все боковы, – кратко ответил священник. – А ко мне обращайтесь так, как бы вы обращались к священнику. Моё наречённое имя – отец Афанасий, игумен. Являюсь духовным и экономическим администратором монастыря.

Дверь обширного подворья отворил монах и пропустил машину.

– А это что, скит?

– Мужской монастырь... Мы сейчас подкрепимся немножко. Потом вы хорошенько отдохнёте. А к заутрене к вам приедет человек из ФСБ.

В трапезной на краю большого стола были поставлены нехитрые прибо-

ры. Горкой нарезанный хлеб в плетёной хлебнице источал запах, который Колонин помнил только с детства, но нигде позднее больше не ощущал. Монах открыл крышку обыкновенной кастрюли и молча заполнил эмалированные чашки ночных посетителей. Пахнуло свежесваренным борщом. Колонин почувствовал, что голоден.

– Не думал, что монахи в мирской жизни сотрудничают со спецслужбами, – закончив трапезу, произнёс Колонин.

– Монахи здесь ни при чём, да и я не являюсь сотрудником ФСБ. Я просто священник, и мой приход находится в этом районе города.

– И всё-таки священники должны бы заниматься другими делами...

– Мы все под Богом ходим, но живём в Отечестве. И если ему плохо, то мы не можем оставаться в стороне.

– И действительно в Отечестве плохо?

– Плохо, если внутри него находятся те, кто сознательно или под влиянием извне стремятся копировать идеологемы, чуждые ментальности православного народа.

– Выходит, религия определяет ментальность, а не исторические традиции народа?

– Мы все боковы и ментальность – от него. Но каждая из религий видит своё понимание откровения Божьего. Западное богословие рационально. Оно ввергло Европу в потребительскую ментальность, превратив человека в раба свободы потребления, которая на самом деле не только не стирала, но усиливала животные инстинкты в человеке к обладанию большим и большего, к обладанию властью над всеми и насаждению этого рационализма какими угодно методами везде.

Православие же — религия врачевания. Наши доморощенные либералы, пораженные неограниченным западным рационализмом, хотят перенести эту схему на ментальность православного народа, для которого важнее духовность, помноженная на рациональность. И мне кажется, что именно духовность в развитии разума посредством науки, технологий и культуры позволит человеку познать божественную сущность его творения.

А что сделали либералы? Ради свободы потребления и копирования западной свободы они распахнули двери дичайшему рынку капитализма и тем самым обрушили так тяжело сложившуюся экономику, науку, технологию, образование, которые не так давно в купе оказались способны победить чудовищный нацизм, порождённый католицизмом, одетым в одежды рационализма. Бездуховная сущность рационализма даже в условиях поражения во Второй мировой войне заблаговременно готовилась к реваншу для нанесения нового удара по возрождающейся экономике

СССР путём строительства под землёй сооружений, готовых к подрывной деятельности во всех направлениях. Об этом вам расскажет утром представитель службы государственной безопасности.

– Но ведь советская власть непомерным гонением на церковь нанесла ей один из самых больших уронов. Так почему же вдруг священнослужители так обеспокоены происходящим теперь уже в России?

– Во-первых, в православии существует концепция симфонии духовной и светской властей, означающей необходимость вести народ к Царству Божию. И если западное богословие придерживается доктрины того, что государство исходит от Бога и потому ему следует повиноваться, хотя и с оговорками, то в основе социальной концепции православной церкви признаётся право на неповиновение светской власти, если та принуждает чад своих к отступничеству от христианства и греховным деяниям. Во-вторых, современная власть пересмотрела своё отношение к церкви и обращается теперь к ней как гаранту в стремлении развивать духовность в своём народе. И, в-третьих, в рамках доктрины симфонии духовной и светской властей церковь будет поддерживать государство в стремлении сохранения его целостности, развития во всех направлениях человека.

Колонин попытался возразить:

– Но ведь именно рационализм проложил дорогу к развитию знания, науки, технологий. А, насколько мне известно, в православной традиции существует система аскетической и монашеской практики, направленной на богопознание и обожение... Т.е. это практика безмолвствия ума... В условиях стремительного развития науки и технологий исихасты не способны достичь такого развития.

– Аскетическая и монашеская практика – это камертон божественной сущности человека, это образец следования божественной сути человеческой природы, означающей, что светская власть и все светские деяния должны быть сообразны Божьему замыслу...

– Отец Афанасий, к обители подъехала машина. Тебя требуют, – обратился к священнику вошедший в трапезную монах.

– Ну вот, кажется, и подъехали, но это уже к вам. Стало быть, слишком всё закрутилось вокруг подземелья «Наркис».

– Выходит, вы в курсе дела, что это за группа?

– В курсе того, что мне положено знать. Как видите, ваши опасения, что можете снова попасть к врагам Отечества, не имеют под собой оснований. Если сможете чем-то помочь спецслужбе, стало быть, сделаете дело Божие, – ответил священник и благословил крестом Колонина.

Монах провёл Колонина в небольшую залу, служащую не то библиотекой, не то помещением, где монахи могли собираться по какому-либо поводу. Стеллажи были переполнены какими-то старинными книгами, поэтому часть из них стопками лежала на краю длинного стола из изящно подогнанных и хорошо отполированных досок, покрытых лаком. На стенах под лампадами виднелись лики святых.

– Присядьте, пожалуйста, – пододвинул к столу искусно сделанный стул монах и сразу же удалился.

В это же время в другом конце залы появились двое. Одного Колонин сразу узнал: это был заведующий кафедрой биологии университета профессор Михаил Никитович Поневич, который широко раскинул руки и обнял Владимира Ивановича.

– Слава Богу, живы!

– Владлен Аркадьевич Веленский, – протянул руку Колонину другой вошедший, когда Поневич отпустил руку Колонина. – Руководитель спецгруппы УФСБ города. Сразу прошу извинить нас, что, во-первых, не дали вам даже отдохнуть, а во-вторых, не смогли предотвратить ваше похищение, но события развивались и продолжают развиваться стремительно. Поэтому в присутствии вашего коллеги мы постараемся выяснить некоторые обстоятельства. Но прежде можете позвонить домой и предупредить семью, что вы в безопасности и... – здесь полковник сделал паузу, – и ещё: предупредите, что на неделю-другую вы будете в командировке. Так нужно, чтобы те, которые вас похитили, забеспокоились и начали вести поиски, а это нам на руку.

Полковник передал телефон Колонину.

– Желательно пользоваться телефоном в исключительных случаях, хотя он и защищён от прослушки.

– Спасибо, – ответил Колонин, – но сейчас ещё ночь. Позвоню домой позже.

– И ещё, – задумчиво произнёс Веленский. – К сожалению, мы также не могли предотвратить похищение вашего коллеги и друга профессора Ходкова, но поверьте мне, мы всё сделаем для того, чтобы он, как и вы, был освобождён. А причина нашего раннего приезда к вам, как вы, наверно, догадываетесь, – это открытие Варенцова, которое через скопированный вами материал могло попасть, а может, уже и попало в руки группы, которая похитила вас. Если действительно открытие серьёзное, а это, видимо, именно так, поскольку Варенцова вела иностранная разведка, то нам во что бы то ни стало надо овладеть этим материалом раньше.

– Копия материалов Варенцова находится у меня, кажется, в моём халате дома...

– Ваша жена нам сообщила, что после вашего посещения у вас на квартире был профессор Ходоков. Он сумел завладеть вашей копией, а что случилось с этими материалами дальше, мы, к сожалению, не знаем. Ходоков похищен, и если ему удалось каким-то образом спрятать информацию, мы её найдём.

– А если он успел диск уничтожить? – вклинился в разговор Поневич.

– Это было бы гораздо лучше, поскольку информация не будет доступна тем, кто охотится за ней, так как Владимиру Ивановичу суть открытия Варенцова, кажется, известна, – с надеждой в голосе произнёс полковник.

– В принципе, не более того, что я смог понять, – ответил Колонин.

– Но я поэтому и захватил с собой генетика, чтобы вы поговорили с ним на тему открытия, тогда и мы немедленно развернули бы у нас работы в направлении того, что удалось сделать Варенцову, если открытие действительно является таковым.

– Является, и открытие, не скрою, касается будущего человека как вида, – утвердительно сказал Колонин.

– Вот и хорошо. Вы пока до восьми-девяти часов утра побеседуете с Михаилом Никитовичем, а я отправлюсь к себе заниматься нашими делами. Потом я вернусь, и мы с вашей помощью наметим план наших дальнейших действий в организации работы по расшифровке того, что сделал покойный генетик.

Дверь залы отворилась, и в библиотеку вошёл отец Афанасий с чайным прибором.

– До начала дня ещё далековато, а мы за чаем скоротаем время. Не помешаю?

Колонин и Поневич переглянулись.

– Думаю, нет, – ответил Колонин.

Отец Афанасий разлил чай по бокалам и открыл баночку с мёдом.

Вначале присутствующие обменялись общими фразами. Затем Колонин начал рассказ, который привлёк внимание и отца Афанасия.

– В начале своих записок Варенцов говорит известные вещи, но особенность его взгляда на развитие живого состоит в том, что время существования каждого биологического вида определяется заложеной генетической программой. По достижении предельного возраста существования вида (время способности к делению клетки генома), который определяет-

ся закодированной генетической программой, возникают мутации, провоцирующие иммунный дефицит, и он вымирает от любых инфекций. Таким образом, смысл эволюции живого по Варенцову не только в приспособляемости к изменениям окружающей среды и не столько в естественном отборе, сколько в предельных временных возможностях генетической программы контролировать время существования вида посредством гена старения, определяющего предельную способность к делению клеток. Но, как он справедливо замечает, старение это состояние, когда эволюция уже не давит на геном человека. Любой вид имеет свою программу генома, старение которого во времени подводит черту под его существованием, если какие-либо мутации не перепрограммируют геном. Подобные механизмы мутации прописаны в геноме. В ДНК все инструкции развития организма не только записаны, как своего рода программный код, но и сами ДНК также подвержены повреждению. Повреждается не столько сама последовательность, сколько метки метилирования, что приводит к повреждению структуры упаковки генома...

Когда же это доходит до какого-то предельного уровня, организм уже не может чинить эти повреждения и стареет. При этом ему удалось определить временной коэффициент ускорения мутаций, который определяется близким к числу Фибоначчи. При этом он в своих пометках открывает формулу возможного вмешательства на старение организма. Например, он говорит так: если отобрать гены, влияющие на максимально быстрое продолжение рода, то все последующие поколения будут жить меньше. И наоборот, если отобрать гены, влияющие на самое медленное продолжение рода, то все последующие поколения будут жить больше!

– То есть, по Варенцову, это та же эволюция, только она определяется сроком заложённой генетической программы с коэффициентом ускорения старения генома вблизи где-то 1,61–1,62? – переспросил Поневич. – И подобный отбор генов позволит управлять геном старения, но только в рамках выявленной им периодичности?

– Да! Или, точнее, например, биоэнергетическим потенциалом генома человека поддерживать гомеостаз в изменяющейся среде только определённое время... Это не так называемый механизм накопления мутаций во времени. Это старение всего генома, в том числе и человека. Чем моложе вид, тем меньше он живёт на полочке эволюции, но выше его сложность... Но самое главное, что подчёркивает Варенцов, генетическую программу можно изменить, отключив в геноме так называемый ген старения, механизма предельной возможности существования любого вида. Другими словами, искусственно перепрограммировать геном, если по каким-то

причинам в геноме самопроизвольно в результате естественных мутаций не происходит перепрограммирование на дальнейшее развитие и его усложнение.

– Волю Божию хотите подправить? – удивился отец Афанасий. – Открытие Варенцова, на мой взгляд, как раз и подтверждает божественное творение всего сущего, в том числе человека, и вмешиваться в это творение, стало быть, противиться воли Божией, подводя черту под дальнейшее существование человека быстрее, чем сотворенная Господом программа старения генома. Так можно и заиграться в погоне за божественной истиной, которая вскрыта Варенцовым. На мой взгляд, задача наших спецслужб не в том, как с помощью науки вскрыть сущность старения генома, а в том, чтобы уничтожить любые соблазны и попытки внедряться в закодированную программу генома.

– На основе исследования генома человека генетике удалось понять, как передаются наследственные заболевания. Исключить деформацию генов – это не менее богоугодное дело, – парировал Поневич.

– Но, наверно, уважаемый профессор Колонин подтвердит, что медикам ещё далековато до того, когда они могут управлять наследственностью? Между возможностью управлять ею и изменять её дистанция огромная.

– Дистанция, конечно, есть, но не всё происходит так быстро. Между открытиями в науке и медицинской практикой могут пройти годы. Но это направление может оказаться наиболее перспективным, чтобы избавить человечество от недугов, которые пришли к нему из далёкого прошлого, когда случайно или закономерно произошел какой-то сбой в структуре нуклеотидов. Но если Варенцов прав и исследования действительно докажут предельную возможность старения генетических программ, за которыми внезапно человечество окажется перед выбором – быть ему или не быть, то нам останется единственная возможность выключить ген старения, чтобы спасти своё настоящее и будущее.

– Богу Богово, а кесарю кесарево, – задумчиво ответил отец Афанасий. – Если Бог наделил разумом человека, то он не допустит того, что разум окажется сумасшедшим. Здоровье и болезни рядом ходят. Исключите болезни – не будет и здоровья...

– Разумным человек стал сам, выделив однажды себя из Природы, заметив в ней самого себя и то, что он творит в ней, – возразил Колонин. – Поняв это, он стал изучать законы Природы, чтобы предотвратить собственное вырождение, доказав тем самым, что Бог не ошибся в человеке...

– И Варенцов показывает, как можно добиться того, чтобы исправить генетическую программу? – вернулся к разговору Поневич.

– Именно в этом и состоит суть его открытия, но продолжу по порядку.

Во-первых, Варенцов оказался специалистом очень широкого представления о мироустройстве. Его междисциплинарность просто поражает. Прежде всего в своих расчётах он показывает, что видовое разнообразие подчиняется закону его усложнения. Рассчитанные им этапы усложнения видового разнообразия в истории развития видов подчиняются не только этому закону, но и длительности развития видов, причём коэффициент усложнения и ускорения развития видов, как я уже отметил выше, подчиняется отношению, варьирующемуся в диапазоне близких значений от 1,59 до 1,66 при средней величине около 1,61. Эта цифра меня поразила, поскольку она связана с фундаментальным числом, определяющим золотое сечение..., или так называемую золотую пропорцию, представляющую собой идеальное соотношение сравниваемых величин, лежащих в основе гармонии не только Природы, но и того, что возникает в ней в согласии с её законами сохранения. Смысл этого состоит в том, что золотое сечение, в понимании Варенцова, применительно к генетике определяет грань неустойчивости равновесия в развитии вида и его сложности, а за его предельным численным значением вид обрывается в бездну неустойчивости нарастания энтропии в состоянии генома – и вид исчезает...

На одной из страниц своего трактата он восклицает: «... Всё, что ни делается самой Природой, подчиняется её сущности в строении, развитии, многообразии и длительности существования всего, создаваемого ею! Природа вначале медленно создаёт, но создаваемое ею развивается с ускорением и настолько стремительно, что становится не по себе. При самой вечности Природы всё, что создаётся ею, стремится к такому усложнению, когда оно в гонке с нарастающей энтропией безжалостно подводит черту под её созданиями. Не исключение и человек. Его вид обречён. А что не делается вопреки природе, исчезнет».

Далее Варенцов приводит огромный статистический материал темпов старения мирового сообщества популяций людей и подчёркивает следующее: в недалёком будущем (утверждает, что уже в этом столетии), если мы не сможем решить проблему отключения гена старения, то скорость вымирания людей будет выше, чем появление новорождённых. И это будет началом конца истории рода человеческого, представленного только сапиенсом, поскольку остальные люди (гоминины) на линии эволюции уже вымерли. Современный человек — последний из гомининов...

– То есть ускорение эволюции вида есть не что иное, как процесс расточительного расходования биоэнергетического потенциала во времени с каждой мутацией? – переспросил Поневич.

– Точно не могу сказать, но, по Варенцову, очевидно, так.

– И это обуславливает необходимость каждому виду в единицу времени расходовать большее количество энергии на своё усложнение во времени? А это же значит, что все живое в стремительном марафоне конкуренции развития ускоряет бег к своему финалу – энтропии, то есть полному исчезновению?

– Несомненно! Смерть придумана эволюцией, так говорят некоторые учёные. Варенцов уточняет, что эволюция – это процесс следования заложенной программе старения вида. Если не вмешаться в этот процесс со стороны разума...

– Вы подразумеваете Создателя всего живого? Бога? – вступил снова в дискуссию отец Афанасий.

– Варенцов имеет в виду человека, – возразил Колонин.

– Да что может человек?! Он же рядовая подсистема биологической сущности материи?! – парировал отец Афанасий.

– ... но обладающая разумом! – подчеркнул Колонин.

– Ну хорошо! – развёл руками Поневич. – Предположим, человек достигнет возможности влиять целиком на программу генома, но как он может настроить её на то, чтобы увеличить свой биоэнергетический потенциал по поддержанию иммунной системы организма? И за счёт чего? Как он может «подзарядить» или периодически подзаряжать потенциал генетической программы, да еще на такое длительное время, которое даст ему возможность неограниченного во времени развития. То есть речь может идти о бессмертии рода человеческого!?

– Варенцов говорит о потреблении энергии именно из окружающей среды, что находится в согласии с теорией Дарвина. Тем самым человек и жизнь как таковая, как и утверждает синергетика, понижают энтропию окружающей среды. Но Варенцов полагает, что если вмешаться в генетическую программу должным образом и выключить ген старения, то перепрограммированный геном будет существовать и развиваться во времени в точном соответствии с выведенным им значением коэффициента усложнения вида. И он показал, как это сделать, в своих расчётах, которые сведены в компьютерную программу, состоящую из множества таблиц, смысл и структуру которых мы пока с Ходоковым не поняли. Но в итоге Варенцов утверждает, что старение генома человека уже достигло уровня разрушения самого генома. Он приводит страшные цифры, что уже в этом поколении людей, если не вмешаться в их генетическую программу, человечество обречено на вымирание в третьем поколении, хотя на первые признаки такого конца многие учёные указывали уже давно, подчёркивая

одну важную особенность развития человека. Во всей истории существовавшего многообразия гоминин, о многочисленности которых мы ещё до конца не знаем в силу сохранившихся в малом количестве останков древних людей, выжившим остался только *Homo sapiens*. Вымер африканский человек, человек умелый, прямостоящий, неандерталец. Таким образом, человеческая история может прекратиться уже на уровне существующего вида. Это уже ясно из выведенного Варенцовым закона усложнения во времени видового разнообразия. Это произойдет само собой по закону самоорганизации, заложенной миллиарды лет назад ещё в программу протобиоида, направленную на такие мутации в организме, которые ведут не только к усложнению видов, ускоренному их развитию, но и саморазрушению... Усложнение есть функция энтропии, именно это подчёркивает Варенцов.

– Выходит, он говорит о такой закономерности развития, начиная с протобиоорганизма LUCA, от которого пошло развитие жизни? – уточнил Поневич.

– Именно так. Нам же действительно не надо доказывать, что морфологически человек прекратил свое развитие, поскольку его выживание уже не зависит от условий окружающей среды, которую он способен изменять сам под свои потребности развития. Морфологически и с наличием развитого мозга человек максимально приспособлен к исследованию окружающего мира и самого себя в нем. Варенцов в своих записках повторяет, что человек сам стал фактором эволюции живого на Земле, устранив всякую возможность среды влиять на него, устранив конкурирующее биоразнообразие влиять на него самого прямо или косвенно.

Нейроны головного мозга человек использует не более, чем на 5–7%. Остальные задействовать пока не может. Они сейчас ему не нужны. Нейроны «спят» и представляют собой особый банк возможностей, когда человек сможет задействовать и его. То есть, образно говоря, пока большая часть мозга представляет собой только биологическую массу, только мясо, если хотите. Природа таким образом как бы предусмотрела или запрограммировала вариант того, что если человек поймёт сущность своего места в ней, то он сможет задействовать дремлющий банк мозга.

Варенцов также говорит о том, что нейроны мозга могут быть активированы, правда, только в том случае, если сознание человека достигнет такого уровня в развитии, когда кризис структуры восприятия им окружающего мира станет неспособным адекватно реагировать на происходящее в нем. Хаос восприятия в точке бифуркации сознания приведет к новизне состояния, стянутой в конус аттрактора восприятия – его вершину. Ак-

тивируется ровно столько нейронов, способных к обмену информацией, насколько сильным окажется потрясение новизной сознания в необходимости реагировать на эту новизну посредством выбора на основе возникшего вызова. И этот вызов Варенцов определяет возможностью прекращения человеческой истории, причем не у одного конкретного индивида, а на уровне человеческой популяции, то есть всего современного сообщества людей. Поэтому нужно потрясение всей системы существующих общественных отношений и естественных условий существования человека, спровоцированных либо им, либо его величием случаем. Чем не согласие с теорией эволюции? Но теперь важнейшее значение приобретает другая среда – среда складывающихся общественных отношений, ставящая перед людьми возможность выбора: развитие или гибель человечества в междоусобных притязаниях на лидерство в мире путём победы в мировой войне.

– И этот случай Варенцов связывает с временным потенциалом его генетической программы?

– Именно так, – продолжил Колонин, – но это не просто случай, а закономерный процесс тонкой временной настройки генетической программы от LUCA, как утверждает Варенцов, которая определяет длительность существования любого усложняющегося вида живого. И чем сложнее будет вид, тем он будет с большей скоростью идти к замене нового в рамках действующего закона усложнения самоорганизующейся сущности самой Природы, то есть в рамках установленного Варенцовым коэффициента периодичности усложнения любого биологического вида во времени. Если хотите, то на уровне закона сохранения биоэнергетического потенциала. Варенцов постоянно повторяет, что это не просто эволюция – это эксперимент в миллиарды лет, заложенный самой Природой с самого начала образования живого из неживого. Другими словами, по Варенцову, и всё неживое подвластно тенденции изменения, ускорения и сложности его разнообразия, но для этого необходимо провести работу по выводу коэффициента усложнения и ускорения развития неживого на любом уровне его организации. Он, в принципе, утверждает, что это значение коэффициента усложнения неживого, возможно, также будет соответствовать числу Фибоначчи. Отсюда он делает потрясающий вывод о трансляции подобия организации самой природы на всех её уровнях.

А для человека разумного есть шанс понять, когда именно наступит самопроизвольное переформатирование программы жизни на замену существующего человека на нового. Он более сложный и более короткоживущий на полочке развёртывания живой материи. Если этот момент будет

понят человеком и он сумеет перенастроить программу развития живого, то произойдет активизация большей части нейронов мозга людей, компенсирующих возможности нарастания хаоса восприятия происходящего в точном соответствии с законом ускорения сложности. Вначале это произойдет у людей, обладающих гениальными способностями мыслить (у гениев, если хотите), а затем образование, культура, наука и технологии сделают свое дело.

– И что же это за технологии?

– Биотехнологии и нанотехнологии на любом уровне организации хозяйственной деятельности человека, в том числе в биоинженерии. С их помощью станет возможным влиять на структуру генома простыми способами введения инъекций, в которых биологические молекулы-роботы будут заниматься сборкой белковых структур, способных черпать энергию из окружающего их биологического пространства – клетки, а клетка – из окружающей её среды! Если хотите, это массовое производство квантово-биологических компьютеров. Мало того, можно будет программировать структуру генома таким образом, что малейшие отклонения в сторону поражения иммунного дефицита у людей будут провоцировать более эффективную сборку белков, противостоящих возникновению генетических отклонений, ведущих к заболеванию.

Можете себе представить, какими возможностями будет обладать страна, которая первая достигнет уровня такого перепрограммирования людей. Такая страна будет заботиться о сохранении собственной популяции, если хотите — этноса. А другие просто-напросто вымрут, если их не вакцинировать в направлении отключения гена старения, естественно, в рамках заложенного миллиарды лет назад кода усложнения и ускорения развития живых организмов.

– И человечество действительно создаст такого «вечного человека, биоробота»?!

– Нет. Биоэнергетические возможности клетки различных организмов ограничены временем своего существования, но это время существования очень разнится у различных животных. Например, известно, что долгожителями являются черепахи, а гренландская полярная акула может прожить 270 лет и больше. Это подтверждается на примере жизни отдельных особей. Возраст самой старой из обнаруженных акул – около 500 лет, при этом акулы не утрачивают функции борьбы за существование. Генетическая программа акул была заложена ещё в девоне с возникновением рыб. И, что особенно интересно, чем древнее вид, тем большей продолжительностью жизни генома он обладает. Чем моложе, тем средняя продолжительность су-

ществования генома в естественных условиях окружающей среды меньше.

По современным оценкам продолжительность жизни кроманьонского человека едва достигала 18–22 лет. Сегодня возраст некоторых людей уже достигает 120 лет. Но в условиях отключения гена старения, человек может жить до 240–250 лет, то есть биологическая форма жизни как таковая не будет подменена на Земле другой. Но и этого вполне достаточно, чтобы человеческий мозг мог творить чудеса в овладении нано- и биотехнологиями. Если сегодня средняя продолжительность жизни человека в мире едва достигает 68–70 лет, то к старцам, как утверждает Варенцов, мы можем относить в будущем тех, кто достигнет 175–200-летнего возраста, а 65-летние будут порхать юношами в изыске своих возможностей для познания глубинных процессов, происходящих в материи. Не исключено открытие в будущем такой искусственной стимуляции самосборки биологических структур, когда станет возможным регенерация клеточного материала – такое же выращивание его, как выращивание азалии на подоконнике, например. Проблема старения населения вырастет в проблему омоложения, но при одном условии: если человек сможет выключить код старения генома.

– Ну это уже фантастика! – скептически воскликнул Поневич. – И все же допустим, что таких условий развития человек всё-таки сможет достигнуть. Но его гуманитарная культура слишком инертна по сравнению с научной и технологической культурой, способной к стремительному развитию, чтобы каким-нибудь властным особям, обычно именно с гуманитарным образованием, не взбрело в голову создать биологическое оружие (например, искусственные вирусы) для удовлетворения собственных амбиций, способных разрушить основы существования естественных биологических структур вплоть до уничтожения существования человека как вида и всего живого на Земле.

– Такое оружие будет создаваться... Теневыми структурами. Есть, например, гипотеза: если убрать в крови человека некоторые белки, то это позволит учёным влиять на скорость старения человека. Представьте себе ситуацию, если заказчиком таких испытаний окажется человек, который получит возможность для одних народов увеличить скорость старения, а для других, напротив, уменьшить. Подобный биогеноцид популяции, кстати, лежит в основе теории «золотого миллиарда». Природных ресурсов на всех не хватит, особенно в условиях непрерывного роста численности народонаселения. А тут в руках какого-нибудь правительства, мечтающего о сохранении только тех, кто достоин войти в этот золотой миллиард, биологическое оружие, способное одним продлевать жизнь, а другим её

сокращать. Те, которые будут трудиться на хозяев жизни, будут вымирать, когда их физические возможности окажутся на исходе. Этому отработанному биологическому материалу не потребуется никакая социальная защита в виде оказания медицинских услуг, необходимости платить пенсии и так далее. Попав в застенки каких-то монстров, я уже понял, что это уже не является ни гипотезой, ни теорией. Идёт соревнование разведок по реализации стратегии «золотого миллиарда». На это не жалеют ни сил, ни денег. Мы и сегодня имеем весьма разрушительные термоядерные средства, однако до сих пор человечество не использует их в борьбе за свое превосходство над другими. По-моему, это одно из доказательств того, что человечество все-таки успевает осознавать то, что творит на Земле. Стало быть, и политическая, и коррупционная власть осознает, что у неё тоже нет выбора, кроме как направлять достижения современной науки и технологий на развитие, а не на уничтожение...

Колонин выдохнул свой монолог.

– Итак, мы имеем только косвенную информацию о том, что Варенцов оказался у истоков важного для человечества открытия, но мы не обладаем конкретной информацией того, как выключить ген старения, – задумчиво произнёс Поневич и подошёл к окну.

– Для этого надо найти диск, который явно находится у Ходокова, а он похищен теми, от которых я смог уйти с помощью отца Афанасия и тех, кто противостоит им в странной подпольной организации.

– Тем не менее схема направления моей лаборатории, кажется, ясна. – Задумчиво произнес Поневич. – Параллельно создадим группу по проверке и форсированию идей Варенцова. Но вот, кажется, и за мной уже приехали, – задумчиво произнёс Поневич, заметив в окне две машины, въехавшие на территорию монастыря.

Глава V

ПОДПОЛЬНЫЙ КЛИНЧ

23 сентября. 8:32.

Особняк на краю города.

Подпольная лаборатория группы «Наркис»

Ходоков зашёл в туалет, осмотрелся: голые стены, потолок и вентиляционная решетка в углу. Открыл кран умывальника, нагнулся якобы смочить лицо, развернул бумажку. Убористый компьютерный текст гласил: «Успокойтесь. Вы находитесь в подпольной биохимической лаборатории, в которой занимаются управлением геномом старения человека. Вы захвачены иностранной разведкой для того, чтобы привлечь вас к этой работе с учётом вашего знакомства с материалами Андрея Варенцова. Соглашайтесь на все условия, которые вам предложат. Ваша безопасность гарантирована. При получении вами информации по управлению геномом старения человека будет произведена операция по вашему освобождению».

Ходоков подставил клочок бумаги под струю воды. Раскисшую массу долго перетирал ладонями до тех пор, пока она не исчезла в умывальнике. Затем он сполоснул руки и умыл лицо, потянулся к небольшому рулону бумажного полотенца, чтобы промокнуть лицо и руки. Постоял немного задумчиво и вернулся в комнату. Сел на диван.

«Кажется начался детектив», – мысленно погрузился в размышления Ходоков. – Если меня хотят привлечь к расшифровке гена старения, которым занимаются подпольные генетики, то, видимо, им нужен не я, а моя способность разобраться в хитросплетениях молекул белков, ответственных за жизнедеятельность клеток в условиях определённых мутаций или определённого вмешательства в структуру ДНК. Стоп! У меня три работы опубликованы как раз на тему расшифровки структуры белков, ответственных за продолжительность жизни клеток живых организмов. А в многочисленных таблицах у Варенцова показана последовательность кодирования белков. Последовательность... Последовательность... Но каких белков?

Валерий Сергеевич взволнованно встал с дивана и прошёлся вокруг стола. «Если бы компьютер с файлами Варенцова оказался здесь, мне несложно было бы разобраться в сущности кодирования белков, последовательность которых, возможно, кроется в таблицах Варенцова. Но компьютер в подполе на даче Шамина... Если меня взяли без наводки Шамина, то как узнали о моём нахождении эти люди? Если выдал Шамин, то его заставят всё перерыть и компьютер будет обнаружен. Нет! Шамин на это не способен. Как же всё-таки узнали?..»

За дверью щёлкнул электронный замок. Вошли двое. Среди них оказался Наркис, который представлялся ему с Колониным на даче Варенцова. Фигура с тем же невзрачным видом, облачённая в тот же серый костюм. Второй – человек небольшого роста, в безукоризненно сидевшем на нём костюме, с незапоминающимися чертами лица.

– Теперь раскроем карты, – хрипловато произнёс Наркис. – Нам уже не нужна никакая легенда. Я начальник охраны подпольной биологической лаборатории. А это, – Наркис слегка поклонился второму, – Алексей, заведующий лабораторией...

– Ладно! – прервал Алексей Наркиса и указал на Ходокова. – Это именно тот физик?

– Да!

– Ты свободен!

Наркис поспешно покинул комнату.

– Наркис Сергеевич сказал правду, но не всю, – с акцентом сказал завлаб, обращаясь к физику. – Я начальник биологической лаборатории, глубоко законспирированной в Южном городе. Мы проводим исследования параллельно с теми, которые проводил Варенцов...

– Выходит, вы следили за учёным? – перебил Ходоков.

– Не только... Мы практически обладаем всей информацией, необходимой для завершения работ по гену старения человека. Этой проблемой занимаются лучшие разведки мира, поскольку от неё зависит судьба всего человечества. По какой-то случайности Россия в лице самородка Варенцова нашла первый путь к разрешению этой проблемы. Ваши учёные с распадом Союза стали слишком доверчивы и открыты Западу, но недоверчивы к друг другу, когда касается весьма любопытных идей, рождаемых кем-то из них. Они готовы скорее верить всему, что делается на Западе, не замечая телесной периферии рядом работающих самородков. Демократизация с вами сыграла злую шутку. А в кабинетах ваших лабораторий информации достаточно, чтобы понять, чем и на каком уровне занимаются учёные... Но у нас нет ключа к расшифровке структуры бел-

ков, контролирующих ген старения, поэтому нам понадобились вы, один из выдающихся программистов в системе последовательности кодирования белковых структур. По счастливой случайности вы оказались знакомы с тем, что удалось сделать Варенцову. Взять и доставить вас сюда оказалось не так просто, но деньги – они и в Британии деньги, и ваша служба продала нам информацию о вашем местонахождении. Кстати, вас оценили дороговато, но, я думаю, всё окупится, если мы с вами договоримся о том, чтобы вы нам помогли разобраться со структурой гена старения. Поверьте, у нас всё есть. Осталось за малым... Нам не хватает не только хорошего программиста, но и специалиста по кодированию последовательности структуры белков, влияющих на мутации ДНК. Вы же этим занимаетесь практически всю свою научную жизнь, подтвердив величайшее значение междисциплинарных исследований на грани физики, биофизики, биологии и генетики...

– Поищите другого, – оборвал монолог Алексея Ходоков.

– Валерий Сергеевич! У вас есть только два выхода. Один – помочь нам получить много денег. Вас доставят за границу. Вы получите хорошую работу. Но главное, вам сохранят жизнь.

– А второй выход?

– Второй, – как бы задумавшись, сказал Алексей. – Вас, Валерий Сергеевич, просто уберёт Наркис. Я заметил, с каким презрением вы смотрели на этого человека. Да и не человек он – машина по устранению нам не угодных людей...

Ходоков теперь понял смысл записки, предупредившей его о том, что у него нет выбора, кроме как соглашаться и, видимо, под каким-то прикрытием... «Всё-таки под каким и чьим прикрытием? – думал Ходоков. Какой-то винегрет спецслужб. И где свои, а где чужие – поди разберись?»

– ...Невелик выбор, – задумчиво ответил физик. – Я должен подумать.

– У нас, да и, как видите, у вас нет времени на размышление. Или вы будете делать, что мы вам скажем, или... В лучшем случае вы немного придёте в себя и вас навестит наш специалист. Он предоставит вам всю необходимую информацию, в которой вы будете нуждаться. А сейчас человек сопроводит вас в ваш номер.

Щёлкнула электронная задвижка двери, и в неё вошёл охранник, который передал ему записку.

– Проводи профессора в его номер! Да..., – обернувшись к Ходокову, заметил Алексей, – вы, наверно, заметили, Валерий Сергеевич, что здесь не только всё прослушивается, но и просматривается. Ну а через пару часов вы решите свою судьбу сами...

Ходоков удивился самообладанию охранника. Он не то что не взглянул на него, но даже показался ему абсолютно остановившимся в развитии человеком-роботом, умеющим выполнять только команды, поскольку смотрел только в лицо своему шефу. При этом лицо охранника было абсолютно спокойным и даже безразличным. Скользя взглядом по лицу Ходокова, он приоткрыл дверь и негромко сказал:

– Проходите!

Длинный коридор упирался в стенку с проёмом. В нём была дверь. Щёлкнул замок. Дверь открылась. Охранник, пропуская вперёд профессора, как бы случайно сжал локоть Ходокова, дотронулся до руки и, пожав её, закрыл за ним дверь.

Тесная комната была заставлена мебелью: софой с постельными принадлежностями, креслом; около него – небольшой журнальный столик с ноутбуком. У стены – небольшой двухтумбовый стол, под которым – процессор стационарного компьютера. На столе – клавиатура и небольшой экран монитора. Душ и туалет были совмещены.

Ходоков сел в кресло и задумался.

«Странная штука – жизнь, ведь только смерть придаёт ей особую ценность. Недавно размеренность моей жизни не предвещала ничего такого, чтобы сейчас необходимо было сжать сознание в какую-то область выбора, который тебе поможет не только сохранить её самую, но и собственное имя. Во-первых, если мой «доброжелатель» заботится обо мне, то кого он представляет? Другую разведку или наших спецов? Если наших, не всё потеряно. А если?.. Всё равно нет выбора. Во-вторых, если мне действительно предоставят необходимую информацию, которую наработала подпольная лаборатория, у меня есть шанс понять механизм влияния генов в структуре ДНК на старение человека. Это уже немало для науки. Стало быть, какая разница, кому будет доступно открытие, если оно поможет сохранить человечество...

Стоп! Зная программу запуска гена старения, можно с помощью генной инженерии управлять им, то есть сохранить только тех людей, какие будут править миром, а остальные либо будут обречены на вымирание, либо не смогут доживать до старости. Правящая мировая элита получает возможность иметь молодых особей, которые будут создавать комфортные условия для неё и «золотого миллиарда...», – вспомнил пресловутую теорию Ходоков, которой не придавал никогда серьёзного значения.

Ходоков встал и прошёлся по крохотной комнате.

«Склеп какой-то: ни окон, ни возможности с кем-либо общаться... Ка-

жется, есть только вентиляция. Так можно с ума сойти. Стало быть, мою жизнь может продлить только работа».

В двери щёлкнул замок. Дверь открылась, и в неё вместе с Наркисом вошел человек, которого он вспомнил, когда Наркис нагрязнул на дачу Варенцова. В руках у него был какой-то большой пакет и свёрток.

– Профессор! – обратился Наркис к Ходокову. – Сейчас при нас вы полностью разденетесь. Мы всё у вас заберём, в том числе часы, а вам взамен будет предложена одежда и туалетные принадлежности, – кивнул Наркис в сторону второго, держащего пакет и свёрток.

Когда профессор полностью разделся Наркис заставил открыть рот, почему-то заглянул в уши.

– Вы бы ещё в анус заглянули, – съехидничал Ходоков.

– Там слишком темно! Бульон, забери одежду и сложи её в пакет, – отдал команду Наркис.

– У меня к вам вопрос, – обратился к Наркису профессор.

– Я не уполномочен с вами разговаривать, – почти с каким-то страхом заявил Наркис. – С вами будут общаться только спецы. Пошли, Бульон.

Оба как тени скрылись за дверью.

Через некоторое время в дверь вошёл «доброжелатель», толкая впереди себя столик с едой. Пододвинул его к журнальному столику профессора, положил салфетку таким образом, чтобы Валерий Юрьевич заметил под ней её крохотный обрывок, и молча покинул комнату.

Желание сразу же взять оставленный клочок бумаги было настолько сильным, что Ходоков было потянулся к салфетке, но спохватился и взял в руки одноразовый стаканчик. Налил из пластмассовой бутылки воду, выпил. Поставил стакан. Взял салфетку и вытер губы таким образом, чтобы та попала в рот. Зашел в узкий туалет и, наклонившись над мойкой, развернул клочок салфетки. Там было только три слова. «Колонин на свободе».

И тут же на сердце Ходокова отлегло. Отодвинулось многое, что мешало сосредоточиться. «Значит, подпольная лаборатория под контролем наших спецов. Теперь мне ясно, что надо делать, да так, чтобы докопаться до самой истины, которой обладал Варенцов».

Ходоков взволнованно ходил по комнате: ему нестерпимо хотелось взяться за дело. Не притронувшись к ноутбуку, запустил компьютер на двухтумбовом столе. Естественно, выхода в Интернет не было. Часы показывали время: 22 часа, среда, 23 сентября.

Снова щёлкнул замок в двери – вошёл куратор Наркиса Алексей, с высоким, но каким-то сутуловатым блондином, с правильными, но не запоминающимися чертами лица. Представил его:

– Наш ведущий биохимик Натан Львович Шкиль, эмигрировавший из России два года назад. С тех пор под прикрытием работает на нас. Специалист в области генома человека. Занимается проблемой гена старения. Он будет представлять вам информацию по тем наработкам, какие нам удалось сделать по структурам, кодирующим белки гена старения. Надеюсь, вы приняли решение сотрудничать?

– Пожалуй, скорее, да...

– Не совсем уверенно, но для сложившегося уровня отношений достаточно. Вы не ограничены в научных и практических рассуждениях. Всё записывается, всё под наблюдением и прослушивается. Утром заполните бумагу по заключению сотрудничества с нами. Все условия, обязанности и ваши права там расписаны. Подпишите. Снимем с вас биометрию – и за работу.

Да! Обо всём, что касается ваших родственников, мы будем вводить вас в курс дела, за исключением обратной связи. Вот сообщение в прессе об исчезновении вас и вашего коллеги Колонина. Сообщается также, что вы с ним завладели секретной информацией погибшего Варенцова и, возможно, эмигрировали на Запад.

Дальше Алексей говорил о каких-то подробностях, обсуждаемых в прессе, но Ходоков уже размышлял:

«Про Колонина врёте: он на свободе. И это меняет дело... Скорее всего, он может дотянуться до компьютера, который я запрятал у Шамина. Нужно только как-то его уведомить. Через «доброжелателя», что ли?

...Короче, пока вас будут искать за рубежом, вы с помощью Натана Львовича постараетесь выяснить влияние гена старения в геноме человека со всеми возможными связями нуклеотидов. Необходимую информацию вы будете получать также от него. После за рубежом будет опубликован материал за авторством вашим и Натана Львовича с его коллегами. Наши специалисты постараются номинировать вас на Нобелевскую премию по химии. А нобелевских лауреатов, вы знаете, жалуют во всём мире...

– Неплохая перспектива, – задумчиво произнёс Ходоков и добавил. – Я

должен быть в курсе последних опубликованных материалов по биохимии белковых структур, а также мне необходимы мои публикации... И, кстати, напомню, что я физик, а не химик. И в Нобелевском комитете не сидят придурки...

– Это будет гарантировано, – будто не заметив фразу про Нобелевский комитет, ответил Алексей. – Ещё что?

– Пока всё.

– Ну что же. Я покидаю вас, а вы продолжайте общаться с Натаном Львовичем. Вам о многом придётся поговорить.

«Близиких родственников у меня нет», – размышлял Ходоков. – Беспокоиться некому. А вот Леночка...».

С Еленой Фёдоровной Кучеровой Ходоков познакомился полгода назад, на конференции. Она была хорошим специалистом в биохимии и готовилась к защите докторской диссертации. После доклада Ходокова об изменении белковых структур в зависимости от времени существования живых организмов она сама подошла к нему и проявила большой интерес к идее усложнения генома человека в результате его эволюции. Особенно её интересовала проблема редактирования РНК за счёт возможного усложнения механизмов саморегуляции белков.

Леночка ему понравилась сразу. А будучи доктором физико-математических наук и специалистом в области исследования программ редактирования ДНК, РНК, в том числе разработки математического аппарата для возможности включать или выключать искусственный процесс замены нуклеотидов в молекуле РНК, он предложил ей себя в качестве одного из научных консультантов или даже одного из оппонентов.

Его поразило то, что она не сразу согласилась, а обещала подумать над его предложением. Обычно соискатели учёных степеней хватаются за любое предложение известных специалистов получить согласие быть оппонентом диссертации. А здесь...

...Она позвонила через неделю в середине дня. Он предложил обсудить её проблему за чашечкой кофе. Лена согласилась, и они беседовали долго, забыв об остывшем напитке. Но Ходоков её предупредил, что для защиты потребуется слишком много времени уделить расчётам на платформе им разработанных программ, на что она просто ответила, что семейное положение её не тяготит и времени у неё будет достаточно, чтобы завершить работу. И, не удержавшись, он тогда задал почти неприличным вопросом женщине: «Неужели ваше безраздельное погружение в науку выше жела-

ния иметь семью?» На это она неожиданно искренне ответила: «Я живу с дочерью. Она у меня умница. Помогает мне. К тому же она биолог».

Ходоков зря спросил её об этом, поскольку заданный вопрос ему надо было отнести прежде всего к своему образу жизни. Погружённый в любимое дело, он незаметно оказался в ситуации, когда начал понимать: на самом деле наука не вся жизнь. Есть ещё другая, которая вначале его пугала необходимостью погружения в быт. Позже, спохватившись, чуть было не сказал самому себе, что, когда тебе за сорок пять, что-то менять в жизни поздно...

Два месяца он не находил предложения встретиться с Леной. Она позвонила сама, чтобы передать ему статью, которая недавно вышла в одном из зарубежных журналов.

После роман закрутился сам собой с такой скоростью, что Ходоков неожиданно предложил ей покончить с их двусмысленным положением. В ответ она засмеялась и сказала, что не может рисковать возможностью потерять такого научного консультанта или даже оппонента в условиях семейных уз. Но потом, посерьёзнев, поцеловала его и... согласилась. Это случилось именно за день до захвата Ходокова группой «Наркис»...

ГЛАВА VI

МОЗГОВАЯ АТАКА

27 сентября. 11:15.

Кабинет Президента академии наук

А. М. Поспелова

– Алексей Миронович! Подъехал начальник Главного управления УФСБ Южного города Николай Иванович Белевцев, – позвонила секретарь.

– Хорошо! Пусть заходит... Да, захватите материалы по предстоящей Международной конференции по прикладной генетике, подготовленные академиком Минеевым. И как только появится Долматов, пригласите и его в кабинет. Он вот-вот должен подъехать.

В дверь вошёл худощавый, среднего роста и возраста человек, в руках которого был выдавший виды объёмный кожаный портфель.

– Проходите, пожалуйста, – поднялся с кресла академик навстречу вошедшему Белевцеву, пожимая ему руку. – Сейчас подойдёт представитель ФСБ РФ Коробкин, занимающийся проблемами утечки закрытой научной информации по инновационным разработкам в России, и начнём беседу. Я уже познакомился с вашим досье относительно заинтересованности спецслужб материалами Варенцова. Абсолютно согласен с вами, что Академии наук необходимо организовать мозговую атаку на проблему гена старения человека. В конце концов, нам действительно необходимо разобраться в сущности этой проблематики, завладевшей умами генетиков, спецслужб и общественности...

– К вам Андрей Всеволодович Коробкин, – приоткрыв дверь кабинета Поспелова, сообщила секретарь и пропустила спортивного телосложения человека лет сорока пяти. Облаченный в джинсы, пиджак и рубашку без галстука, вошедший диссонировал с присутствующими, одетыми в дежурную офисную одежду.

Академик Поспелов познакомил вошедшего с присутствующими и открыл совещание.

– Прежде, уважаемые гости, необходимо предоставить слово Андрею Всеволодовичу, который нам прояснит ситуацию, связанную с заинтере-

сованностью иностранных спецслужб нашими разработками в области гена старения...

Но в этот момент дверь кабинета приоткрылась.

– Заходите, пожалуйста, Аркадий Дмитриевич! Это наш известный специалист в области генома человека, – представил присутствующим вошедшего академика Долматова.

– Итак, продолжу начатую мысль о заинтересованности иностранных спецслужб разработками наших генетиков. Пожалуйста, Андрей Всеволодович! – предоставил академик слово представителю УФСБ.

– Вначале хочу обратиться к присутствующим, – начал Коробкин, – что информация, которую мы с моим коллегой здесь огласим, является не только конфиденциальной, но и совершенно секретной, а стало быть, никто больше не должен знать, о чём мы здесь будем говорить и какие решения примем, поскольку речь пойдёт не только о самой сути полученных разработок наших генетиков, но и о вовлечении иностранными спецслужбами наших специалистов в разработку генетического оружия.

Коробкин устало потёр лоб.

– Вчера на совещании в УФСБ РФ рассматривались материалы, полученные Главным управлением ФСБ по Южному городу, возглавляемому присутствующим здесь Николаем Ивановичем Белевцевым. По данным наших спецслужб, на территории Южного города на законных основаниях, в том числе за счёт иностранных грантов, функционирует лаборатория, деятельность которой официально связана с изучением генома человека. В лаборатории работают известные наши и зарубежные специалисты в этой области. Нет никаких оснований говорить о незаконности функционирования этой лаборатории, если бы не одно «но»...

Под зданием легальной лаборатории находится секретный подземный бункер, построенный ещё во время немецкой оккупации города. При отступлении немцы законсервировали его, и в начале 90-х годов секретной службой одного из государств членов НАТО этот бункер был превращён в глубоко законспирированную биохимическую и генетическую лабораторию. Её исследования направлены на картирование участков ДНК различных этнических групп с тем, чтобы в будущем разработать возможность искусственного влияния посредством управления геном старения на жизнеспособность отдельных популяций людей в России. Другими словами, делается попытка разработки генетического оружия направленного действия, при этом именно руками наших специалистов, которых используют «втёмную» при щедром их финансировании посредством, как уже отмечал, тех же иностранных грантов через некоммерческие организации. Есть

полные основания говорить о том, что некоторые специалисты в погоне за хорошими грантами вольно или невольно передают информацию, которая может составлять, а в некоторых случаях и составляет, государственную тайну.

Поясню. Работа секретной лаборатории функционирует по кластерному принципу. Каждый исполнитель кластера не знает целей, задач и результатов работы другого кластера, так что наши специалисты различных направлений молекулярной биологии, биохимики и т.д., работающие легально, выполняют рутинные исследования в цепочке, которую контролирует засекреченная лаборатория, размещённая в бункере. Всеми расходными материалами лаборатории управляют два завербованных иностранной спецслужбой специалиста, имеющих широкие связи с нашими снабженцами.

В настоящее время лабораторные исследования находятся под контролем наших спецслужб. Однако нам до недавнего времени не совсем было ясно, существует какая-либо другая связь этой секретной лаборатории с деятельностью законно функционирующей биохимической лабораторией под эгидой нашей Академии наук. О наличии такой возможной связи чуть позже расскажет наш коллега Николай Иванович Белевцев. Его информация должна заинтересовать наших учёных. Поэтому, чтобы понять суть и уровень готовности разработки генетического оружия направленного действия на определённый этнос под контролем наших учёных, параллельно работает биохимическая лаборатория над созданием компонентов возможного купирования применения генетического оружия, если оно будет разработано.

Работа наших спецслужб осложнилась событиями, произошедшими с известным генетиком Варенцовым. В рамках собственных подпольных генетических исследований иностранные спецслужбы скрытно вели наблюдения за недавно погибшим в автокатастрофе учёным, основное направление деятельности которого связано с геном старения. Какая существует (и существует ли?) связь между деятельностью законспирированной лаборатории и открытием генетика Варенцова в области возможного управления геном старения, нам не совсем ясно, но на этом подробнее остановится Николай Иванович.

Николай Иванович Белевцев вытащил из кожаного портфеля два листа бумаги и хотел было зачитать написанное, но неожиданно отложил их в сторону и глуховатым голосом начал:

– Иностранным спецслужбам действительно удалось близко подобраться к разработкам Варенцова в области гена старения, ответственного за

продолжительность жизни человека в результате его эволюции. Их заинтересованность исследованиями учёного началась ещё с международной конференции по геному человека в Лондоне.

На одной из секций доклад Варенцова произвёл впечатление на своих иностранных коллег рядом положений, в которых давалась общая оценка перспектив исследования причин активизации гена старения, возможности его выключения, а следовательно, и возможности управления им на примере различных этнических групп. И, как это обычно бывает, специалисты Лондона пригласили его посетить две лаборатории, занимающиеся вопросами расшифровки отдельных участков ДНК генома человека для детального обмена научной информацией.

Так он познакомился с группой британских и американских специалистов в области исследования генома человека, в частности, с Бенсом, исследующим ген старения. Никаких сведений о том, какой информацией поделился с иностранными коллегами Варенцов, нет, но именно с этого времени за ним установилось наблюдение спецслужбами, глубоко законспирированными в засекреченной лаборатории в Южном городе.

Их задача заключалась в том, чтобы завладеть материалами исследований Варенцова и передать их иностранным специалистам, занимающимся проблемами создания «мягкого» генетического оружия, способного управлять старением различных этнических групп. Им практически это удалось, но частное предложение о сотрудничестве с иностранными спецслужбами Варенцовым было, видимо, решительно отклонено.

Боясь, что Варенцов может обратиться к ФСБ, иностранной спецслужбой было принято решение о его ликвидации с последующей возможностью завладения его наработками в области управления старением генома. К сожалению, из-за недостатка информации наши спецслужбы не сумели предотвратить убийство Варенцова. Мало того, мы не сумели предотвратить и похищение архива Варенцова с его дачи. Если действительно Варенцовым был понят механизм гена старения человека (о такой возможности нас информировали специалисты из Института генетики Южного города), то геном человека может оказаться под контролем влияния генетических технологий, определяющих возможность не только регулировать или даже управлять продолжительностью жизни определённых этнических групп, но и вообще контролировать продолжительность их существования во времени.

Полученная нашими спецслужбами уникальная информация заставляет нас обратиться через Академию наук к учёным в данной области исследований и попытаться организовать мозговую атаку на возможность

предупреждения разработок и последующего применения генетического оружия против современных людей. По соображениям некоторых учёных, с которыми нам удалось наладить контакт, разработка генетического оружия поставит под угрозу существования человека как вида. Таким образом, эта проблема может носить уже глобальный характер, и поэтому необходима работа консолидации всего мирового сообщества учёных над её решением.

Поскольку деятельность подпольной лаборатории нами контролируется, мы можем специалистам Академии наук давать информацию о степени готовности такого оружия в подпольной лаборатории с тем расчётом, чтобы наши генетики могли не только подтвердить уровень таких разработок, но и дали основание нашим спецслужбам вовремя прекратить деятельность этой лаборатории на этапе возможной передачи наработанной информации для практической реализации генетического оружия в одной из стран НАТО.

– Спасибо, Николай Иванович!

Поспелов постучал ручкой по столу и задумчиво сказал:

– Век биологии и генетики XXI столетия поразительно копирует ситуацию атомного века прошлого столетия. Не успели теоретики в XX веке понять структуру атомного ядра, как военные создали атомную бомбу. В наш XXI век молекулярные биологи не успели закончить работу над расшифровкой генома человека, как военные снова готовы использовать открытия в генетике для уничтожения самого человека с помощью генетического оружия. А касаясь того, что наши высококвалифицированные специалисты с помощью так называемых некоммерческих организаций привлекаются к подобным разработкам «в тёмную» или как-то по-другому, причина здесь кроется в недостаточном финансировании отечественной науки. Учёных также нужно кормить, создавать им комфортные условия для работы, включая обеспеченность современным оборудованием. Что касается возможности вольного или невольного раскрытия каких-то секретов отдельными специалистами, то я вижу эту проблему в порочности гонки за рейтингами, которыми оценивается работа наших учёных. В погоне за ростом индекса Хирша чиновники от науки и образования заставляют нас публиковать материалы, в первую очередь, в высокорейтинговых зарубежных журналах, а также делиться на международных конференциях наработками, которые каким-то образом могут вольно или невольно нанести вред нашему государству. Но давайте вначале послушаем академика Долматова. Пожалуйста, Аркадий Дмитриевич.

Долматов потрогал клинышек бороды, задумался на мгновение и неожиданно спросил представителей службы безопасности:

– Почему вы так уверены, господа, что иностранные спецслужбы разрабатывают молекулярно-генетическое оружие? Вы что, делились добытой информацией с настоящими специалистами в области генома человека? Тогда с кем, позвольте вас спросить?

Белевцев с прищуром глаз посмотрел на академика и утвердительно сказал:

– Чтобы у вас не возникало в дальнейшем подобных вопросов, могу присутствующим заявить: информация, которой мы располагаем, достоверна. Наши работы в этой области курируют два опытных генетика. К сожалению, их имена сейчас мы огласить не можем.

– Хорошо, – согласился Долматов. – Но у меня есть кое-какие соображения относительно того, с чем нас познакомили наши спецслужбы.

Во-первых, мне кажется, что за рубежом и у нас сильно преувеличиваются возможности того, что генетик Варенцов смог один сотворить такое и что его деятельностью могли заинтересоваться иностранные спецслужбы, поскольку из всего опубликованного материала нам, специалистам, трудно даже предполагать или, если хотите, заподозрить, что малоизвестная периферийная лаборатория могла выйти на вариант контроля гена старения человека. Что Варенцов занимался этой проблемой, нам известно, но говорить о возможности какого-то прорыва в этой области – это, на наш взгляд, преждевременно. Дело в том, что, если говорить современным языком в области генетической биологии, усложнение генома человека в результате его эволюции произошло за счёт механизмов регуляции альтернативного сплайсинга – редактирования РНК. Поэтому влияние какого-то отдельного гена на старение организма, приводящего к возможной причине исчезновения во времени человеческой популяции, – утопия.

И, во-вторых, современные достижения в области генома человека британцам и американцам, да и не только им, хорошо известны. С их оснащенными лабораториями они гораздо ближе и быстрее подойдут к возможности создания генетического оружия... А любой прорыв в области фундаментальной или прикладной науки невозможен без международного сотрудничества.

– А почему только американцы и британцы? – парировал Белевцев. – Великолепные исследования ведутся во многих европейских лабораториях, также и в Китае... Разным спецслужбам также бы хотелось знать, что делается у нас в стране.

– Ну, не знаю, – неуверенно ответил Долматов. – Но мне кажется, что,

прежде чем поднимать бурю в стакане воды, следовало бы действительно организовать мозговую атаку на эту проблему с привлечением наших выдающихся спецов в этой области.

– Для этого мы и обратились к нашей науке, чтобы посоветоваться с вами, – вклинился в разговор Коробкин. – А что может или не может телесная периферия в науке или отдельная личность в ней, лучше обратиться к истории. Неважно, в какой стране. Например, английский математик Алан Тьюринг, сделавший математический прорыв в биологии, в своё время опубликовал работу по химическим основам морфогенеза и предсказал возможность колебательного процесса протекания биохимических реакций. В России Борис Белоусов, не зная работ Тьюринга, открыл автокаталитический процесс в химических реакциях, однако его работу не опубликовали или не хотели опубликовать те, кто не мог отказаться от своих тупиковых идей и переступить через порог им известного, чтобы понять сущность открытия Белоусова...

– Ну, знаете, бывает, не спорю, – парировал Долматов. – Но в современной науке, повторяю, прорывные открытия делают крупные научные школы. Например, в США и Британии исследуются гены, участвующие в апоптозе. Это так называемый авторегулируемый процесс программируемой клеточной гибели, в результате чего клетка в организме распадается на отдельные тельца с дополнительными парами генов. Одной из функций этого процесса является уничтожение дефектных (старых или мутантных) клеток, что и приводит к замедлению старения организма. Возможно, именно это и удалось понять Варенцову. А то, что он мог разработать программу замедления старения другим способом, повторяю, вызывает сомнение. Поэтому, раз мы собрались здесь, предлагаю на базе нашей лаборатории усилить группу по исследованию апоптоза и вместе с зарубежными исследователями разработать средства для борьбы со стареющими клетками в организме людей, тем самым решив проблему преждевременного старения.

Обсуждение затянулось: говорили о непрекращающейся миграции выдающихся специалистов в разных областях науки на Запад.

Наконец Поспелов заключил:

– Очень хорошо, что между нашими спецслужбами и Академией наук существует сотрудничество по проблемам, связанным с защитой наших научных разработок и технологий, с помощью которых развиваются фундаментальная и прикладная наука. Поэтому мы постараемся немедленно организовать работу по анализу имеющейся информации, предоставленной спецслужбами, и форсировать деятельность наших институтов и ла-

бораторий, особенно в области прикладных генетических исследований.

Мозговая атака на возникшие проблемы в области молекулярной генетики, в том числе в области дальнейших исследований генома человека, должна, во всяком случае, подтолкнуть наше правительство к финансированию важнейших направлений фундаментальной и прикладной науки, особенно в смежных областях, в рамках раскрывающихся возможностей междисциплинарных исследований. В Академии наук открывается новое направление фундаментальных и прикладных исследований, в том числе в Курчатовском институте, в области науки пограничных состояний. Пограничные исследования с применением технологий в разных областях науки позволили биологии, биохимии, биофизике создать генетику, посредством которой действительно открываются огромные возможности биоинженерии. Главное же заключается в том, чтобы мировая наука была защищена от желания военных использовать достижения науки и технологий для искусственного управления геномом, позволяющим стереть или усилить различия генома и тем самым открыть возможность управления жизнеспособностью любых этнических групп.

1 октября. 13:20.

*Закрытое заседание кабинета министров
и членов президиума Академии наук*

После недолгих обсуждений Председатель Правительства зачитал проект Постановления «О мерах по предупреждению возможности передачи молекулярно-генетических разработок иностранными спецслужбами с целью создания ими биологического оружия».

В связи с возникшими угрозами разработки иностранными спецслужбами генетического оружия на территории России Кабинет министров постановил:

1. На базе имеющихся биохимических и молекулярно-генетических лабораторий создать четыре закрытых специализированных лаборатории с привлечением к работе известных специалистов с целью ускоренных разработок в области молекулярно-генетических исследований и в первую очередь форсировать их в области изучения проблемы старения гена. Для координации работы лабораторий создать экспертный совет в составе лаборатории академика Долматова, а также руководителей вновь созданных проблемных лабораторий докторов наук Сочеванова А.П., Поневича М.П., Чуднова С.Н., Филонова М.П. под председательством академика Минеева Рината Аскарловича – куратора программы гена старения.

2. Министерству финансов из резервного фонда Правительства выделить необходимые средства для проведения генетических исследований.

3. Усилить работу в области научной издательской деятельности по разработке критериев, характеризующих успешную деятельность учёных. Основные прорывные исследования в области современных научных исследований поддерживать грантами по рекомендации Российской академии наук.

4. Контроль за выполнением научных исследований и расходованием дополнительных средств, выделенных Правительством, возложить на Президиум Академии наук.

ГЛАВА VII

НУЖНО ВЫЖИТЬ...

И потянулись дни. Ходоков не различал, где они заканчивались, а где начинались новые, ибо, практически замурованный в своей комнате, которая служила ему одновременно кабинетом и лабораторией, он смену дня и ночи определял только по тому, как в дверях появлялся служитель, толкая перед собой тележку с завтраком, обедом или ужином. Его абсолютно безразличное выражение лица не выражало ничего, и физику уже казалось, что это биологический робот, исправно следующий программе, вложенной в его сознание. Однажды он даже хотел было с ним заговорить, но тот пожал плечами и не выразил никакого желания ни слушать, ни отвечать на реплики и вопросы спрашивающего. И тогда профессор понял безысходность своего положения, поскольку представлял себя уже точно заключённым. Тот же, кто периодически открывал и закрывал двери его комнаты-камеры, представлялся ему исправно несущим службу по обработке материалов биохимических исследований Шкилем. Лишь краткие деловые общения с партнёром по науке давали ему возможность хоть как-то отвлечься от иногда наплывавшего отчаяния и осознания того, что, чтобы выжить, ему придётся исправно заниматься своим делом, которое не гарантирует ему, что он выживет, но хотя бы в конце концов отвлекает от горьких мыслей.

Результаты, которые приносил ему Натан Львович Шкиль, позволили Ходокову постепенно понять, что сочетания белков в искусственных мутагенах каким-то образом проявляли устойчивую периодическую закономерность, суть которой ему ещё не была понятна. Но неожиданно всплывающие в памяти таблицы Варенцова вдруг показали ему какую-то схожесть с теми результатами, которые доставил ему однажды Шкиль. И неожиданное волнение заставило его снова напрячь память.

«Неужели есть какая-то связь между результатами, которые получает лаборатория под руководством Шкиля, и результатами, скомпонованными в многочисленных рядах таблиц Варенцова?.. И если бы сейчас передо мной оказались таблицы Варенцова, я бы постарался свести и то и другое в свою программу кодирования белковых структур, в зависимости от возраста теломеров... Если бы...»

Неожиданно открылась дверь, и в комнату вошёл Шкиль с флеш-дискон в руках. Заговорил с ходу:

– Вот последние данные по белковым структурам генома человека, которые, как мне кажется, уже в который раз укладываются в какую-то числовую последовательность, какая уже точно будет повторяться в результате наших новых операций по дешифровке белков, ответственных за старение генома. Что она означает, трудно понять. Может быть, ваша программа обработки данных позволит хоть что-то прояснить, ибо бесконечное повторение того, что делают мои биохимики, уже, похоже, достигло какого-то тупика. Явно это повторится и в четвёртый, и в пятый раз.

– А вы уверены в том, что это всё касается гена старения?

– Абсолютно. Современная методика позволяет секвенировать большое количество генов человека, а полученные результаты явно свидетельствуют в пользу того, что ген разных поколений зависит от их возраста... Здесь не может быть никаких сомнений.

«Мистика какая-то, – напрягся Ходоков. – Только что думал о Варенцове, его выводах и таблицах... Таблицы... Если бы их удалось сравнить с теми результатами, что приносил и приносит Натан Львович! Сравнение имеющихся независимых результатов могло либо опровергнуть идеи Варенцова, либо доказать, что в гене старения заложена какая-то временная катастрофа генома человека... Его вымирание. А если Варенцов не прав и мне удастся доказать это, так, стало быть, это к лучшему. Басурманы, завладевшие моим стремлением им помочь за право на жизнь, будут вынуждены отпустить меня, поскольку исчезает сама проблема старения генома с вытекающими отсюда последствиями возможного его редактирования. Исчезает, потому что это доказывается независимыми исследованиями Шкиля, то есть самой подпольной лабораторией...».

– Хорошо. Давайте диск. Посмотрю. А вообще, кто в лаборатории у вас занимается проблемой гена старения? Насколько я помню из публикаций...

– У нас, в принципе, никто этим не занимается, – прервал фразу Шкиль. – Мы люди подневольные. Что скажут нам делать, то и делаем, не очень представляя себе конечный результат. Правда, есть биохимик, которая, кажется, одержима этой идеей, а с единственной нашумевшей публикацией Варенцова она носится как с писаной торбой, хотя у сумасшедшей идеи Варенцова, может, и есть что-то рациональное. Но... не более того, что хотят получить наши спонсоры. Им, кажется, нужно нечто другое, что позволило бы найти механизм управления геном старения. Например, путём биохимических реакций с участием РНК и белков из мРНК удалить участки, не кодирующие белок. А там уже дело достигнутой техники редактирования генома человека... Кстати, Елена Борисовна яв-

ляется ярким сторонником эволюции генома человека за счёт усложнения механизмов регуляции с помощью альтернативного сплайсинга в рамках редактирования РНК, то есть занимается близкими вам проблемами...

– А как её фамилия?..

– Кучерова...

Ходоков почувствовал, как на какое-то мгновение остановилось его сердце, а затем, словно опомнившись, оно уже заколотилось аритмией. Но Шкиль не заметил изменений в лице Ходокова, поскольку не смотрел в его сторону, занятый переносом информации с флеш-диска на ноутбук.

– Ну вот, теперь изучай, Валерий Сергеевич, – отойдя от ноутбука, сказал Шкиль.

Ходоков листал страницы, но не мог вникнуть в их содержание, потом обернулся и неожиданно спросил:

– А как она попала к вам в лабораторию?

– Кто? А-а... Елена Борисовна? Как я, и как вы, только она трудится в верхней, а не в нижней, как мы с вами, лаборатории. Ей дали, видимо, хорошие гранты, а чем они пахнут, мало кого из учёных сейчас в России интересует. Каждый делает часть своей работы, которая неведомым им образом стыкуется с общим кластером. Поэтому они не знают, какие цели преследуют спонсоры. Я имею доступ в верхнюю лабораторию, но появляюсь там редко, чтобы собрать результаты персональных исследований и интегрировать их в общий кластер, в том числе и данные Кучеровой. Красивая женщина, чёрт побери. Ну да ладно. Заговорились мы. Я пошёл.

Ходоков откинулся в кресло, и спутанные мысли захватили его сознание.

«Лена, Лена, Леночка... Как же тебя угораздило попасть в лабораторию, контролируемую иностранными спецслужбами? Добровольно, по незнанию, по необходимости пополнить свой бюджет, проглотив наживку гранта, или по принуждению? Красивая женщина... Да, да, конечно! Шкиль не мог не заметить её среди сотрудников лаборатории, не мог. Выделил и, возможно, завербовал. Или же использует её втёмную».

Ревность с одновременной тревогой за любимую женщину отвлекла его от работы. Будучи по натуре холериком, он вдруг впал в состояние какой-то протрации: бессмысленно смотрел на экран компьютера и видел лицо женщины, с которой мог связать свою жизнь.

«Ну жил я своей жизнью... Временами у меня были женщины, но это были только увлечения и страсти, не захватывающие так глубоко, как в случае с Леной. Коварство с её стороны, необходимость использовать меня для достижения своих личных и научных целей или что-то ещё? Грустно и

гнушно даже думать об этом. Что же делать? Принять всё как есть и жить в темноте домыслов и помыслов?»

Шкиль определил объём работы Ходокову, которую нужно было выполнить не позднее чем через неделю, но работа у него не шла: программа вычислений, над которой работал физик, висла, и он начинал всё заново, оттого не спалось.

Однажды он нажал кнопку вызова служителя, отвечающего за питание, уборку помещения, и попросил, чтобы тот принёс снотворного. Служитель позвонил по телефону и ответил, что подобные лекарства для него недопустимы, и предложил расслабиться рюмочкой виски или коньяка. Ходоков грустно посмотрел на неразговорчивого служителя и произнёс:

– Лучше полстакана водки!

Профессор думал, что этой фразой он возмутит служителя, но тот неожиданно невозмутимо ответил:

– Хорошо!

Не прошло и двух минут, как служитель уже толкал впереди себя столик, на котором возвышался небольшой пластмассовый графинчик, одноразовый стаканчик и наколотый на одноразовую вилочку то ли солёный, то ли маринованный огурец.

Профессор удивился и потянулся было к графинчику.

– Так это действительно водка?

– Да, – односложно ответил тот и сам взял в руки графинчик. Сложенная под ним вдвое салфетка неожиданно чуть распрямилась, и Ходоков заметил, что там было что-то написано. Он перевёл взгляд на служителя. Тот налил половину стаканчика и также перевёл взгляд на салфетку, потом неожиданно улыбнулся и произнёс:

– Я поблизости буду. Как только допьёте, позовёте меня.

Ходоков инстинктивно оглянулся по сторонам, потянулся к стаканчику. Выпил.

Это была действительно водка. Откусил огурец, оказавшийся по-домашнему солёным, положил остаток на поднос и взял салфетку, чтобы вытереть губы. Раскрыв её, он прочёл написанное. «В туалете под ведром».

Ходоков что угодно мог подумать о своём служителе, но даже подозревать в нём человека, способного мастерски исполнять какую-то иную роль, никогда бы не смог. И вот на тебе... Записка... Уже вторая... И от другого. Опять хоть маленькая, но какая-то надежда, что не брошен миром, который существовал там, наверху.

Профессор допил водку, доел огурец, скомкал салфетку и зашёл в туалет. Рядом с унитазом обычно стояло пластмассовое ведро с водой на случай,

если отключали воду. Это было не редкостью. Перебои с водой случались. Ходоков бросил салфетку в унитаз, нажал кнопку спуска воды – воды не было. Поднял ведро с водой. Под ним... лежал серенького цвета флеш-диск. Поднял его, положил в карман брюк. Вылил в унитаз воду, вышел, сел за компьютер.

Служитель вошёл, как только физик нажал кнопку вызова.

– Спасибо за водку. Теперь можно расслабиться. Хорошего дня. Как тебя там...

– Неважно, – глухим голосом ответил служитель. – Но только уже ночь... там, наверху...

– А какая разница! Ночь ли, день, – попытавшись казаться безразличным, ответил Ходоков.

– Прошу прощения! В туалете воды ещё около часа не будет, – заметил служитель.

– Ладно. Я воспользовался ведром с водой, – ответил Ходоков и еле заметно кивнул головой служителю. Тот улыбнулся только уголками губ.

Ходоков прилёг на диван и начал обдумывать действия.

«Сейчас я выключу свет, незаметно вставлю диск, прикрою листом бумаги. Потом, через некоторое время, включу свет и посмотрю, что на диске...»

На душе было волнительно. Светодиоды на часах медленно отсчитывали минуты. Наконец Ходоков включил свет и открыл содержимое диска. Выбрал папку под номером 1 «Инструкция». Открыл её.

«Валя! Следуй номерной последовательности...»

У Ходокова задрожали пальцы. «Колонин! Конечно, он! Так обычно называл меня именно он...»

«... но вначале инструкция. Файлы разбей на кластеры и разнеси в таблицы данные, с которыми работаешь, таким образом, чтобы никто кроме тебя не смог их свести в эшелон таблиц Варенцова. В них, как показалось специалистам (включая твою Лену), заложен какой-то код, что может вывести на закон, по которому кодируется белок старения. Но это уже твоя проблема создать программу по расшифровке табличных данных Варенцова, с которой ты, надеюсь, справишься. Параллельно эта информация передана мозговому центру, созданному в Академии наук, по расшифровке причин старения генома, которые, как и указывал Варенцов, лежат в основе принципов эволюции живого.

После переноса информации на свой компьютер указанным способом разбивки информации на кластеры содержимое диска уничтожь, а сам диск отправь следом за салфеткой. Как только что-то у тебя получится, а

варенцовская информация будет не нужна, уничтожь и её, а потом всячески подавай надежду своему окружению, что, мол, вот-вот ты поймешь принцип кодирования белков старения. Ради Бога, выполняй все требования своих начальников. Тебя вытащим! Не беспокойся».

«Стало быть, всё-таки нашли мой компьютер у Шамина. Ай да Шамин! Ай, да молодчина!» – понял Ходоков и приступил к работе.

Он работал всю ночь: разбил информацию на кластеры и закодировал их в своих расчётных файлах, перепроверил. Раздавленный диск спустил в унитаз.

Физику не давала покоя только информация о его Лене.

«Если Лена в курсе, то... даже не знаю, какой вывод надо сделать. Если она завербована, а наши спецслужбы не в курсе, в конце концов, то, что я сделаю, непременно окажется в руках подземного бункера. Если же её используют просто «втемную» и те и другие, всё равно она вольно или невольно выложит полученную ею информацию, которой она может обладать, тому, кто окажется в нужное время рядом с её наработками и выводами. А если...

Если, если... Не хочется дальше думать. Надо пока выжить. А тут ещё Шкиль глаз, видимо, на неё положил и может каким-то способом завербовать женщину, если она уже не работает на них».

*Если в жизни туго, вытей слабительного,
хотя понос тоже всегда не вовремя...*

ГЛАВА VIII

ЕЙ НЕ НУЖЕН МАКИЯЖ...

Лена узнала об исчезновении Ходокова от человека, который представился ей сотрудником ФСБ. Это было в перерыве, когда, выйдя из лаборатории, она направилась в ближайшее кафе пообедать, где её уже ожидала дочь. Юля училась на первом курсе университета химического факультета, и, поскольку НИИ биологии и химический факультет были рядом, они часто обедали в кафе.

На полпути к Елене подошёл мужчина лет тридцати пяти и, показав удостоверение сотрудника ФСБ, вежливо предложил минуту посидеть на скамейке парка.

– Простите, чем обязана вашему вниманию?

– Меня зовут Константином Павловичем. Фамилия моя – Руднев, Елена Борисовна. У меня есть для вас информация, которая не столько касается вашей работы, сколько близкого вам человека. Присядем, пожалуйста.

– Но меня ждёт в кафе к обеду моя дочь.

– Это займёт минуту-две. Не больше.

Итак, Елена Борисовна. Первое. О нашем с вами разговоре не должны знать никто, кроме нас с вами. Даже ваша дочь. Поэтому я не решился на разговор в вашей лаборатории.

Второе. Валерий Сергеевич Ходоков, близкий вам человек, он же известный физик, работающий в области программирования и кодирования белковых структур, он же известный за рубежом специалист в области биофизики и кинетики белковых структур, исчез. Есть информация, что он мог быть похищен глубоко законспирированной иностранной спецслужбой. Не исключено, что он работает в одной засекреченной подпольной биохимической лаборатории.

Елена Борисовна вздрогнула.

– Успокойтесь, пожалуйста, – взяв за локоть женщину, сказал Руднев. – Есть только информация о его исчезновении и подозрение, о котором я только что сказал.

Третье. У вас близкие отношения. Он ничего вам не говорил, хотя бы в

последнее время, о том, что хочет эмигрировать на Запад?

– Нет.

– Понятно. И, простите, есть одно предложение к вам. Я не знаю, как вы к этому отнесётесь, можете просто отказаться. Вы, естественно, знаете о существовании лаборатории, работающей по международной программе генома человека. Вы могли бы нам помочь проверить одну версию. Не исключено, что каким-то образом похищенный Валерий Сергеевич Ходоков может быть связан с этой лабораторией. Там дают хорошие гранты. Туда специалисты вроде вас в очередь стоят...

– Я и сама там подрабатываю по гранту; выполняю исследование, связанное с общей и открытой программой генома человека.

– Нам это известно. Просьба у нас к вам будет простая. Туда иногда заглядывает некто Натан Львович Шкиль. Официально он работает на иностранную лабораторию по решению проблем, связанных с генной инженерией. Она функционирует на законных основаниях. Это человек, который в своё время эмигрировал на Запад и почему-то вернулся, но уже под личиной иностранного разработчика. Чем на самом деле он занимается и на кого ещё работает, надо выяснить. Есть подозрение, что он каким-то образом связан с решением проблемы управления геном старения, проблемы, которая и вас интересует. Вы смогли бы найти с ним общий язык. Нас интересует только одно: уровень разработанности этой проблемы подпольной лабораторией. Вам, в принципе, ничего не надо делать, а нужно только слушать и оценивать ситуацию. Слушать, что говорят в законно функционирующей лаборатории. Что-то важное не ускользнёт от вашего внимания как специалиста. Но, самое главное, не исключено, что Шкиль каким-то образом может быть связан с исчезнувшим Ходоковым.

– Я могу подумать?

– В принципе, вы можете даже отказаться, но, простите, времени у нас мало.

– Хорошо. Во второй половине дня я должна консультировать двух специалистов в этой лаборатории.

Юля сидела на обычном месте и поглядывала в меню.

– Мама! Что-то не хочется мне есть. Мы с подругами в Макдональдсе недавно перекусили.

– Юля! Сколько раз тебе говорила: не привыкай перекусывать. Надо питаться нормально и нормальными продуктами. Правда, мне тоже что-то есть не хочется... Может, просто кофе выпьем?

Вторая половина дня в лаборатории ничем не отличалась по напряжённости работы от первой. Все занимались своим делом. На рабочем столе Лена на листке бумаге прочла записку. «Елена Борисовна! Я сегодня ушла пораньше. Вами же интересовался весьма симпатичной наружности генетик. Он же известный микробиолог. Напрашивался на консультацию. Помните, он как-то на дискуссии по геному присутствовал у нас в конференц-зале? Просил позвонить по этому номеру. Клава».

«Всегда, когда Клава нужна, её нет на работе», – с досадой подумала Елена, надела халат и позвонила по номеру, указанному в записке Клавой.

– Это Елена Борисовна Кучерова. Вы просили позвонить?

– Да! Здравствуйте, Елена Борисовна. С вами говорит Шкиль Натан Львович. Я хотел бы побеседовать с вами по поводу вашей недавно вышедшей работы по гену старения. Не откажите в любезности.

Лена вздрогнула от назвавшего себя. «Кажется, началось... Что нужно этому человеку от меня? Но, как сказал Руднев, он может знать о судьбе Валерия».

– Вы слышите меня? – снова раздался голос в трубке.

– Да-да... Я не против, но только через час-полтора смогу освободиться: у меня назначены консультации со специалистами. Хотя, если это ненадолго, вы можете сейчас подойти. Я позабочусь о пропуске...

– Не беспокойтесь, Елена Борисовна. Я лучше подъеду через час-полтора, и на скамейке около лаборатории побеседуем. Это ненадолго...

– Хорошо. Как приедете, позвоните!

– Спасибо! Обязательно позвоню.

Лена выключила телефон, а в ушах словно эхом звучало: «Ген старения, ген старения...» «Кажется, об этом предупреждал Руднев, когда называл это имя...»

Натан Львович, заметив выходящую из лаборатории Елену Борисовну, галантно склонил голову и протянул руку, как только женщина подошла к скамейке.

– Очень рад поближе с вами познакомиться, Елена Борисовна. Не так давно вы изложили феноменальные мысли в вашей статье. И я хотел бы задать вам несколько вопросов, не возражаете?

– Я, кажется, помню вас. Вы как-то были у нас на дискуссии по геному, но, по-моему, не проявляли к ней особенного интереса. Вы просто слушали.

– Иногда лучше слушать и слышать, о чём говорят. Не люблю навязывать свои мысли, делиться сомнительными идеями. Их сегодня множество

в голове не только генетиков. Лучше мысленно отбирать продвинутые. На самом же деле сегодня продвижения в области предупреждения старения генома практически нет, хотя вам, конечно, известна работа Варенцова и его трагическая судьба...

«Ген старения, ген старения...», – снова пульсировала мысль в сознании Лены.

– Не знаю, гений он или нет, но Варенцов близко подошёл к проблеме возможного управления геном старения и геномом человека в том числе и совершенно с неожиданной стороны – с позиции сохранения общих фундаментальных законов развития живого, связанного с возможным кодированием жизни как таковой на заре её формирования с вытекающими отсюда последствиями. Это находит подтверждение в вашей статье. Варенцова, к сожалению, нет. Западные разработки, мне кажется, зашли в тупик. И мне бы хотелось сделать вам предложение опубликовать совместную работу в зарубежном высокорейтинговом журнале. К тому же вы скоро, говорят, будете защищать докторскую...

– Ваша осведомлённость о моих изысканиях как-то даже настораживает, – смутилась Елена Борисовна.

– Об этом уже давненько говорят в НИИ биологии. Но я бы хотел подойти к проблеме старения с иной стороны, если позволите. Вы, конечно, представляете себе, что жизнеспособность, да и старение, зависят от многих функций организма и в том числе связаны с его генетикой. В этой связи точка зрения о том, что выключение каких-то отдельных генов, ответственных за старение организма, якобы даст возможность победить вырождение, даже исчезновение вида, на самом деле не верна. Увеличить продолжительность жизни – может быть, да. Это, в принципе, доказано на модельных экспериментах механизма защиты хромосом теломерами и ферментом теломеразой, за что Блэкбери, Грайдер и Шостак, как помните, не так давно были удостоены Нобелевской премии. Но речь идёт о другом. Опять возвращаюсь к Варенцову. Он практически близко подошёл к идее о влиянии какого-то фундаментального закона на длительность эволюции всего видового разнообразия на Земле. Какого, пока трудно сказать. Свои соображения как раз и предлагаю обсудить с вами.

Готовясь к встрече с Кучеровой, Шкиль не хотел раскрывать главную свою идею, а тем более дарить её малознакомой женщине, соискательнице докторской степени в биологии. Но даже краткое знакомство с ней изменило его планы. Он теперь хотел не только удивить или даже поразить женщину своим предложением, но и, пригласив её к более длительному

сотрудничеству, желал, нет, даже жаждал общения с ней. В нём неожиданно прорвалось чувство, которого он давно не испытывал с момента расставания с когда-то любимой женщиной – чувство необходимости любить. Но он понимал, что для него, может быть, это уже и не самое главное. В этот момент ему больше всего хотелось, чтобы его полюбили, ибо он никогда не ощущал этой страсти по отношению к себе. И эта необходимость завоевать расположение красивой женщины любой ценой кричала в нём. Ему просто не была знакома взаимность, без которой он страдал больше всего. Выделив Елену Борисовну среди участников конференции по генетике, он потерял покой. Он захотел узнать о ней всё, и ему неожиданно, в большей степени случайно, повезло. Помогла в этом старшая лаборантка Клава, работавшая под её началом. Когда Кучерова закончила свой доклад, Клава покинула управление презентацией её доклада и села на свободное место рядом с Натаном Львовичем. Он наклонился к ней и восхищённо прошептал:

– Неужели в науке могут быть такие красивые женщины?

Клава посмотрела на него и с достоинством ответила:

– Как видите, могут! И представляете, такая умница. К тому же свободная женщина... Вот-вот выйдет на защиту докторской диссертации...

– Во многом с вами согласна, Натан Львович, – произнесла задумчиво Елена Борисовна. – Но...

– Понимаете, Елена Борисовна... – Здесь Шкиль уже шёл ва-банк. Он почувствовал, что не сможет добиться ничего. – Понимаете... Для соискания учёной степени доктора наук нужна идея, которую можно защищать. И чем больше специалистов знают о ваших работах, чем больше вы привлечёте внимание к ней других учёных, тем больше шансов получить голоса на учёном совете при защите диссертации. К тому же у меня достаточно хорошие связи с зарубежными специалистами, которые могли бы дать вам хорошие отзывы на диссертацию, быть оппонентами или научными консультантами.

– Спасибо, Натан Львович, но у меня уже есть научный консультант...

– Известный учёный?

– Да, и очень порядочный в науке: не терпит никаких рассуждений, кроме наличия эксперимента или глубокого теоретического обоснования проблемы.

– Ну, знаете, в науке разные люди бывают. Со своими слабостями, завиральными идеями. И кто же он, если не секрет?

Елена, пристально посмотрев в глаза собеседнику:

– Биофизик. Ходоков Валерий Сергеевич...

Она заметила, как словно какая-то тень прошла по лицу Шкиля. Он хотел было что-то сказать сразу, но вместо этого, искусно подкашливая, наконец выдал:

– Ну что же, это известный специалист, гм... в области близких к вашему направлению исследований... Но, как сообщили средства массовой информации, он, кажется, куда-то пропал?

– ... Кажется.

– Время сейчас такое. Хорошие учёные бегут из России, – вздохнул Шкиль. – Не исключена возможность, что Ходоков просто переметнулся куда-нибудь, заранее подготовив для этого почву. Ну не могли же его просто похитить или, не дай Бог, лишить жизни? Хотя в такое время многое может произойти... Семейные драмы, женщины... Одним словом, ваше дело поправимое. Я бы не возражал быть вашим научным консультантом.

– Спасибо. Но вы о чём-то ещё хотели меня спросить? – вопросом на вопрос уклончиво ответила Елена.

– Понимаете, я подготовился к нашей встрече и захватил с собой вариант возможной с вами публикации статьи. Там изложено два подхода к исследованию проблемы старения генома. В принципе, мы могли бы более подробно об этом поговорить в кафе. Может, вы выпьете со мной чашечку кофе?

– В принципе, я не возражаю, только ненадолго: у меня сегодня с дочерью поход в театр.

– Вот и замечательно.

За кофе Натан Львович очертил общую идею статьи, внимательным взглядом оценивая реакцию Елены Борисовны, но та слушала его молча и сосредоточенно.

«Господи! Какая красивая женщина! Ей не нужен никакой макияж. К тому же ей очень идёт неподдельная сосредоточенность... Это признак ума», – мысленно оценивал женщину Шкиль, заканчивая разговор об идее совместной публикации, и наконец вытащил из нагрудного кармана флеш-диск.

– Всё, о чём я вам говорил, изложено здесь. Вы можете в свободное время всё обдумать. Естественно, вы вольны редактировать текст в рамках ваших собственных представлений.

– Хорошо. Спасибо, Натан Львович. Я посмотрю.

Когда они вышли из кафе, Натан Львович поцеловал руку Елены Борисовны и неожиданно вернулся к своему предложению:

– И всё-таки, Елена Борисовна, предложение остаётся в силе относи-

тельно моего участия в качестве научного консультанта вашей диссертации.

– Спасибо ещё раз, Натан Львович, но у меня научный консультант – Ходоков. Я буду ждать до тех пор, пока не прояснится его судьба. К тому же мне этот человек гораздо ближе, чем научный консультант. До свидания, Натан Львович. Я позвоню вам.

Постановка в театре была настолько скучной и невыразительной, что даже дочь не выдержала:

– Мама, я смотрю, что и тебе скучновато. Будем досиживать или как?

– Я тоже об этом тебе хотела сказать. Давай потихоньку покинем зал: действительно неинтересно.

На самом деле Лена во время спектакля думала о другом: встреча со Шкилем не выходила из головы. Во-первых, вспомнив разговор с представителем службы безопасности Рудневым, она поняла, что Шкиль не только связан с генетической проблемой старения, но и что-то знает об исчезновении Валерия. Во-вторых, настойчивость, с которой Натан Львович предлагал ей услуги в части совместной публикации, настораживала всё больше.

Дома Кучерова открыла диск Натана Львовича и внимательно прочитала выкладки из статьи. На некоторых моментах она останавливалась по несколько раз. Как ей показалось, статья была слишком серьёзной, чтобы такой маститый специалист в области генетики вдруг обратился за соавторством к ней, ещё малоизвестному специалисту. К тому же его предложение быть у неё научным консультантом было каким-то слишком любезным и навязчивым. Что это, попытка ухаживать? Но она ему дала сигнал, что её узы связаны с Валерием. Тогда что? Позвонить Рудневу и сказать, что Шкиля интересуют ген старения и концепты Варенцова?

Дочь что-то писала за письменным столом: видимо, готовилась к очередным занятиям. Елена Борисовна подошла к дочери, обняла её за плечи:

– Знаешь, доченька, я чего-то боюсь. С исчезновением нашего Валерия Сергеевича мне очень беспокойно.

– Мама, всё образуется. Это не такой человек, чтобы бросил нас. Я чувствую, что мы сможем его обнять, мама.

Лена прошла на кухню и набрала телефон Руднева.

– Константин Павлович, я встречалась с Натаном Львовичем Шкилем по его инициативе. Его действительно интересует проблема гена старения.

Он предложил сотрудничество в рамках соавтора статьи, которая... которая меня настораживает. Нет, идеи его великолепные. Понимаете, такой маститый учёный и вдруг обратился ко мне, чтобы я была его соавтором, хотя я не такой известный специалист...

– Вы преуменьшаете цену своих разработок, Елена Борисовна. Он ухвятился за вас, во-первых, потому что вы одна из тех, кто занимается интересующей его проблемой. А во-вторых, потому что вы близко знакомы с Ходоковым. Следовательно, его могут интересовать не только ваши идеи: Шкиль, видимо, пытается понять, знаете ли вы что-нибудь конкретно из того, что могло попасть к Валерию Сергеевичу из архивов Варенцова. Что он с Ходоковым, знаком, мы знаем точно. Поэтому Шкиль полагает, что Валерий Сергеевич мог поделиться с вами информацией, которая может оказаться ключом к разгадке гена старения.

– Но я не в курсе того, что Ходоков знаком с материалами Варенцова. Мы с ним не говорили об этом.

– И хорошо, Елена Борисовна! Замечательно! Поэтому соглашайтесь на совместную публикацию и делитесь имеющейся информацией, которой располагаете по гену старения. Понимаете, всем правит время, всё подчиняется ему. События развиваются так быстро, что, пока ваша совместная статья дойдёт до публикации, пройдёт уйма времени, а в течение него мы можем сделать очень многое. Вы добыли нам очень важную информацию, Елена Борисовна. Главное, не иницируйте никаких встреч со Шкилем – пусть он позаботится о том, чтобы встретиться с вами.

– Хорошо.

– А для вас есть хорошая новость. Я, правда, не смогу пока ею поделиться с вами, но она очень хорошая и нужная для вас. Речь идёт о Ходокове. Спасибо за вашу информацию. Спокойной ночи! Я постоянно на связи.

Кучерова положила на стол телефон и с облегчением вздохнула, расслышав только намёк на то, что с Валерием всё уже не так плохо.

Шкиль зашёл в кабинет-камеру Ходокова, положил на стол новые данные биохимиков, сел на стул и неожиданно спросил профессора:

– Вы когда-нибудь были счастливы в этой жизни?

– Она слишком коротка, чтобы думать о счастье. Надо просто торопиться жить, а счастье надобно просто иметь.

– И вы имеете его?

– Имел. Сейчас не знаю. Законопатили вы меня сюда, и не знаешь, о жизни думать или о счастье, которое могло быть.

– Вы мужественный человек. В вашем положении действительно нужно думать только о жизни.

Ходоков внимательно посмотрел на Шкиля.

– А, собственно, что это вы вдруг заговорили о жизни, счастье?

– Да так. Я завидую вам.

– Чему же?

– У вас умная и красивая женщина.

– Вы о чём или о ком говорите?

– О Елене Борисовне. Я вчера был у неё...

Ходоков закрыл глаза и почувствовал, как какой-то холодок пробежал по спине. «Лена, Леночка..., Елена Борисовна... Что же это? Как ты могла оказаться в этой компании?»

Заметив, как изменился в лице собеседник, Натан Львович произнёс:

– Вы, наверно, не о том подумали, Валерий Сергеевич. Я был у неё... в лаборатории.

– И что?

– Меня поразила ваша женщина.

– Откуда вы вообще знаете, что она моя женщина и что я с ней вообще знаком?

– Вы её научный консультант. Она сама сказала об этом. И главное, когда я предложил ей свои услуги в связи с вашим исчезновением, она ответила мне, что будет ждать только вас. И я позавидовал вам.

Шкиль встал со стула, прошёлся до двери и обратно.

– Знаете, Валерий Сергеевич, почему я с вами заговорил об этом? У меня была жена, очень красивая, но однажды я узнал, что она мне изменяет. По натуре и характеру я скорее меланхолик и всё переживал в себе. Вернуть женщину в лоно прежней любви невозможно: это пчела, которая тянется к любому цветку, чтобы испить ещё нектара. Я в недрах своей науки просто не мог быть для неё цветком. Мы, учёные, поглощены желанием открыть какую-то истину, безумно готовы отдать ей всё свободное время, чтобы удовлетворить свои амбиции быть первыми. А перед собой не замечаем другую истину, может быть, самую главную, что делает человека человеком. Да нет, не просто человеком, а счастливым человеком.

Натан Львович замолчал, потом устало потёр глаза и добавил:

– Надежда быть счастливым человеком покинула меня. Я понял, что не смогу никогда больше вернуть любимую женщину. На последней нашей встрече я попросил разрешения поцеловать её. Она ответила так, что я понял: увы, она никогда не любила меня. Я был потрясён не тем, что она

мне ответила, а как она это сказала: «Не-е-т!» Я пожелал ей всего, кроме никого, ничего и нечего...

Шкиль присел на стул, закинул руки за голову и продолжил:

– Раздвоение между наукой и потерей преданности любимой женщины, привело меня к решению найти хоть какое-то удовлетворение, и я совсем погрузился в науку. Разрыв был настолько глубоким, что она просто покинула меня. Я не мог жить в том городе, где жила моя женщина...

Шкиль вернулся к столу и сел на стул, посмотрел в лицо Ходокова, словно оценивая, стоит или нет исповедоваться перед ним дальше, но всё-таки продолжил:

– После конгресса по генетике мне предложили работу в Германии. Я согласился. Но оказывается исследования, которые я проводил, интересовали не только меня, но и спецслужбы. Так подписал договор...

Оказавшись в его плену, я вернулся в Россию, но уже в ранге блудного сына, изменившего ей. И вот теперь я перед вами.

– Зачем вы всё это мне рассказываете?

– Зачем? Не знаю. У меня не было преданных друзей. А когда вы появились здесь, мне почему-то показалось, что вам можно доверять. Вы такой же учёный, как и я. Вы так же одержимы наукой. Вы известный в ней человек. Но вы ещё и счастливый человек. Если такая женщина собирается ждать вас и открыто об этом сказала незнакомому человеку, это говорит о многом.

– И всё-таки?

– Понимаете, хочется что-то исправить в себе, но это уже невозможно, хотя почему-то хочется вам помочь.

– Мне? В чём?

– Вытащить вас отсюда. Дело в том, что вас здесь используют. Всё то, что вам рассказывал Алексей, он же Герд, когда вы попали сюда, это чистая правда. Но то, что вам до него внушили мысль о работе под прикрытием ФСБ, ложь. Вас достаточно тонко разыграли, тем самым заставили верить им и сознательно подписать договор о сотрудничестве на иностранную разведку. ФСБ не в курсе такого развития событий и будет искать любые пути вашего освобождения, не зная о подписанном вами договоре о сотрудничестве с иностранной разведкой. Что же касается информации на диске, который вам передали, это действительно архив Варенцова, и поскольку вы видели его на даче Варенцова, то понимаете, что это подлинник. Прежде чем ему попасть к вам в руки, я тщательно ознакомился с ним. А поскольку занимаюсь аналогичной проблемой, какой занимался

Варенцов, то я быстро понял, что удалось сделать ему и не удалось мне. Выходит... я и с открытием опоздал...

– Почему я вам должен верить?

– Вы не можете мне не верить, поскольку вы заложник обстоятельств, которые так сложились для вас. У нас с вами есть шанс спасти то, что сделал Варенцов, и не отдать эту информацию в руки тех, кто может на этой основе разработать генетическое оружие.

– Вы уже включили меня в вашу легенду?

– Поймите, это не легенда – это шанс предотвратить катастрофу возможного использования открытия Варенцова иностранными спецслужбами в своих целях. Вы ведь хорошо понимаете, что это выход на возможное создание генетического оружия.

– Хорошо. Но Колонин же на свободе?

– Да, но это уже явный прокол подпольных спецслужб Наркиса с Алексеем. Они вычислили того, кто организовал побег Колонина, и до сих пор работают с ним. Сами знаете на себе, какими методами.

– А как попала к вам информация Варенцова?

– Просто группа «Наркис» опередила вашего друга Шамина, так что у ФСБ не было шансов завладеть информацией Варенцова раньше. Теперь она у вас. А инструкцию, как работать с ней, написал тоже я: так, на всякий случай, чтобы вы в любой другой ситуации могли ею снова воспользоваться, а другие нет.

– Но наверняка копия и не одна уже в руках Алексея.

– Несомненно, но они не знают пока, что делать с информацией Варенцова. Практически он зашифровал все первичные данные в таблицах, на основе которых он делает вывод о возможности управления геном старения на популяционном уровне. Я говорю, что это пока.

Нам также предстоит понять и обнаруженную им сущность глобального кода эволюции живого, в рамках которого происходит вымирание видов живых организмов. И это нужно сделать как можно скорее именно на территории России, пока этого не сделали другие, например, в Европе. Это можете сделать только вы как гениальный программист, исследующий структурные связи белков в процессе старения теломеров в клетке. Поэтому именно за вами охотилась группа «Наркис».

И ещё. В подпольной лаборатории работают над созданием биологических компонентов, которые в перспективе могут воздействовать на людей определенной этнической группы, то есть опять генетически контролировать целые популяции. Вместе с исследованиями гена старения эти результаты, если попадут в руки разработчиков биологического оружия,

могут привести к контролю развития и существования одних популяций другими. И пока только мы с вами можем встать на пути этих разработчиков. Только мы... И нам никто и никогда не простит, что мы не смогли встать на пути создания биологического и генетического оружия.

– Странная ситуация, – вздохнул Ходоков. – Я должен верить тому, что, судя по вашей информации, меня использовала ваша служба втёмную, и в то же время доверять вам. Ведь всё, что творится в этой комнате-камере, просматривается и прослушивается.

– Прослушивание и видеонаблюдение в вашей комнате находится в моей компетенции. Сейчас прослушки и видеонаблюдения нет. Она отключена мной. Я понимаю, в каком положении вы оказались. Вам нужно принять трудное решение.

– Выбора-то у меня нет. Я подписал договор о сотрудничестве с иностранной разведкой, надеюсь, что нахожусь под прикрытием ФСБ, и, если даже буду освобождён, меня привлекут к ответственности за измену, поскольку не смогу доказать, что я это сделал не по своей воле. А если же я приму ваши условия и нам удастся понять, что стоит за открытием Варенцова и завершить исследование, то я не уверен, в чьи руки попадут результаты...

– Они должны остаться в России. Только в России. Относительно же вас, – Шкиль сделал паузу, – если мы выйдем отсюда оба, я буду свидетелем, что вы для своей страны достойный человек. Меня же проклянут и те, на кого я работал, и те, кого я предал. У меня остаётся только один выход: хотя бы в этой ситуации остаться просто человеком. Завтра же я буду встречаться с Еленой Борисовной по поводу совместной публикации. Вы можете оставить ей записку. Я смогу передать ей, чтобы укрепить её надежду на то, что вы не исчезли, что вы живы.

На следующий день после уточнения деталей содержания статьи Шкиль на прощание передал записку Ходокова Елене Борисовне:

– Это вам от Ходокова. С ним всё в порядке. Вы удивительная женщина. Я преклоняюсь перед вами и откровенно завидую человеку, который может любить вас и, уверен, скоро будет находиться с вами. Вы оставили мне в жизни надежду на то, что кроме вас ещё существуют женщины, которым не требуется никакой макияж, чтобы выглядеть лучше, чем они есть. Им не требуется совершать поступки, потому как они сами уже поступок, которому хочется следовать.

Натан Львович слегка преклонил голову и направился к лифту.

Кучерова, прочитав короткую записку, хотела догнать Натана Львовича, но дверь лифта, в который вошел Шкиль, закрылась.

Сутки Лена не находила места. Записка Ходокова о том, что он жив и есть надежда на скорую встречу, выжигала из её сознания последние сомнения относительно Шкиля. Женским чутьём она понимала, что Натан Львович не только не заинтересован навредить ей и Валерию, но и дал важные сигналы для расположения к нему.

«Что же мне делать? Как поступить?.. Сообщать Рудневу?» – мучилась она.

Дочь, заметив, что с матерью что-то происходит, подошла к окну, в которое та долго смотрела, обняла и спросила:

– Мамочка, поделись, что случилось с тобой?

Мать обернулась и, неожиданно прижав голову дочери к груди, заплакала.

– Мама! Что с тобой?

Кучерова, как будто спохватившись, потёрла руками глаза.

– Прости, это я так, доченька. Так просто...

– Ты о Валерии Сергеевиче?

– Да, Юлечка! Да! Он попал в беду, а в какую, я пока не знаю.

– Но мы будем ждать его, мама. Всё образуется, вот увидишь.

Зазвонил телефон. Дочь взяла его со стола и протянула матери. Елена Борисовна, увидев номер Руднева, заколебалась, но всё-таки ответила:

– Да, Константин Павлович, слушаю вас...

Юля ушла в свою комнату.

– Елена Борисовна! Если есть у вас возможность, подойдите, пожалуйста, к лаборатории. Я буду ждать вас на скамейке у входа. Есть важные новости.

– Хорошо, Константин Павлович, через полчаса буду.

К скамейке Руднев подошёл со стороны скверика и, поздоровавшись с женщиной, взял почему-то её под руку, улыбнулся и пошутил:

– Рядом с вами можно забыть про всё, Елена Борисовна. А пройтись вместе — уже чувствовать себя счастливым.

– Вы это о чём?

– О! Не беспокойтесь. Две-три минуты мы поговорим в сквере, и я проведу вас к рабочему месту только восхищённым взглядом. Не более того.

Руднев отпустил руку женщины и, выйдя на аллею сквера, начал уже серьёзно:

– По данным надёжного эксперта, который познакомился с вариантом предлагаемой Шкилем статьи с вашим участием, Натан Львович не только

в курсе работ Варенцова, но и близок к тому, чтобы полностью считать всё, что записано в ДНК генома человека относительно передачи кода старения РНК, а та – белкам, отвечающим за продолжительность жизни клетки в геноме человека...

– Честно говоря, я этого не заметила. Натан Львович говорит только о наличии такой возможности...

– Там, где только есть наличие такой возможности, уже в других головах может быть всё интерпретировано как необходимость попытаться прочесть этот код. Близкий вам человек, Валерий Сергеевич, мог бы это сделать намного быстрее, будучи на свободе...

– Так вы в курсе дела, где он? – перебила Лена.

– Об этом несколько позже, – уклонился от ответа Руднев. – А пока попробуйте форсировать совместную публикацию со Шкилем. Эксперту, который прочёл его информацию, нужно познакомиться с выводами, которые напишет в вашей совместной статье Натан Львович. А что он это сделает, у эксперта сомнений не вызывает, ведь в науке главное – выводы, не так ли, Елена Борисовна?

– Так-то оно так, но не всегда то, чего ты ожидаешь от эксперимента, может оказаться таким. Именно в этом случае совершается открытие. А если ждёшь какого-то результата и он получился именно таким, значит, ты ничего не открыл... Так что в выводах Натана Львовича, скорее, будет то, что уже открыто Варенцовым. Поэтому я бы вам хотела сказать...

– И что же вы хотели мне сказать?

– Натан Львович передал записку от Валерия Юрьевича Ходокова, и, что это написал именно он, у меня сомнений нет.

– И что же в этой записке?

– Он написал только одну фразу. «У меня всё в порядке. С надеждой, что скоро увидимся».

Руднев внимательно посмотрел в глаза Елене Борисовне.

– Но это же здорово!

– Я боюсь чего-то, – тихо сказала женщина.

– Всё будет хорошо... Очень хорошо. Не беспокойтесь. Спасибо вам за такое сообщение. Я не буду вас провожать. До свидания.

Руднев, узнавший о передаче Шкилем записки Кучеровой, обдумывал сложившуюся ситуацию.

«Во-первых, Шкиль вхож в подпольную лабораторию. Во-вторых, он имеет доступ напрямую к Ходокову. В-третьих, почему он стремительно

пошёл на контакт с Кучеровой и практически передаёт ей информацию, которая, по мнению эксперта-генетика, практически выводит на открытие? При этом он хочет опубликовать материал о нём совместно с Кучеровой и таким образом практически передаёт ей соавторство. Зачем? Хочет купить расположение красивой женщины накануне защиты диссертации? Но почему он тогда согласился передать записку от близкого человека этой красивой женщине?

Нет, здесь явно другое. Натан Львович просто ищет удобный случай оправдаться перед страной за своё предательство работать на иностранные спецслужбы. Может быть... Но... стоп! Кажется, что-то склеивается. Группой «Наркис» захвачена информация Варенцова. Явно с ней познакомят Ходокова, ибо зачем тогда было им похищать биофизика-программиста, специализирующегося на кодировании и программировании биологических макромолекул... К тому же он сам знаком с материалами Варенцова. Значит, либо Шкиль с Ходоковым согласованно уже близко подошли к открытию Варенцова, либо Натан Львович торопится закрепить своё авторство и тем самым оправдаться за своё сотрудничество с иностранной разведкой перед страной, которую покинул, затем предал, а сейчас готов к сотрудничеству?»

Совещание в кабинете начальника УФСБ города Южный. Присутствуют специалисты по расследованию особо опасных преступлений, в том числе группа Руднева

Белевцев Николай Иванович:

– Время, на которое мы рассчитывали относительно подпольной лаборатории «Наркис», кажется, сжимается до необходимости принятия кардинальных решений по её ликвидации. Но вначале дадим слово руководителю оперативной группы Рудневу. Пожалуйста, Константин Павлович.

– Товарищ полковник! Общий анализ событий, произошедших за последнее время, дает основание заключить следующее.

Первое. Установлено, что физик, он же биофизик Ходоков Валерий Сергеевич, похищенный группой «Наркис» с целью составления программы по расшифровке кода старения человека, полученного Варенцовым, практически закончил работу. Часть информации каким-то образом оказалась у генетика Шкиля Натана Львовича, в своё время эмигрировавшего по семейным обстоятельствам за рубеж, а затем вернувшегося в Россию для работы по программе генома человека на транснациональную компанию.

Есть основание считать, что он не только работает по контракту с иностранными специалистами в законно функционирующей лаборатории города, но и связан с подпольной лабораторией группы «Наркис». Его роль в ней выясняется.

Второе. Также есть основание считать, что Шкиль, получивший доступ к программе по расшифровке гена старения человека, составленной Ходоковым, нашёл через Кучерову Елену Борисовну канал для передачи результатов с целью их публикации в журнале Российской академии наук.

Третье. В связи с тем, что внедрённый нами в подпольную лабораторию группы «Наркис» сотрудник (оперативный псевдоним «Служитель») ни разу в течение месяца не вышел на контакт с нашей группой, предполагаем его раскрытие группой «Наркис». Связываем это с освобождением профессора Колонина и предлагаем в открытую выйти на контакт со Шкилем и в случае успеха с его помощью разработать операцию по ликвидации подпольной лаборатории и освобождению Ходокова и Служителя.

Четвёртое. По данным специалиста, внедрённого нами в состав той же подпольной лаборатории, но по направлению разработки биологических компонентов, способных редактировать белки, влияющие на определённую человеческую популяцию, исследования близки к завершению. Информацию закончил.

– Итак. – Белевцев встал, подошёл к карте района, где находилась подпольная лаборатория. – В этом же районе находятся две карстовые пещеры. Одна – буквально в 50 метрах от лаборатории. Как мне сообщил спелеолог Коневцев, он же главный специалист по исследованию подземного пространства города, пещеры время от времени посещаются любителями подземных приключений, или так называемыми диггерами. Однако тот же Коневцев не исключает наличие ещё не менее 2–3 подземных ходов в окрестностях интересующей нас подземной лаборатории. В частности, он указал на место, где находится подпольная лаборатория, и уточнил, что в этом районе при отступлении немцы в 1943 году взорвали какое-то секретное подземное хранилище. Что там могло быть, никто не знает, и место никем не обследовалось.

Для чего это я говорю: при составлении плана блокирования подпольной лаборатории необходимо учесть возможности отхода по подземным ходам интересующих нас фигурантов. Для этого мы привлекли Коневцева Виталия Андреевича. Не афишируя цели и задачи подземного обследования, надо попытаться найти продвинутых диггеров и помочь провести эту работу. Одного из них он назвал: это некто Костя с Левого Берега. Коневцев отозвался о нём как о бесстрашном и талантливом диггере, об-

лазившим всё ему известное подземное пространство города, включая катакомбы. Однако он подчеркнул, что тот два года отсидел якобы за то, что поднял руку на полицейского, который избивал бомжа, укравшего что-то у торговки. Я не стал возражать против того, чтобы он вошёл в команду Коневцева.

Теперь нам надо учесть ещё одно обстоятельство: подпольная лаборатория связана с цокольным этажом официально действующей. Там на законных основаниях работают разные специалисты, не сведущие о том, на кого они работают, выполняя исследования не связанных между собой кластеров, решающих разные задачи, известные только иностранным спецслужбам. Поэтому всё нужно сделать так, чтобы никто не заподозрил о проведении операции. Работать чисто, я бы сказал, «интеллигентно».

О плане и сроках операции поговорим позднее. Подождём результаты работы группы Руднева по возможности вовлечь в разработку операции известного генетика Шкиля Натана Львовича. Данные об этом человеке у всех вовлечённых в операцию на руках. А сейчас всем, кроме Руднева, до свидания.

Николай Иванович подсел к Рудневу.

– Костя, какие отношения связывают Кучерову с Ходоковым? Понятно, красавица. А ещё?

– Ну, Кучерова не только красавица, но и умница...

– Эти детали опусти. Насколько нам с тобой известно по нашему опыту работы с учёным миром, не все соискатели докторских могут похвастаться большим умом.

– Она действительно умница, Николай Иванович. Об этом также говорит всё окружение в лаборатории. Она одна из немногих консультирует специалистов лаборатории в области редактирования РНК-структур, но с Ходоковым их связывают очень тесные узы: перед самым его исчезновением они решили пожениться, правда, не успели. К тому же этот тандем интересуют близкие проблемы, связанные с генной инженерией. А почему вы спросили об этом?

– Жаль обоих.

– Это почему же?

– Дело в том, что за рубежом, мне сообщили об этом генетики, которые нас консультируют в области генома человека, появилась вчера статья в известном рейтинговом научном журнале, выходящем еженедельно. В этой статье говорится о том, что один из немногих специалистов в области программирования и редактирования ДНК и РНК Ходоков работает в

паре с Алексеем Левандовским, но этот поляк и есть тот Алексей, который курирует программу подпольной лаборатории по исследованию гена старения человека. Он же представитель британской разведки. Вот так-то, Костя... Уж не смог ли Левандовский хорошими зарубежными грантами или как-то по-другому склонить к работе на него Ходокова?

– Н-да... Это усложняет нашу задачу, – вздохнул Руднев.

– А может, и упрощает. В этом может помочь твоя идея взять в разработку Шкиля, ведь он сам ищет возможность выскочить из той ситуации, в которую попал. И всё же будь осторожен не только с ним, но и с Еленой Борисовной. Уж не задумал ли Шкиль склонить красавицу да ещё умницу, соискателя докторской, махнуть за рубеж с тем, что у неё накоплено по части разработок гена старения?

– Елена Борисовна! – воскликнул заведующий кафедрой НИИ биологии профессор Поневич, как только Кучерова вошла в его кабинет. – Вы - гениальная женщина! В своё время я, наверное, выглядел самоуверенным и глупым, когда недооценил ваши разработки в области старения генома. Вы второй Варенцов. Да-да! Присаживайтесь, пожалуйста. Я ознакомился с вашей со Шкилем статьей. Мне дали её на рецензию о возможности опубликования в докладах Академии наук. Ну уж если Шкиль взял вас в соавторы, то это уже признание, дорогая моя.

– Вы преувеличиваете, Михаил Никитович.

– Нет, уж простите! Это просто здорово! И вы здесь указываете на необходимость расшифровки программы кодирования белков и ссылаетесь на работы Ходокова. Редкого ума физик, он же биофизик, занявшийся проблемой дешифровки кодирования белковых структур в условиях их возможного редактирования. Жаль, говорят, исчез куда-то. Представляете, на какой бы уровень вышла наша генетика?!

– Вы безудержный оптимист, Михаил Никитович. На самом деле всё не так уж просто.

Поневич посмотрел на часы.

– Ну, знаете, лучше быть безудержным оптимистом, чем человеком, способным завернуть такую работу, как ваша. Я рекомендовал её к печати, и она выйдет в этом же номере журнала с формулировкой «в представленном виде», то есть без правки. А то, знаете, начнут что-нибудь править, и от идеи останется пустышка.

А сейчас, простите, бегу на дискуссию, которую организовал университет. Может, присоединиться? На дискуссии, в принципе, хотят обсу-

дить проблему предка современного живого на Земле, но в дискуссии будут рассматривать и другие проблемы. В ней, как говорилось в анонсе, будут принимать участие многие известные нам ученые из различных научных школ и институтов. Саму дискуссию специально организовал профильный комитет Академии наук в рамках полученных результатов в области генома человека и открывающихся возможностей в решении прикладных задач в области биохимии, биологии, медицины и т. д. Но главным, пожалуй, встанет вопрос о том, что и вас интересует: о гене старения.

– Да, я бы хотела послушать умных людей.

– О, не прибедняйтесь, Елена Борисовна! То, о чём говорится в вашей статье, многим было бы по душе услышать, кроме, пожалуй, некоторых... Поторопимся, я не намерен опаздывать.

Дискуссия началась с заявления ректора Московского института инноваций Перетягина.

– Уважаемые коллеги! Вышедшая недавно в Германии работа Кернса с соавторами, с которой, возможно, уже знакомы многие, подводит промежуточный итог исследования генома человека, финансируемого правительством США, британским благотворительным обществом и рядом других организаций. Теперь перед генетикой стоит грандиозная задача по интерпретации полученных данных. Более детальное изучение генома человека даст основание использовать результаты исследований в области биотехнологий, медицины, генной инженерии. Правда, эйфория о возможностях последующего управления геномом человека может увести генетику в область даже не научной фантастики...

– Это он о чём, Михаил Никитович? – прошептала Елена Борисовна Поневичу.

– Понимаете ли, Елена Борисовна. Это давняя история, и связана она с выходом книги крупного генетика, работающего в институте Перетягина. Во вверенном ему институте ходит такая шутка-анекдот: «Перетягин на сторону своих идей перетянет любого», на что профессор Чуднов Степан Николаевич, работавший под началом Перетягина, и автор книги «Исправить геном...» на эту шутку-анекдот коллегам ответил одним словом: «Надорвётся!» Об этом Перетягину донесли его борзые. И с тех пор между ними идёт необъявленная война. Временную победу одержал Перетягин.

– Написал лучшую книгу?

– Нет... Он просто Чуднова подвёл под сокращение. И, кстати, Запад

оценил монографию Чуднова и предложил ему грант от Института генетики Великобритании, но тот отказался.

– Но есть ещё более занятая гипотеза, – заканчивал своё вступительное слово Перетягин. – Она заключается в том, что «творение жизни», беру эти слова в кавычки, связано с тем, что в предковую форму LUSA был заложен своего рода код эволюции живых организмов, который определяет не только время, но и динамику появления и исчезновения всего разнообразия видов, населяющих Землю. Это сегодня и будет предметом нашей дискуссии. Итак, слово просит профессор Соков. Пожалуйста, Игорь Дмитриевич.

— Во-от. Это одна из борзых Перетягина, – прошептал Елене Борисовне Поневич. – Посмотрим, как он выкрутится из затравки, которую дал ему шеф, выжимающий из него соки, удобные для пищеварения Перетягина. А Игорь Дмитриевич, в принципе, талантливый генетик и генерирует неплохие идеи, но обычно делится только с Перетягиным. А тот подправляет их в свою генетическую концепцию в совместных трудах, где всегда впереди стоит он, Перетягин.

– А почему так?

– Потому, Елена Борисовна. Потому... Видите ли, у Перетягина возраст... Подходит время уступать кому-то. Вот и борются за это право в институте. А кому достанется кормило, тот всегда будет помнить своего шефа...

– Это и есть инновационное направление в современной науке? – удивилась Елена Борисовна.

– К великой радости моей, не самое главное. Вон, смотрите! – указал Поневич на вошедшего в зал Чуднова. – Сейчас будет очень интересно... Многим уже было известно, что уволенный Перетягиным из института Николай Степанович Чуднов неожиданно получил немалые деньги на продолжение исследований гена старения в лаборатории НИИ биологии, и к нему потянулись учёные, особенно молодые.

Директор института не рассчитывал на то, что на дискуссии появится профессор Чуднов. С его появлением в зале наступило оживление. Соков, начавший было издали рассматривать проблему, заметив вошедшего Чуднова, оживился и, почему-то обращаясь именно к нему, начал отстаивать его точку зрения на проблему управления геном старения человека.

– С выходом монографии уважаемого Николая Степановича Чуднова проблема гена старения заставила многих генетиков посмотреть на эту проблему с позиции того, как может современная наука не только управ-

лять продолжительностью жизни человека, но и ответить на главный вопрос о перспективе человека в истории его развития...

– У него будут явные проблемы после дискуссии. Смотрите, как нахмурился Перетягин, – заметил Поневич.

– Господи, зачем я пошла в науку, – вздохнула Елена Борисовна. – Мне всегда казалось, что критерием науки является истина, а не сомнительная, уничижающая борьба точек зрения на то, истина она или заблуждение?

– Истина – самый дорогой и желанный продукт, за обладание которым готовы использовать любое оружие: деньги, власть, обман, лицемерие. Овладеть этим продуктом стремится каждый, но лишь у некоторых это получается. Вот вам, красивой женщине, к примеру, зачем сражаться за истину, когда вы способны обезоружить любого мужчину одним взглядом?

– Понимаете, Михаил Никитович, истина всё-таки женского рода, – улыбнулась Елена Борисовна в ответ Поневичу.

– Сдаюсь, Елена Борисовна! Вы вырвали у меня шпагу до начала сражения за истину.

Витиеватость представлений Сокова не всколыхнула желающих задавать вопросы выступающему, пока в дискуссии не вступил профессор Чуднов.

Обозначив главную проблему современных подходов к эволюции живого, он, обернувшись к модератору дискуссии, снисходительно заметил, что гипотеза о существовании последнего универсального общего предка LUSA была впервые предложена именно Дарвином и отрицание её предполагает появление другой, более прогрессивной идеи, которая бы суммировала современные достижения в области генетики, но, как мы знаем, подобной идеи наш модератор предложить не может...

Зал оживился. Перетягин перебил Чуднова:

– Так предложите свою, Николай Степанович!

– Моя идея изложена в недано опубликованной моей монографии, и я не хочу останавливаться на деталях. Остановлюсь только на тех идеях, которые заставили биологов и генетиков через призму генома человека увидеть в гипотезе Дарвина более глубокий смысл, который её не отвергает, но раскрывает глубинные проблемы эволюции. Проблема периодического глобального вымирания видов на Земле не является следствием катастрофизма, как об этом пишут и навязывают всем некоторые западные специалисты, связывая эпохи великого вымирания организмов, например, с метеоритным шовинизмом. Нельзя распространять идеи Жоржа Кювье в эволюции на всю эволюцию. Эволюция значительно богаче в выборе механизмов и способов развития. Подобный подход в естественно-научном мире уже распространился и на проблему потепления климата, связанного

с так называемым углекислотным шовинизмом. Но уже эту катастрофу якобы подготовил сам человек, сжигая углеводородное топливо, без которого развитие человеческой цивилизации оказалось бы просто невозможным. Природа сама в ходе своей эволюции создала условия накопления энергии в виде органического топлива, которым воспользовался человек. Таким образом, периодичность вымирания живого, включая биомассу растений, с которой связана вся пищевая цепочка живых организмов в биосфере, является следствием многих взаимообусловленных и взаимосвязанных явлений эволюции, и открытие этих глубинных связей возможно только в случае междисциплинарного развития науки. Современные биология, палеонтология, геология, биохимия, биофизика, генетика, компьютерные технологии моделирования дают нам возможность не только связать проблему происхождения видового разнообразия, но и по-другому посмотреть на причины периодического вымирания живых организмов. Установленные пять основных эпох вымирания в истории Земли с периодичностью от 50 до 120 млн лет – это только зафиксированные крупные рубежи в геологической истории. На самом деле в рамках периодического уничтожения геологических слоёв разными процессами во времени может указывать на то, что таких эпох вымирания было значительно больше, но эти эпохи должны касаться не всего или глобального разнообразия вымирания организмов, а только вымирания на уровне отдельных видов. Именно на это обратил внимание покойный Варенцов в некоторых своих публикациях, предсказывая возможность исчезновения видов на уровне отдельных популяций с периодичностью, которая каким-то образом связана с заложенным в LUCA генетическим кодом предельного времени существования вида. Он в отдельных работах, а за ним Шкиль, Круглов, Сочеванов, Кучерова говорили об эволюционизме как о замещении одного вида другим за счёт заложенного в геноме кода генов старения, ответственных за длительность существования клеток в популяции. Вот в чём суть проблемы гена старения – в длительности существования вида на полочке эволюции видового разнообразия. И эта проблема касается современного человека. Если эта гипотеза замещения видового разнообразия подтвердится и будет написана теория, то это будет новая генетическая теория эволюции, не отменяющая эволюционную картину Дарвина, а вскрывающая глубинные генетические проблемы не только происхождения жизни на Земле, но и предельного существования рода человеческого.

Чуднов помолчал, а потом добавил:

– Можно себе только представить, какую опасность может нести редактирование гена старения в руках тех, кто вознамерится искусственно

контролировать длительность существования популяции. Мне с моими коллегами из Академии наук предложили подключиться к программе исследования генома человека в рамках исследования гена старения. И я, обращаясь к ректору Института инноваций, нашему модератору настоящей дискуссии, предложил бы возглавить ему это направление исследований в качестве отдельного инновационного направления, забыв на время о противоречиях, существующих в рамках обозначенной дискуссии.

– Удивительная способность нашего русского человека стараться быть выше обстоятельств, когда-то унизивших его, ради достижения общей значимой цели, – шептал на ухо Кучеровой Поневич. – Перетягин, вольно или невольно, приложил максимум усилий избавиться от неудобного ему Чуднова, а сам Чуднов отдаёт в его руки и деньги, и новое направление исследований...

– Но он же не враг ему? – попыталась закончить мысль Поневича Елена Борисовна.

– Как сказать... В науке готовы драться за истину не на жизнь, а на смерть. Только вот Перетягин, скорее всего, примет предложение Чуднова. А если результат окажется не тем, на что все рассчитывали, он всех собак повесит именно на Чуднова...

Елена Борисовна покинула дискуссию, как только заметила звонок Колонина. «Господи, нашёлся!» – пронеслось в её голове.

Выйдя в вестибюль, она набрала номер Владимира.

– Володя, дорогой, всё нормально!? – почти крикнула в трубку Кучерова. – Всё хорошо?

– Всё нормально, Лена. Нормально. Я дома. Приезжай, как только освободишься. Есть хорошая новость.

Дверь квартиры открыла Арина. Обнялись.

– Проходи, Леночка. Он в кабинете. Я сейчас что-нибудь приготовлю.

Лена внимательно слушала рассказ Колонина, из которого узнала, что её Валера содержится насильно в подпольной лаборатории – лаборатории, в которой она не раз бывала с молекулярными генетиками и даже не могла себе представить, что Ходоков где-то рядом. И эта его записка... Потом устало заговорила:

– Как же так? Мы, микробиологи и генетики, ведём научные исследования по программе генома человека и не знаем, что подпольная лаборатория, в которую многие из нас вхожи по специальным пропускам, в том

числе я и некоторые иностранные специалисты, преследует неизвестно какие цели и задачи. Чего хотят руководители программы исследований?

– Действительно никто не знает. Так было задумано иностранными спецслужбами. Каждый из вас выполнял только часть биохимических и генетических исследований, но не владел информацией всех кластеров, определяющих в совокупности цели и задачи лаборатории. Об этом знает ограниченный круг лиц подпольной лаборатории, одно из которых вам хорошо известно. Шкиль.

– Натан Львович?

– Да.

– Значит, легальными исследованиями с привлечением ничего не подозревающих специалистов разрабатывалось биологическое и генетическое оружие? – удивилась Леночка.

– Оружие, о котором предупреждал Варенцов, а мы с Валерием оказались случайными участниками разыгравшихся событий. Теперь вот и ты в этом круге.

Лена обеими ладонями закрыла глаза, потёрла лицо, напряженно опустила ладони до подбородка и, словно стряхнув с себя это напряжение, сказала:

– Моя статья с доктором Шкилем уже в печати. В ней только намёк на возможность использования результатов молекулярной генетики по редактированию гена старения. Лишь намёк, но и он в соавторстве с Натаном Львовичем даёт основание считать меня соучастником событий, однако соучастником далеко не преступным. А Шкиль, может, один из тех, кто как раз поможет вызволить Валерия. Почему-то я в этом уверена.

– Время покажет, – задумчиво ответил Колонин. – Мне на какое-то время условно придётся быть под домашним арестом: так надо нашим спецслужбам. Насколько мне известно, флеш-диск с архивом Варенцова попал в руки Валерия, но, к сожалению, я не знаю, удалось ли Валерию его спрятать или уничтожить.

– В выводах нашей совместной статьи Шкиль недвусмысленно даёт понять, что он знаком с архивом Варенцова. Стало быть, его мог отдать ему в руки Валерий или... даже боюсь думать об этом, диском завладела иностранная спецслужба и передала его Шкилю, а он – Валерию. Значит, они работают в связке, преступной связке.

– Ну что ты, Леночка! Этого не может быть. Ты же знаешь Валерия как никто.

– Его могли пытаться... Ты же рассказал, как там работают с теми, кого насильно принуждают к сотрудничеству, – вздохнула Кучерова.

– Мы многого не знаем, – уклонился от ответа Колонин.

– Прошу на кухню, – приоткрыв дверь кабинета, позвала Арина.

– Нет, Ариша, я, пожалуй, поеду к себе домой. Устала. Ни есть, ни пить не хочется, – устало ответила Лена.

В дверях Колонин предостерёг:

– Лена! Никаких самостоятельных шагов не предпринимай. Всё образуется, вот увидишь. Набирай меня по кнопочному телефону, так мне предложили наши спецслужбы.

ГЛАВА IX

БЕГ С ПРЕПЯТСТВИЯМИ

23 декабря. 11:30.

*Заседание экспертного совета спецлабораторий
по проблеме гена старения.
Председательствующий академик А. Д. Долматов*

Уважаемые коллеги! Во исполнение Постановления Правительства «О мерах по предупреждению возможности передачи молекулярно-генетических разработок иностранными спецслужбами с целью создания ими биологического оружия» экспертная комиссия в составе заведующих молекулярно-генетическими спецлабораториями в составе Сочеванова А.П., Поневича М.П., Чуднова С.Н., Филонова М.П. подвела итог главного этапа по форсированию изучения проблемы гена старения. Его результат сводится к следующему:

1. Благодаря тесному сотрудничеству учёных наших закрытых спецлабораторий и ФСБ удалось форсировать работы по проблеме гена старения и доказать, что действительно ген старения в геноме человека представляет собой часть унифицированного биологического кода, управляющего длительностью существования всего видового разнообразия живых организмов с момента зарождения жизни на Земле.

2. С привлечением результатов междисциплинарных исследований в области геологии, палеонтологии, биологии, биохимии, полученных учёными разных стран, удалось подтвердить, что длительность существования любого вида живых организмов в истории эволюции определяется геном старения их геномов.

3. Периодичность замещения одних живых организмов другими в истории Земли зависит от возраста появления видового разнообразия. Чем древнее вид, тем он живёт дольше до замещения другим в рамках усложнения эволюции с усреднённым значением коэффициента дожития вблизи числа Фибоначчи.

4. Во времени происходит не только ускоренное развитие живых организмов, но и усложнение их форм, функций, взаимообусловленных взаимозависимыми процессами обмена веществом, энергией и информацией. В рамках законов сохранения каждое последующее усложнение видового

разнообразия организмов пытается противостоять нарастанию энтропии (саморазрушению биологических структур). Редактирование белковых структур с помощью генной инженерии открывает возможности управлять геномом вида и популяции в целом.

5. В рамках истории возникновения современного человека разумного время его существования в эволюции определяется единым запрограммированным кодом. Полученные предварительные результаты означают, что биоэнергетический потенциал человека разумного во времени практически исчерпан и *H. sapiens* обречён на вымирание как любой другой эволюционный вид в истории Земли уже в настоящем столетии.

6. На скорость гена старения человека можно влиять с помощью молекулярной генетики, но только до предельного возраста саморазрушения клеток организма, который оценивается предельным значением возраста около 120–145 лет.

7. Тем не менее управление геном старения человека возможно с помощью той же молекулярной генетики путём редактирования гена старения в направлении как его отключения, так и ускоренного саморазрушения клеток организма. Ген стимулирует особое вещество в организме, которое не только контролирует процесс длительности роста, но и помогает достичь зрелости в более позднем возрасте относительно других популяций и только после этого способствует старению организма. То есть, если в определенный момент отключить гены (подобные работы ведутся в Европе, Китае, США), ответственные за взросление и старение, можно не только удлинить жизнь, но и на долгое время сохранить молодость, активность в жизни. В случае успеха одни популяции людей могли бы стареть и вымирать быстрее других. Есть полные основания говорить о наличии серьёзных предпосылок к созданию молекулярно-генетического оружия на территории нашей страны иностранными спецслужбами, в том числе руками наших же специалистов, не подозревающих, на что направлены исследования, проводящиеся по кластерному принципу.

8. Препятствие, которое стоит на пути редактирования гена старения, состоит в том, что программа, зашифрованная в архиве Варенцова, находится в руках подпольной лаборатории. Расшифровкой этой программы, по данным ФСБ, занимается наш известный биофизик в области программирования работы белковых структур, попавший в руки иностранных спецслужб.

9. Ген старения провоцирует постепенное снижение иммунной защиты организма, что предполагает возможность активизации вирусов разных штаммов и провоцирует возникновение пандемий, приводящих к гибели

популяций. Таким образом, создаются условия эволюционного замещения популяции с ослабленной иммунной системой другой, в которой иммунная система способна противостоять активизации различных вирусов. В этой связи должна быть резко усилена работа по санитарно-эпидемиологическому надзору за территорией страны, по возможному выявлению вирусных заболеваний именно новыми штаммами, способными к высокой скорости мутации. Отсюда вывод, что контролировать пандемические циклы созданием новых вакцин может оказаться невозможным.

10. Предлагается результаты наших исследований передать специалистам ФСБ для ускоренного принятия решений о недопущении передачи опытных данных по возможному управлению геном старения человека иностранным спецслужбам.

23 декабря. 15:15.

*Совещание в кабинете Белевцева Н. И.,
начальника УФСБ города Южного.*

*Присутствуют специалисты
по расследованию особо опасных преступлений*

Николай Иванович Белевцев взял бумаги со стола и открыл совещание.
– У вас на руках заключение экспертной комиссии по результатам независимого исследования проблемы гена старения человека четырёх созданных для этой цели специализированных лабораторий. Нам необходимо принять решение о времени операции по обезвреживанию усилий иностранных спецслужб по созданию молекулярно-генетического и биологического оружия. О последнем виде разработок мы специально не информировали наших учёных, поскольку создаваемое биологическое оружие представляет собой возможный вариант синтеза искусственных вирусов, причём как связанных, так и не связанных с проблемой гена старения. По данным наших специалистов, внедрённых в подпольную лабораторию, несколько штаммов вирусов находится на стадии испытания над различными биообъектами. Параллельно эту проблему мы будем решать совместно с задачей получения всей необходимой информации по управлению геном старения. По определению порядка и сроков проведения операции доложит нам Руднев. Пожалуйста, Константин Павлович.

Руднев доложил:

– Буквально вчера были получены данные о том, что, возможно, Ходковым был расшифрован архив Варенцова. Это подтвердили наши независимые молекулярно-генетические эксперты на основе анализа выводов

публикации Шкиля в их совместной с Кучеровой работе по гену старения. Действия Натана Львовича Шкиля рассматриваются нами как его стремление найти непосредственную связь с нашими спецслужбами по передаче более серьёзных результатов, которыми он обладает. Поэтому прошу вашего согласия, товарищ полковник, рискнуть и в открытую привлечь к заключительному этапу нашей операции Шкиля, то есть именно мне войти в контакт с ним. И если наша версия о стремлении Натана Львовича выйти на контакт с нами верна, то с его помощью вначале думаем завладеть материалами Ходакова по расшифровке архива Варенцова, освободить ученого и одновременно перейти к операции по изобличению иностранных спецслужб, занимающихся вирусами. Таким образом будет завершена работа по ликвидации обеих подпольных лабораторий.

– Так и поступим, – заключил Белевцев.

23 декабря. 16:45.

Сквер у входа в лабораторию НИИ биологии

Звонок Руднева застал Кучерову в лаборатории.

– Елена Борисовна, нам необходимо опять встретиться.

– Хорошо. Я в лаборатории.

– Замечательно. Встречаемся как обычно – в скверике на скамейке.

Кучерова заметила, как к лаборатории подъехал чёрный джип. Из него вышел Руднев и быстрыми шагами поспешил навстречу к ней.

– Елена Борисовна, здравствуйте! Вы сможете связаться по телефону с Натаном Львовичем?

– Сейчас?

– Да. Желательно сейчас. Сообщите ему, что его, например, ждёт редактор по поводу отзывов на публикации вашей статьи.

Шкиль ответил на звонок сразу, словно ожидал его, и через несколько минут оказался на скамейке, где Кучерова сидела с каким-то человеком. Поздоровавшись, Шкиль протянул руку Рудневу и представился:

– Константин Павлович, Натан Львович, – в свою очередь представился Руднев. – Нам нужно переговорить не только по поводу вашей статьи с Еленой Борисовной. Надеюсь, что Елена Борисовна, – обратился к Кучеровой Руднев, – даст возможность нам поговорить наедине с Натаном Львовичем?

– Не возражаю, – сказала та и вернулась в лабораторию.

– Я не так ожидал встретиться с представителями органов безопасно-

сти... Я верно оценил ситуацию? – обратился к Рудневу Шкиль.

– Совершенно верно, – ответил Руднев. – И мы постараемся помочь вам в достижении вашей цели. Вначале же расскажите, пожалуйста, каким образом вам удаётся одновременно сотрудничать с легальной и нелегальной лабораториями?

– Обе лаборатории легальны, и вы это, видимо, хорошо знаете, только подземная лаборатория находится под патронажем двух иностранных спецслужб. Вход в лабораторию и выход из неё осуществляется по пропускам в силу того, что люди обеих лабораторий работают с бактериями и вирусами, не сознавая того, что стоит за их работой, поскольку кластерная система исследования предполагает знание только части задач, которые интегрированы в общую систему исследования генома разных организмов, включая геном человека, цели и задачи которых ясны только тем, кто работает с кластерами. Я не являюсь специалистом в вирусологии. Я подписал контракт со спецслужбами на исследование гена старения человека в рамках его влияния на разные популяции людей. Поскольку мне удалось понять сущность старения человека, я понял основную цель спецслужб – разработать систему редактирования гена, который бы позволил управлять жизнедеятельностью существования любой человеческой популяции и в том числе контролировать их продолжительность жизни. Это означает выход на создание молекулярно-генетического оружия. Поэтому я при помощи Елены Борисовны и публикации нашей совместной работы дал сигнал о том, что может следовать за этапом, когда сущность и природа старения генома человека будут изучены полностью.

– А почему вы не захотели напрямую обратиться к нашим спецслужбам?

– Главная проблема состоит в том, что результаты расшифровки структуры гена старения человека находятся в руках биофизика Ходокова, захваченного и привлечённого к сотрудничеству группой Алексея Левандовского.

– На каких условиях?

– Он подписал договор о сотрудничестве с иностранными спецслужбами. Им удалось ввести его в заблуждение тем, что к нему был подослан агент Алексея якобы под личиной российских спецслужб. В связи с исчезновением врача и профессора Колонина спецслужба Левандовского решила перехитрить вашу, поскольку поняла механизм побега Колонина через вашего внедрённого агента.

– И что сделали с нашим агентом?

– Он сидит в подземном охраняемом бункере Наркиса.

– А что, под подпольной лабораторией есть ещё какие-то сооружения?

– Есть и не одно, но меня туда никогда не допускали в силу того, что я занимался только своим делом. Ходокову я предоставил архив Варенцова, захваченный группой «Наркис», для составления программы расшифровки закодированной Варенцовым информации по гену старения человека, поскольку кроме него никто бы не смог это сделать в ближайшее время. Естественно, Ходоков думал, что находится под прикрытием ФСБ, и быстро справился с задачей. То есть вся полнота информации, которую удалось получить Варенцову, расшифрована и находится у Ходокова. Поэтому мне обращаться напрямую к вам было бы рискованно, так как нам тогда бы не удалось завладеть главной информацией, так как всё, что сделал Ходоков, находится у него. Я располагаю только дубликатом архива Варенцова, а сама программа кодирования белков старения организма – у Ходокова. И если бы я исчез на какое-то время, Ходоков разделит бы судьбу вашего агента, при этом программа кодирования белков старения организма осталась бы в руках Левандовского.

– А какие гарантии дала вам группа Левандовского? Вы что, подписывали договор о сотрудничестве?

– Да. Я сделал это не то чтобы в корыстных целях, а для того, чтобы завладеть результатами исследований Варенцова, за которыми охотилась группа Левандовского и «Наркис». Им было известно, что кроме Варенцова я работал над исследованием гена старения человека, поэтому они склонили меня к сотрудничеству и указали на то, чтобы я в случае завладения ими архивом Варенцова вместе с Левандовским довёл бы работу с геном старения до открытия.

– То есть вы с Левандовским хотели просто завладеть этим открытием?

– Да. На это у меня была личная причина... Если хотите, драма. Но когда я понял цель, которая преследовалась спецслужбами, мне стало жутко, что я могу быть участником разработки молекулярно-генетического оружия.

– А что за драма, которая вас заставила идти на преступление с целью овладения открытием Варенцова?

– У меня была любимая женщина, очень красивая... Она ушла к другому, поскольку сомневалась в моей способности стать известным учёным, несмотря на то, что я усердно трудился. Но когда она от меня ушла, я хотел ей не только доказать, что смогу стать известным учёным, сделавшим открытие мирового уровня, но и вернуть её... Другими словами, у меня появился вызов, при реализации которого я бы мог достичь цели в науке и вернуть женщину.

– Почему же вы обратились именно к Кучеровой для сотрудничества?

– Во-первых, она готовит диссертацию по теме современных молеку-

лярно-генетических исследований в области продления жизни человека, то есть занимается проблемой, близкой к старению человека и по тематике близкой к регуляции программируемой клеточной смерти. Во-вторых, это очень красивая женщина и чем-то похожа на мою бывшую жену. Но когда я узнал, что она работает под научным руководством Ходокова и мягко отказалась от моих услуг быть её научным консультантом по причине исчезновения Ходокова, то понял, что и здесь я оказался третьим лишним.

– Хорошо. Как далеко вы можете пойти в сотрудничестве с нами?

– До конца... Мне претит возможность использования разработок Варенцова с целью создания молекулярно-генетического оружия. Для меня это неприемлемо. Я понимаю вас. Вы тоже рискуете, если сейчас не посадите меня вон в тот джип, в котором сидят ваши люди, да и я могу предупредить Левандовского и группу Наркиса. Но ведь вы сами догадались о том, что я сознательно искал возможности выхода на этот контакт с вами или с кем-то из ваших спецслужб. К тому же, я надеюсь, вам небезразлична судьба Валерия Сергеевича Ходокова, выдающегося учёного в области программирования белковых структур?

Руднев встал со скамейки, прошелся перед сидящим Шкилем.

– Знаете, у нас мало времени на рискованную операцию по немедленному вызволению Ходокова с его раскодированной информацией Варенцова. К тому же параллельно в закрытых лабораториях наши учёные близко подошли к сущности открытия Варенцова. Другими словами, проблема гена старения вышла уже за пределы его открытия... А скажите, насколько вы доверяете самому Ходокову? Не смог ли он передать код программирования белков гена старения своим новым покровителям, которые могли посулить ему много, слишком много, чтобы он не отказался? Например, рекомендовать их с Левандовским к номинированию на Нобелевскую премию, завладев таким образом открытием Варенцова? Ведь то же самое они предлагали сбежавшему Колонину...

Шкиль грустно посмотрел в глаза Рудневу.

– Вы очень плохо знаете Ходокова, очень плохо... Это удивительный и мужественный человек. Когда я ему рассказал о том, что это именно Левандовский инсценировал возможное прикрытие его вашими спецслужбами, он сказал: «Пусть меня скорее сгноят где-нибудь здесь, но только от меня они ничего не получают и не добьются». Именно тогда я ему рассказал, кто я и какие цели преследую. А чтобы он мне поверил, я передал его записку любимой женщине... Вы понимаете, о ком я говорю. А потом я дал ему возможность пообщаться с Кучеровой по телефону без прослуш-

ки. Через пару дней, когда я оказался в его комнате, он молча передал вот этот флеш-диск.

Шкиль вытащил его из нагрудного кармана и передал Рудневу.

– Что здесь?

– Код к архиву Варенцова, с помощью которого можно управлять геном старения... Программа же искусственного редактирования генома человека находится у Ходокова, так что теперь не верить мне нельзя и у меня не остаётся никаких шансов защитить самого себя. Зато у вас есть возможность с моей помощью освободить Ходокова.

– У вас главный шанс на собственную реабилитацию в переданном вами диске. А если с вашей помощью мы сможем освободить Ходокова и захваченного группой Наркиса нашего человека, то ...

– Мы с Ходоковым получим возможность выйти из бункера, – перебил Шкиль Руднева. – Я понимаю. Правда, это очень рискованная операция. На ногу у Ходокова браслет, и каждый его шаг будет контролироваться людьми «Наркис». Ну а после с нами церемониться не будут ни Левандовский, ни группа «Наркис», особенно в случае, если что-то пойдёт не так. К тому же у них остаётся зашифрованный архив Варенцова, и если он окажется за границей, то рано или поздно архив будет расшифрован, и все наши усилия по предотвращению создания молекулярно-генетического оружия могут оказаться тщетными.

– У нас есть возможность предотвратить побег Наркиса и Левандовского, – уверенно сказал Руднев. – Вы же пока самостоятельно до форс-мажорных обстоятельств ничего не предпринимайте. У нас есть ещё время. До свидания. Идите и как обычно занимайтесь своими делами.

24 декабря. 18:10.

Комната-камера Ходокова

Ходоков ужинал, когда к нему в комнату вошёл Левандовский.

– Простите, Валерий Сергеевич, что не вовремя, но как раз время-то и не терпит. Мне нужно познакомиться с вашими результатами.

– Они ещё сырые, Алексей. Нет главного, к чему мы должны прийти – кода, с помощью которого таблицы Варенцова скажут нам, каким образом и в какой последовательности следует редактировать ДНК и белки, ответственные за старение генома. Я не знаю, с какой целью Варенцов ухитрился так зашифровать процесс кодирования белков. Похоже, он чего-то боялся.

– Он боялся конкурентов, а результаты хотел кому-нибудь подороже про-

дать. В противном случае почему он их не передал родному государству?

- Не думаю, что он боялся конкурентов. Он боялся чего-то большего...
- Чего, например?
- Создания молекулярно-генетического оружия.

Левандовский внимательно посмотрел на Ходокова, потом скрестил руки за спиной, прошёлся по маленькой комнате. Затем, повернувшись, резко бросил Ходокову:

– Рано или поздно к такому оружию придут. Любые новации в первую очередь интересуют политиков и военных. Кто раньше или кто позже — неважно... Наша задача заключается в том, чтобы оно не попало к русским.

– Но вы ведь поляк и хорошо знаете, что русские никогда не применяли первым оружие массового поражения? Не лучше ли открытие Варенцова раскрыть мировому сообществу и направить его во благо всем, например применить в области медицины, запретив даже думать о возможности редактирования гена старения определённой популяции?

– Нам платят деньги, хорошие деньги, и мы должны их отрабатывать. К тому же это открытие может нам с вами принести Нобеля. Неужели этого вам мало? Мировая известность, деньги. Учёных не должны волновать прикладные аспекты открытий – пусть ими занимаются те, кто управляет миром. Каждый должен заниматься своим делом. Мы же должны думать о себе. К чёрту морализм! Если бы первобытный человек думал о том, как сохранить биоразнообразие, о котором кричат сегодня бездарные экологи, он бы вымер до того, как придумал мораль. Но самое главное сегодня в том, что и моралистам есть хочется. Мы с вами существа биологические, если хотите, в сущности своей животные, а в рамках эволюции выживает только сильнейший и умнейший.

– Тогда, если мы до мозга костей животные, зачем относим себя к человеку разумному? Зачем нам сознание, мысль, разум, наконец?

– Затем, чтобы таких, как вы, заставить работать на тех, кто обладает и сознанием, и мышлением, и разумностью, и деньгами.

– Это, стало быть, мы, этнические русские, должны работать на поляков, возомнивших себя приверженцами особой популяции, которую должны содержать унтерменши и морлоки? Такие нелюди, недочеловеки? Но ведь это уже было в недавней истории с вашими ближайшими соседями?

– Если вы себя относите к учёным, то должны знать, что биоэнергетический потенциал биосферы Земли ограничен, ресурсы также. Численность популяции современных людей является не только доминирующей, но и, в принципе, тупиковой. Все гоминиды, кроме нас, относимых нами же к

разумным, вымерли. Наша судьба как доминирующей популяции по законам той же эволюции обречена. И для того, чтобы она не исчезла совсем, необходимо управлять численностью народонаселения до уровня его гомеостаза. Гениальность Варенцова состоит в том, что он первый это понял, и наша задача заключается в том, чтобы как можно быстрее предупредить безудержный рост народонаселения более гуманным способом, чем атомное или термоядерное оружие.

– Заставить вымирать раньше одних ради спасения и вечной жизни других?

– Хотя бы так.

– Но вы ведь знаете из похищенного вами архива Варенцова, что рассчитанный им код гена старения человеческого генома уже задействован на вымирание в современной популяции людей. Это означает, что дети некоторых современных популяций уже не будут доживать до пенсионного возраста. Их ген старения обретают уже некоторые живущие поколения на вымирание быстрее, чем другие. Варенцов даже не знает, какой: польской, русской, англосаксонской или какой-то другой. По его трактовке, скорее, это индоевропейские популяции в целом, поскольку они появились позднее в эволюции современного человека и вымрут раньше. Тогда, скорее всего, замедленным геном старения будут обладать популяции не европейского типа, а например, африканские, монголоидные, вышедшие из более ранних популяций людей.

– Это ещё как сказать!

– А здесь и рассуждать не о чем, ведь любому, даже малообразованному человеку, ясно, что при скрещивании африканца с европейской женщиной с вероятностью 99% и более она родит африканца. К тому же современная статистика в части общего числа жизнеспособности сперматозоидов современных мужчин показывает стремительность сокращения их количества в общем объёме сперматозоидов. В итоге уже можно считать, что общая тенденция состоит в ослаблении норм фертильного эякулята во времени. Другими словами, уже само деторождение в ближайшем будущем будет поставлено под вопрос для отдельных популяций, что хорошо согласуется с выводами Варенцова об увеличении скорости гена старения современного человека.

– Этим самым вы подтверждаете вывод о том, что современная популяция человека обречена на вымирание как доминирующий вид живых организмов.

– Ничего подобного. В отличие от других организмов, человек не только биосоциальное существо, но и существо, обладающее разумом. И он уже

в рамках современной молекулярной генетики способен менять мутации и редактировать гены в направлении, препятствующем его вырождению. Будущее человека – в разумной конструкции собственного вида в зависимости от состояния окружающей среды, которую он способен изменять в направлении собственного, не ограниченного во времени существования. Современные специалисты указывают на то, что в рамках развития энергетики (а её потенциал в биосфере практически не ограничен, как думают политически не ангажированные естественники) не может даже в далёком будущем возникать проблем дефицита природных ресурсов. И это не утопия. Единственный дефицит, который может затормозить развитие человечества, – это дефицит ума у сильных мира сего, которые вперили в свои мозги идею о необходимости контролировать численность народонаселения в рамках так называемого «золотого миллиарда». Подчёркиваю – только затормозить. Остановить развитие человека не может уже и сам человек, поскольку его эволюционная доминанта – разум. И об этом позаботилась сама природа, чтобы не только его сохранить, но и развить до состояния, когда человечество окажется способным колонизировать ближайший космос и даже приступить к терраформированию планет, где могут оказаться условия для создания и существования всего существующего разнообразия живых организмов.

– Зачем нужно природе хранить такого монстра, который обезличивает природу? За период существования его хозяйственной деятельности не более чем в 12000 лет он сумел уничтожить 70% тропических лесов, около 50% лесов в северных и южных широтах. Там, где человек, растут каменные джунгли поселений, обезличиваются ландшафты, а планета превращается в глобальную свалку. Жадность человеческая истощает природные ресурсы. Сжигая топливо, человек меняет климат до такой степени, что планета может превратиться в выжженную пустыню уже в этом столетии. Зачем ждать, когда все погибнут? Не лучше ли с помощью молекулярной генетики так сократить народонаселение, что никто и не заметит этого? Напротив, те, кто останется, будут радоваться тому, что есть. При высочайшем уровне технологий и только необходимого количества людей планету можно превратить в рай изобилия, в котором будут трудиться роботы-трансформеры, а живые биологические существа будут вкушать плоды своего развития и заниматься в лучшем случае философией, наукой и культурой.

– Вы выплеснули из человека главную его сущность – любопытство, вкушая которое, он никогда им не насытится. Любопытство, которое всегда звало его к изучению окружающего мира и природы в целом. Он

заселил планету таким образом, что ему становится тесно в ней. И желание познать бесконечную сущность природы заставило человека поднять голову и заметить другие миры, к которым он захотел добраться. А для заселения этих миров, как в прошлом человечество заселяло Землю, потребуются люди, а не только роботы-трансформеры. В отличие от последних, которые не обладают чувственностью восприятия природы, люди в её изящности почувствуют красоту собственного творения и себя. И смысл разума, может, как раз состоит в том, чтобы наделить самую природу разумностью, способной обезличенность общественных законов превратить в сущность гармонии самоорганизации, которая предотвратит собственное вырождение природы хотя бы на уровне нашей планеты.

– И что же? По-вашему, исчезнет представление об энтропии?

– Энтропия в наших мозгах, когда мы пытаемся фундаментальные законы сохранения применить к существующему уровню познания и развития. Всем правит время, всё подчиняется ему. Если прав Варенцов, у нас, я имею в виду у человечества в целом, как раз наступил период дефицита времени на принятие решения о предотвращении любой возможности использовать представления о гене старения как возможном механизме одних этнические популяции вывести за рамки не только развития, но и существования, а другим дать возможность процветать... Будущее наступает быстрее, чем мы представляем. Однако есть уникальные исследования накопленного интеллекта. В рамках представления о нём гениальность людей проявляется на уровне любой популяции, и мы не сможем сказать, в каком этносе появится тот гений, который приведёт человечество к новому знанию, определит пути существования и развития всего человечества. Если придерживаться вашей точки зрения, то может случиться такое, когда, признав одних унтерменшами, люди уничтожат саму возможность появления такого гения, поскольку в истории человечества один гений приходится на 1 млн 610 тыс. населения. Кстати говоря, коэффициент гениальности близок к числу Фибоначчи – числу золотого сечения...

– Что-то я уже находил в архиве Варенцова, но, по-моему, это бред возомнившего себя гением человека. Человечество обречено на вымирание, а сапиенс – тупиковая ветвь человека. Современного человека периодически посещают эпидемии. Некоторые, если уже не большинство из них, влияют на иммунную систему человека, не способную сопротивляться вирусам, бактериям – одним словом, болезням, а следующие пандемии будут разрушать мозг. Таким образом, разумность будет под контролем живого на уровне бактерий и вирусов.

– Вирусы как раз и являются регулятором, включающим мощный ответ иммунной системы организма в процессе эволюции. При определённых же знаниях особенностей их размножения в клетках организма можно заставить вирусы формировать собственную «чашку Петри», в которой они не только самоликвидируются, но и будут способны решить, например, проблему раковых опухолей, если мы научимся управлять метаболизмом вирусов.

– Время покажет, но я возвращаюсь к началу нашего разговора. Сколько вам нужно времени, чтобы мы получили код к архиву Варенцова по управлению геном старения?

– Трудно сказать... Думаю, не меньше двух недель.

– У вас максимум одна неделя. В противном случае... вы не будете больше нужны нам.

Левандовский подошёл к двери и, не оборачиваясь, произнёс:

– По нашим данным, в Российской академии наук мозговая атака на проблему гена старения переходит в завершающую стадию. Мы можем опоздать. Вот тогда мы оба не будем нужны нашим хозяевам.

Он нажал кнопку замка двери и вышел.

И странно, последние слова Левандовского заставили Ходокова внутренне порадоваться обстоятельствам.

«Значит, там, наверху, наши спецы явно продвинулись к решению проблемы гена старения. Замечательно... А у меня он уже здесь... В зашифрованном файле. В голове, наконец. И даже если я сейчас переформатирую диск и оставлю только то, что известно Шкилю и Левандовскому, на свободе мне понадобится не больше чем три дня восстановить всё... Надо только выбраться отсюда. Но как?.. Шкиль?.. Действительно ли он намерен освободить самого себя и меня? Не окажется ли он главным препятствием на пути к концу этой заварухи, в которую попал я и многие люди, не представлявшие себе недавно, что кроме науки есть те, кто не только её обслуживает, но и те, кто плодами её действительно вершит судьбы людей, делающих саму науку?»

В двери щёлкнул замок. Толкая впереди себя тележку с ужином, вошёл служитель, который в своё время передал ему записку. Надежда поселилась в сознании Ходокова.

– Ужин! – произнёс служитель.

– Не хочется, – старался улыбнуться служителю Ходоков.

– Хорошо! Я всё-таки оставлю тележку, может быть, захотите есть позже. Позвоните мне, и я заберу её.

Как только за служителем захлопнулась дверь, Ходоков подвинул к себе тележку, переставил посуду – ничего. Перемешал горячее блюдо, попробовал на вкус – то же самое: ничего. Три салфетки были чистыми. Выпил напиток и лёг на кушетку. Значит, всё плохо...

Мыслей не было. Какая-то усталость накатила на него, и он было задремал, но в это время снова щёлкнул замок. В дверях появился Шкиль и объявил:

– Валерий Сергеевич, видео и микрофоны отключены до полуночи, пока я буду находиться с вами рядом. Положите вот это к себе в карман пиджака.

– Что это?

– Мобильное блокирующее устройство, вмонтированное в мой телефон. Передали представители УФСБ города. От блокирующего устройства на браслет будет посылаться сигнал о его целостности и постоянном местонахождении в координатах вашей комнаты. Как будем уходить, нажмите вот эту кнопку.

Натан Львович устало присел рядом с Ходоковым.

– У нас немного времени, чтобы переписать всю информацию с вашего компьютера на мой и ваш диски. Затем вам необходимо всё стереть и переформатировать диск компьютера. После вы снова запустите его и перепишите с вот этого диска информацию на компьютер, который потом обязательно будет запущен группой Левандовского после нашего побега, чтобы удостовериться, что информация не уничтожена. Она просто мною зашифрована таким образом, словно всё на месте, а код к механизму гена старения они не найдут. Нужно торопиться. Это займет немало времени.

– Почему мы должны переписывать информацию по установленному коду старения генома человека на два диска?

– На случай, если кому-то не удастся выбраться... Но эту информацию вы закодируете таким образом, чтобы ею нельзя было воспользоваться на случай, если она попадёт в дурные руки.

– Значит, шансы выбраться обоим отсюда малы?

– Пятьдесят на пятьдесят...

– Неужели нет другого выхода? Например, просто передать информацию тем, кто здесь от наших?

– Рискованно. Здесь я перестал понимать, кто наши и не наши... К тому же я дал слово вызволить вас отсюда.

– А вы?

– Если повезёт, то выберемся оба. Но вначале надо избавиться от столика с едой, чтобы служителю не пришлось в голову самому явиться за ним.

Шкиль повернул на себя дверную ручку и нажал кнопку звонка. Через минуту вошел служитель.

– Заберите столик и к полуночи принесите поесть на двоих и... немного водки. Мы будем работать всю ночь.

– Хорошо, – безразлично ответил служитель и выкатил столик.

Через час Ходоков закончил работу.

– Ну и хорошо. Присядем на дорожку... Она будет тёмной, – сказал Шкиль.

– Что значит «тёмной»? – спросил Ходоков.

– Мы сейчас выйдем отсюда. Сигнал от вашего браслета будет поступать на пульт охраннику и показывать, что вы в своей камере. Вместе пройдем в мой кабинет. Я кое-что возьму с собой, а потом спустимся в подвал. Там есть дверь, соединяющая подземные коммуникации отопления и водоснабжения. Там же находится комната охранника, который выполняет роль подсобника по вашему обслуживанию, в том числе и других специалистов секретной лаборатории.

– И сколько таких подневольных специалистов?

– Кроме вас – трое.

– И это всё под носом наших властей?

– Да, но группа «Наркис» давно под контролем ФСБ. Идёт какая-то игра долговую, но сегодня с вашим освобождением она должна завершиться.

– Нашим!?

– С нашим... Так вот, подсобный охранник, который доставил вам сегодня ужин, в 0.00 должен доставить нам заказанную трапезу (график заказов они соблюдают с немецкой точностью), то есть в это время мы должны быть в подвале подземных отопительных и кабельных коммуникаций. Охранник, заметив, что нас нет на месте, поднимет тревогу, и всё закрутится с невероятной быстротой. Мы же в это время проникнем через запасной вход в коллектор с электрокабелями. В конце коллектора через люк есть выход на соседнюю улицу. Там нас будет ждать представитель ФСБ. Как только мы окажемся на свободе, начнётся операция по блокированию группы «Наркис» и обеих биохимических лабораторий, включая вирусную, к которой я не имел доступа.

Итак... Осталось 8–10 минут. Выходим и направляемся в мой кабинет. Если блокировка вашего браслета сработает, то всё пойдёт по обозначенному мной сценарию. Пошли. Не обращайтесь никакого внимания на тех, кто случайно попадёт нам навстречу. Это сотрудники лабораторий.

– Что, они и по ночам работают?

– Работа в засекреченной части лаборатории идёт круглосуточно.

Шкиль и Ходоков вышли в длинный коридор. Их шаги глуховатым эхом сопровождали их. Действительно, навстречу к ним из-за поворота неожиданно вышли двое в противочумных костюмах и масках. Шли размеренными шагами, молча. Потом они резко свернули в другой коридор и словно растворились в нём.

Шкиль свернул в другой коридор.

«Сколько же трудов здесь потрачено, чтобы создать такую разветвлённую сеть ходов под носом наших властей», – подумалось Ходокову.

Наконец Шкиль остановился перед дверью и электронным ключом открыл её.

Кабинет был не сродни помещению-камере Ходокова. Он был похож на искусно оформленную большую залу, заполненную стеллажами книг, столами, на которых стояли зачехлённые микроскопы, бинокляры. В большом проёме теснилось биохимическое оборудование с вытяжками, а рядом мигали красными, зелёными зрачками масспектрометры, стояли сосуды Дьюара, видимо, с жидким азотом. Едва был слышен мягкий звук работающих вакуумных насосов.

Шкиль молча открыл ящик длинного и широкого стола, на котором аккуратно стопками лежали какие-то документы. Он вынул два диска и спрятал их в нагрудный карман пиджака под белым халатом.

– Кажется, всё.

Посмотрел на часы и скомандовал:

– Пора!

ОТОРОПЬ...

Расчёт Левандовского оправдался: установив собственную прослушку в кабинете-камере Ходокова, он до мельчайших деталей контролировал побег Шкиля и Ходокова. И, когда Ходоков со Шкилем поравнялись с дверью лаборатории, он открыл её и навёл пистолет на беглецов.

– Я с вами, господа!

Шкиль опешил, повернулся и посмотрел на Ходокова, как бы спрашивая глазами, что делать. Тот также казался растерянным.

– Хорошо, – ответил Шкиль. – Присоединяйтесь, но это может кончиться совсем плохо... для всех...

– Посмотрим. А теперь идите вперёд. Оба! И не оглядывайтесь. Не промахнусь в случае, если задумаете дурное.

– Что может быть дурнее, чем ваше присутствие.

– Посмотрим. Выбираться будем вместе, а там видно будет.

Идя впереди, Шкиль с тревогой размышлял: «Если отказаться от мысли выбраться втроём, кончится действительно плохо. Явно Левандовский в курсе даже маршрута побега... Если же спокойно идти к запасному входу в коллектор с электрокабелями или по канализационному стоку, то, выбравшись из него в черте города, можно будет договориться... Хотя понимаю, что договариваться с Левандовским не имеет смысла...»

Впереди грота открывалась широкая камера. В боковом пространстве кабели уходили в узкий лаз.

«Если Левандовский скамандует туда, то он всё знает, – подумал Шкиль.

– Значит, у него была своя прослушка и он знает все подробности побега. Всё... даже то, что у нас с собой у каждого диски с закодированной информацией варенцовского архива... Значит, мы ему будем ещё нужны... Нужны... Где-нибудь там, куда он ведёт нас... Одному ему в этой тесноте не удастся так просто завладеть дисками у меня и Ходокова...»

Левандовский приказал беглецам прижаться к боковому пространству грота с ведущими в него кабелями.

– Мы, господа, не будем следовать вашему плану побега. Ни к чему. Я поведу вас более комфортным путём.

С этими словами он подошёл к стене, вытащил хорошо подогнанный в бетон блок размером с кирпич и что-то повернул. Вначале послышалось глухое жужжание работающего двигателя. Затем в стене часть прямо-

угольного лаза словно бы отошла по ходу вперёд. Левандовский скамандовал беглецам войти в узкое, освещённое, открывшееся пространство.

Беглецы с Левандовским оказались в хорошо освещённом длинном гроте, в нишах которого виднелась вереница каких-то стеклянных сосудов.

Левандовский размышлял о том, как заставить беглецов отдать ему диски, но их было двое, и он боялся совершить ошибку. Тогда бы всё кончилось не в его пользу.

«Ладно, – пришёл к выводу Левандовский. – Дойдём до места, а там вместе с полицейским возьмём всё, что беглецы успели захватить с собой».

Шкиль поравнялся с нишей с уставленными в ней сосудами. В одном из них в растворе виднелась печень какого-то животного, явно пораженная болезнью.

– Что это?

Левандовский ухмыльнулся и произнёс:

– Это бункер хранения органов животных, тканей растений, пораженных разными болезнями, включая заражения вирусами и бактериями... Так называемый банк СИЗ — следствий инфекционных заболеваний, вызванных вирусами разного происхождения.

– В том числе искусственно созданных?

– Вы как всегда проницательны, Натан Львович.

– В подземном лабораторном бункере?

Левандовский громко и как-то со злорадством рассмеялся.

– Представляете, коллеги! Популяция россиян, живущая в кругу растений и животных, на которых производятся нами опыты, может однажды оказаться под влиянием таких заразных заболеваний, которые посредством передачи от животных к человеку могут вызвать пандемию, справиться с которой будет возможно только в том случае, если ваши учёные смогут понять, откуда эта болезнь...

Шкиль и Ходоков молча проходили мимо СИЗ. Пораженные органы свиней, крыс, коров, коз, собак, мышей, пораженные насекомые, растения свидетельствовали о том, что подземный лабораторный бункер проводил широкомасштабные исследования всей биоты.

Шкиль повернулся к Левандовскому и сделал навстречу шаг.

– Осторожнее, Натан Львович. Пистолет заряжен!..

Шкиль остановился и прямо посмотрел в глаза Левандовскому.

– Зачем тогда вам нужен ген старения и материалы Варенцова?

– Коллега! Представьте себе ситуацию заражения населения каким-то непонятным вирусом. Иммунитет населения стремительно падает, и ста-

реюющая популяция, вызванная искусственным вирусом, погибает. Не надо ни войн, ни санкций – просто сокращает свою жизнь постепенно вся популяция тех людей, которые заразились вирусами животных, над которыми проводятся здесь исследования. А если геном старения можно управлять, как это, видимо, удалось Варенцову, а Ходоков составил программу кодирования соответствующих белков, то, сами понимаете, чем это закончится для определённого этноса, на который будет направлено генетическое оружие...

Левандовский рассмеялся.

– Диски с программами кодирования белковых структур у вас, у обоих. Я даже не буду предлагать вам отдать их мне. Вы сами это сделаете, когда вас об этом попросят. Чуть позднее и не здесь. Сопротивляться вы не будете. Вам и вашим родственникам предложат такие деньги, такие условия жизни и научной работы, какие в этой стране имеют только ваши олигархи, забравшие львиную долю средств у вашей популяции... Вы давно подопытные мыши и кролики. Все...

– Рано радуется, – прервал Левандовского Ходоков.

– Рано, говорите! Смотрите дальше. Дальше смотрите экспонаты, господа. Вон там последствия заболевания людей от вирусов лабораторного и естественного происхождения. Кровь пораженных вирусами людей. Далее – кровь тех же, но выздоровевших людей после заражения лабораторным вирусом и вирусом, переданным по цепочке «летучая мышь – человек». Ещё дальше кровь другого человека, но умершего от вируса естественного происхождения. И ещё дальше... Смотрите, смотрите! Изъятые мозги и печень умершего от того же вируса человека... Где и как получили образцы? В ваших же клиниках от ваших же врачей и патологоанатомов. Деньги, господа, деньги! Они делают всё, а мы только заказываем, что и как делать...

– И кто же автор вашей программы, нацеленной, как предполагаю, на создание биологического оружия? – задал вопрос Ходоков.

– Он перед вами, господа, – почти пафосно ответил Левандовский, перекинув пистолет из одной руки в другую. – Подобной программы не составлял и не реализовывал ещё никто и никогда. Она реализуется в государствах почти на всех территориях постсоветского пространства. Вы только представьте! Не просто создание банка лабораторных вирусов, а вирусов, способных по цепочке передаваться к человеку от окружающего мира той популяции, на которую будет направлено это оружие. И тогда с помощью управления геном старения людей мы можем добиться того, что создающие материальные ценности меченные вирусами люди будут уми-

рать до наступления старости, что сократит расходы на их социальную защиту при достижении, например, пенсионного возраста.

– Вы просто сумасшедший! – воскликнул Шкиль.

– Как хотите, так и называйте меня. Я учёный, но способный такими же руками, как, например, ваши, создавать технологию тихого уничтожения слишком быстро плодящегося этноса, причем не только русского – любого, который не соответствует нашим принципам демократической, социальной и свободной организации людей.

– Польским?

– Не только. Западным!

– А что станет с теми, кто будет уничтожать неугодный им этнос? – отозвался Ходоков.

– Будут процветать и наслаждаться жизнью. Создавать новые технологии, проникать в космос...

– Но не ровен час, что в этой биолого-генетической цепочке зараженных окажется и тот этнос, какой попытался решить проблему «золотого миллиарда». И тогда всему человеческому роду наступит рукотворный конец от таких горе-учёных, у которых разумность даже не дотянулась до интеллекта животных, – заключил Шкиль.

– Вы просто моралисты, а мораль, как известно...

– Мораль создана разумной сущностью человека, не животной, – перебил Левандовского Шкиль.

– Ладно вам... Заболтался что-то с вами. Посмотрю на вашу мораль, когда будете беседовать с моим боссом. Вам будет предложена мёртвая мораль или шикарная жизнь. И я уверен, что вы выберете последнее. А сейчас поворачивайтесь и идите в конец коридора. Там, за поворотом, дверь, за которой для вас всё может кончиться, а для меня начнётся новая жизнь. Пошли! Ну?!..

Впереди шёл Ходоков. За ним Шкиль. Замыкал шествие вооружённый Левандовский. Свет по ходу зажигался впереди и гаснул сзади, как только беглецы проходили 3–5 метров.

Когда прошли около десятка метров, перед поворотом Левандовский крикнул:

– Осторожно! Сейчас будет металлический настил с поручнями. Под настилом – канализационный сток.

Высветившийся впереди с поручнями настил заставил впереди идущего Ходокова остановиться. Он повернул голову к Шкилю и глазами показал в низ грота сливной канализации. Шкиль понимающе кивнул.

На середине настила Ходоков выбросил свой диск, а за ним Шкиль сбросил свою безрукавку со всем содержимым в пенящийся поток.

Левандовский на мгновение растерялся, а потом взвыл:

– Сволочи! Что вы наделали? Вы же уничтожили себя!

– И тебя с твоим будущим, – усмехнулся Ходоков.

– Ничего!.. У вас остались головы, и они еще смогут вернуть всё на круги своя... Пошли, сволочи! Вперёд!

Дверь впереди автоматически открылась, и за ней оказалась лестница, ведущая вверх. Пахло жилым помещением. Навстречу спускался человек в форме полицейского.

– Наручники на них! И в подвал... Ну что рот разинул, исполняй! – крикнул полицейскому Левандовский.

– Слушаюсь...

ГЛАВА XI

ТРЕВОГА...

24 декабря. 23:45.

Переулок недалеко от заблокированного особняка группы «Наркис»

Сидя в чёрном внедорожнике, Белевцев посматривал на часы и наконец сказал сидевшему рядом Рудневу:

– Почти полночь. Если всё хорошо, Шкиль и Ходоков уже в подземных коммуникациях, а через 7–10 минут – в кабельном коридоре...

Прошло 10 минут. Неожиданно зазвонил телефон Веленского.

– Слушаю, Владлен Аркадьевич!

– Что-то пошло не так, Николай Иванович. Наш агент в группе «Наркис» нажал тревожную кнопку...

– Периметр объекта перекрыт, – ответил Белевцев. Подождём минут пять, а потом... В общем, ждем, Владлен Аркадьевич.

Снова зазвонил телефон, но теперь от капитана Широкова, командира группы захвата.

– Слушаю, Геннадий!

– Во внутреннем двореке объекта какая-то шумная возня. Погасло освещение. Замельтешила охрана.

Белевцев взял в руки трубку радиостанции, лежащую на коленях, и командовал:

– Всем! Начинаем операцию! Докладывать по разработанному сценарию захвата. Ни одна живая душа не должна выйти за пределы периметра. Оружие применять в исключительных случаях.

Полковник Белевцев командовал водителю подогнать внедорожник прямо к воротам заблокированного особняка. Трое из группы захвата на изготовке уже держали оружие.

Во внутреннем двореке раздались крики. Прозвучало несколько команд. Ворота автоматически начали открываться, и в них ворвались омовцы. Началась потасовка. Через несколько минут двое омовцев вывели человека. Им оказался сам начальник безопасности Наркис. Белевцев заставил водителя включить фары внедорожника, вышел из машины и подошёл к захваченному.

– Что случилось, Наркис Сергеевич? Шум какой-то подняли. Горожан будите...

Наркис сплюнул кровавой слюной.

– С кем имею честь?..

– Какая там честь, плюгавый! Так, кажется, вас между собой зовут ваши же хозяева. Где Левандовский?

– Ищите. Мне он уже не понадобится.

– Это точно.

– А наш человек в камере?

– А где же ему быть?..

– Уже хорошо.

– Я больше ничего не скажу.

– А физик сбежал?

– Наверно, бежит уже к своим предкам... вместе со Шкилем. Ни того, ни другого вам никогда не достать.

Подъехал автозак.

– В машину его!

Блокированное здание вспыхнуло огнями. Белевцев вошёл во внутренний дворик, когда к нему навстречу выбежал командир группы захвата Широков.

– Докладываю. В блокированном здании всё руководство группы «Наркис» арестовано вместе с сотрудниками секретной лаборатории. Шкиль и Ходоков бесследно исчезли. Люк колодца, соединяющего кабельный тоннель, из которого они должны были выбраться наружу в переулке, был заварен вчера, так что беглецы не смогли воспользоваться этой возможностью. Куда они исчезли, пока трудно сказать. Есть несколько предположений.

Первое. Они каким-то образом выбрались из гнезда «Наркис» до полуночи с помощью агента из самой группы «Наркис».

Второе. Обнаружив заваренный металлический люк выхода на поверхность, они потом могли попасть по канализации в главный сток, а из него уже искать другой выход на поверхность.

– Продолжайте искать!

– Есть!

Белевцев вернулся в машину.

«Наверно, бежит уже к своим предкам... вместе со Шкилем, – закрутились в голове полковника слова Наркиса. – Что бы это значило?»

В машине он снова развернул план подземных коммуникаций блокированного объекта.

«Действительно выход в коллектор есть... Но рядом синим пунктиром на плане показан замурованный когда-то вход в пещеры – редкое место, посещаемое только диггерами...»

Белевцев взял чёрную трубку рации и отдал приказ группе захвата во главе с Рудневым:

– Одна группа в два-три человека спускается по коллектору в респираторах. Вторая группа из трёх омовцев должна попытаться найти замурованный проход в пещеры. При его обнаружении немедленно сообщить мне. Действуйте!

Положив трубку, Белевцев взял в руки смартфон и набрал капитана Широкова.

– Геннадий Кириллович! Всё что угодно сделать, но немедленно найти диггера Костю из Левого Берега и доставить его ко мне. Что-то неладное могло произойти со Шкилем и Ходоковым.

– Есть, Николай Иванович!

Подошёл ещё один автозак, и в него одного за другим препроводили задержанных.

– Что делать со специалистами, работавшими в третью смену в лаборатории, товарищ полковник? – обратился к Белевцеву омовец.

– Сколько их?

– Одиннадцать человек.

– Взять под охрану на рабочих местах! С ними с утра начнут работать специалисты.

– Есть!

Двое омовцев, поддерживая Соломина–«Блондина», подошли к Белевцеву. Тот обнял его.

– Слава Богу, живой, Алёша. «Блондин» ты наш! Пошли в мою машину, там расскажешь всё.

Соломин выдохнул фразу.

– Николай Иванович! Левандовский сбежал...

– Каким образом выскользнул?

– Как только началась облава, я за дверью услышал голос Левандовского: «Я с вами, Натан Львович!» Потом какая-то пауза ... и тот ответил: «Хорошо!»

Белевцев потёр лоб.

– Этого ещё не хватало. Как мог в полночь догадаться Левандовский о начале захвата группы и, главное, о побеге Шкиля и Ходокова?.. Ладно, поехали на работу. Отдыхать не время.

25 декабря. 4:15.

Кабинет начальника Главного управления ФСБ
Южного города Николая Ивановича Белевцева.

Присутствуют:

полковник Андрей Всеволодович Коробкин

представитель ФСБ РФ,

подполковник Константин Павлович Руднев

Белевцев по закрытой связи набрал номер генерала УФСБ Павла Петровича Муровцева.

– Павел Петрович! Доброе утро! Правда, у нас оно не очень доброе. Докладываю.

1. По вашему приказанию операция по блокированию и захвату группы «Наркис» завершена.

2. Потерь с нашей стороны нет, однако Шкилю и Ходокову не удалось воспользоваться вариантом побега, подготовленным нами накануне. Металлическая крышка колодца, из которого должны были выйти на свободу наши подопечные, оказалась заваренной извне по распоряжению начальника ЖКХ района под самый вечер нашей операции в связи с так называемой борьбой со сборщиками металлолома. Обстоятельство чисто случайное.

3. Похоже, Шкиль и Ходоков, обнаружившие, что не могут открыть крышку колодца, уже не могли вернуться назад из-за поднятой охранником тревоги, обнаружившим исчезновение Ходокова. Не исключено, что они вообще не воспользовались схемой побега: что-то им помешало. Но они могли воспользоваться двумя возможностями. Первая: проникнуть в ствол коллектора канализационного стока и по нему выйти на свободу. Правда, путь не из приятных и не короткий. К тому же для этого нужны средства освещения. Навстречу им послана группа из специалистов института, проектировавшего и участвовавшего в строительстве коллектора, и двух вооруженных бойцов из гвардии. Вторая: худшая возможность, проникнуть в заброшенный вход в пещеру, пунктиром показанный на схеме подземных коммуникаций. Для проверки этого варианта нами организована группа из двух диггеров, которые должны вот-вот попытаться выйти навстречу пропавшим.

4. По словам, случайно услышанным за дверью камеры, освобождённый наш агент Соломин утверждает, что к Шкилю и Ходокову примкнул Левандовский, после того как они покинули кабинет-лабораторию Шкиля.

Спутать голоса он не мог, поскольку Шкиля и Левандовского знал очень хорошо.

В остальном будем докладывать вам, как будут развиваться события дальше.

Белевцев специально включил громкую связь, чтобы присутствующие слышали генерала.

– Не слишком ли много у вас там случайностей, полковник? Операция пока практически провалена. Какова гарантия, что все трое не сговорились бежать с программой методики управления геном старения, которую удалось создать физику по материалам Варенцова? Бежать, и причём не к нам, чёрт возьми!

– Шкиль и Ходоков – надёжные и порядочные люди, а вот почему по согласию Шкиля к ним присоединился Левандовский, вопрос: или там произошло что-то другое и Соломин не смог расслышать, или...

– Или-или! В нашем деле порядочность у всех должна быть в жопе, когда речь идет о безопасности государства... Продумайте сценарий возможного захвата Левандовским Шкиля и Ходокова в заложники и действуйте с учётом того, что тот может быть вооружён. Поэтому к двум диггерам прикрепите пару вооруженных гвардейцев. И докладывать, докладывать, докладывать... Всё!

– Может быть, генерал прав, – заметил Руднев.

– Генералы всегда правы, – парировал Белевцев. – Тем не менее выполнением распоряжения генерала. Некогда спать. По коням!..

25 декабря. 9:45.

Капитан Широков по телефону Рудневу

– Товарищ подполковник! Люди, посланные в коллектор, вернулись. На их пути часть коллектора оказалась разрушенной. В месте разрушения образовалась глубокая и широкая карстовая промоина, заполненная стоками. Обойти и пересечь её не представляется возможным. Беглецы из объекта «Наркис» либо вернулись назад, либо вообще не воспользовались коллектором.

– Ладно! Отдыхайте пока, капитан...

Руднев набрал телефон Белевцева и сообщил ему неприятную новость.

– Может быть, и к лучшему, Константин Павлович. Гибельным бы оказался для беглецов этот путь. Остаётся пещера, поэтому срочно собрать все имеющиеся материалы, которые могут уточнить, как и где искать пропавших.

25 декабря. 11:12 мин.

Диггер Константин. По телефону подполковнику Рудневу

– Константин Павлович! Обследованная часть пещеры показала, что никто в ближайшее время не воспользовался вариантом, обозначенным пунктиром на карте подземных коммуникаций. Он завален. Мы с бойцами вышли по запасному маршруту к берегу реки.

Есть предложение: мы с бойцами вернёмся к заваленному участку пещеры с другой стороны и попытаемся вручную разобрать проход. Не исключена возможность, что где-то есть ещё выход, которым беглецы могли воспользоваться, но он может быть связан с главным гротом пещерного комплекса, который в прошлом году был обнаружен моим другом Коневцевым Виталием Андреевичем. Его сейчас в городе нет. Не знаю, где он. Но этот человек по специальности геофизик. Он с помощью каких-то приборов и вышел на пещерный комплекс.

– Хорошо... Спасибо за информацию, только осторожно, ребята. Осторожно! Не хватало ещё того, чтобы потом и вас разыскивать, поскольку связи с вами не будет.

Руднев задумался. «Геофизик в своё время смог найти пустоты, а у нас под боком геологическая служба». Он набрал номер Белевцева.

– Николай Иванович! Ситуация осложняется. Диггер доложил, что пещерным проходом беглецы не воспользовались, но дал ценную информацию. Необходимо срочно связаться с Южной геологической службой и мобилизовать геофизиков, чтобы они могли приборами прощупать с поверхности территорию, указанную диггером. Если пустоты найдутся, необходимо будет организовать проход по ним и попытаться найти беглецов.

– Хорошо, я сейчас свяжусь с геологическим управлением, только может появиться третий вариант, – усталым голосом произнёс Белевцев. – Только что разговаривал с генералом Муровцевым...

– Что за вариант?

– Беглецы вообще ни одним из вариантов не воспользовались, а давно отдыхают где-нибудь в городе... Костя, они могли просто-напросто каким-то образом просочиться сквозь оцепление. Вот только как?

– Думаю, что это исключено. А если они могли просочиться сквозь оцепление, то только под землёй...

– Ладно! Продолжаем подземный вариант, но я всё же дал команду поднять полицию и охранную гвардию города, для того чтобы перехватить сбежавших.

28 декабря. 14:30.

*Заседание у начальника Главного управления ФСБ Южного города
Николая Ивановича Белевцева*

Подведя итоги планируемой операции по блокированию глубоко законспирированной поземной лаборатории, уставший полковник обратился к присутствующим:

– Товарищи! Пожалуй, это не последнее наше заседание. Отдыхать некогда, поскольку обстоятельства нашей деятельности заставляют делать глубоко идущие выводы, опубликованные Научным Советом Безопасности РФ. Зачитаю вам некоторые выдержки из только что полученного сообщения ТАСС.

«В виду складывающихся угроз биологической безопасности, связанных с распространением новых вирусных инфекций, в том числе с возможностью создания искусственных вирусов, Научный Совет Безопасности РФ предложил внести в основополагающие документы стратегического планирования изменения в направлении деятельности Совета по защите от возникших угроз населению».

– И ещё. – Белевцев отложил в сторону бумагу, взял другую и снова зачитал.

«Эксперты также предложили разработать дополнительные меры по противодействию угрозам, связанным с возможностью совершения террористических актов с использованием патогенных биологических агентов».

– Вот так-то, товарищи. Если эксперты Совета Безопасности РФ публикуют такую информацию, стало быть дело, которым мы занимаемся, весьма серьёзное, поэтому нам отдыхать некогда. А сейчас каждый из присутствующих продолжает оперативную работу в заданном темпе. Успехов всем нам.

25 декабря. 18:32.

*Начальник геофизической партии геологической службы
подполковнику Рудневу по телефону*

– Константин Павлович, пустоты обнаружены. Их конфигурация вытянута в линию от пунктира на плане подземных коммуникаций к центру города. Подходит к частному сектору в районе рынка. Дом номер 11/7 по ул. Сафьяновской. Владелец Черников Леонид Александрович.

– Спасибо, начальник... как вас звать?

– Андрей Григорьевич!

– Спасибо, дорогой! Спасибо. К дому не приближаться и стараться не привлекать внимание.

Руднев набрал номер телефона капитана Широкова.

– Капитан Широков! Наряд захвата по тревоге к дому 11/7 по ул. Сафьяновской. Блокировать весь периметр квартала. Я со своими ребятами выезжаю к дому. Без меня действий по блокированию самого дома не предпринимать.

Из машины Руднев позвонил районному начальнику полиции.

– Подполковник ФСБ Руднев. Матвей Анатольевич, срочно дайте команду пробить информацию по адресу ул. Сафьяновская дом 11/7. Кто такой Черников Леонид Александрович?. Место работы и прочее? Срочно!

– Так это же наш участковый!

– Вот те на! – удивился Руднев. – Немедленно выезжайте по этому адресу. Буду ждать в 40–50 метрах от его дома. У меня внедорожник номер 119.

Засигналил телефон капитана Нерта.

– Слушаю, Руднев!

– Товарищ подполковник! Группа оцепления тщательно проверила все возможные выходы из объекта «Наркис». Неожиданно старшим лейтенантом Неручевым в подвале обнаружен потайной ход из лаборатории. Ход ведёт в грот, в котором даже есть дежурное освещение...

– Сколько человек с Неручевым?

– Четверо вместе с ним.

– Одного гвардейца с Неручевым немедленно направить по обнаруженному ходу. Максимум осторожности! Беглецы могли воспользоваться потайным ходом. Двое с оружием должны стоять у входа в грот и останавливать любого, выходящего из него.

– Есть!

Руднев набрал номер Белевцева.

– Товарищ полковник! Беглецы, похоже, воспользовались потайным ходом. Он практически связан с центром города в районе частного дома 11/7 по улице Сафьяновской. В доме проживает Черников Леонид Александрович — участковый центрального района. Сейчас подъедет ко мне начальник полиции района, и будем проводить операцию. Я в машине, в 50 метрах от перекрестка.

– Значит, генерал был прав: беглецы воспользовались иным вариантом. Выезжаю к вам. Обсудим на месте. Пока ничего не предпринимать!

К машине Руднева подъехал узик начальника полиции. Он посмотрел по сторонам и подсел к нему в машину. Следом подъехал внедорожник

Белевцева. Он также присоединился к Рудневу.

– Матвей Анатольевич! В двух словах: что из себя представляет участковый Черников Леонид Александрович?

– Службу несёт исправно. Позавчера ему было присвоено очередное звание «капитан».

– Всё?

– Да вроде... В общем нормальный полицейский...

– Посмотрим. Есть предположение, что в его дом каким-то образом проникли беглецы, которых мы разыскиваем. Вам нужно ему позвонить, чтобы он открыл дверь. Ну, например, под предлогом вручения ему погонцов капитана. Кстати, он знает о своём повышении?

– Да! Даже пригласил отдел в субботу отметить это дело в ресторане.

– Очень хорошо.

– Звоните!

Начальник полиции набрал номер участкового и включил громкую связь:

– Привет, Лёня. Матвей на проводе. Я уезжаю в командировку и решил поздравить тебя... Погоны капитана у меня. На углу стою с машиной.

Короткая пауза. Неуверенный голос полицейского...

– Приболел я, кажется... с желудком что-то. Боюсь подняться. Так и течёт всё...

– Хорошо. Открой калитку. У тебя она автоматически открывается... Сам зайду и... поздравлю!

– Да ладно... Там как-нибудь сам приеду...

Руднев скрестил руки.

– Ну тогда бывай, засранец!

Начальник полиции выключил телефон.

Руднев поднял трубку и scomандовал:

– Группа захвата, начинайте!

Его машина подкатила к закрытым воротам дома участкового. Тут же скрипнули тормоза двух машин. Из них выскочили вооруженные в камуфляже гвардейцы. Подставляя плечо друг другу, форсировали забор, блокировали окна. Двое, выбив одно окно, молниеносно проникли в дом. Послышались какие-то звуки. Потом всё стихло.

Через некоторое время открылась сначала калитка во двор, а затем и дверь дома. На пороге замаячила фигура гвардейца, и он махнул рукой:

– Готово! Можно входить!

За столом, заставленным снедью и спиртным, в наручниках, с окровавленным носом сидел участковый.

– Где трое? – обратился к нему Руднев.

– Двое...
– А третий?
– Ушёл.
– Куда?
– Откуда пришёл...
– А двое?
– Там, – показал кивком головы в сторону буфета полицейский.
– Отодвиньте буфет! – приказал гвардейцам Руднев.
Когда те отодвинули буфет, там оказалась дверь. Руднев понял, что там только Шкиль и Ходоков. У тех не могло быть оружия.
– Вскрывайте дверь!
Один гвардеец из чехла, торчавшего за спиной, словно бы стрелу, быстро вытащил фомку и несколькими движениями вскрыл дверь, предварительно уступив место второму гвардейцу. Тот проник внутрь.
– Там лестница, товарищ подполковник!
Руднев легонько отстранил гвардейца.
– Дайте фонарь!
Гвардеец расчехлил фонарь и подал его подполковнику.
– Давайте я лучше вперёд пойду, – попросил гвардеец...
Но Руднев включил фонарик и сам спустился вниз. На полу в луче фонаря у стены в наручниках сидели Шкиль и Ходоков. В свете фонаря они не могли видеть, кто спустился к ним и, морщась от света, Ходоков произнёс:
– Ну хватит! Всё равно ни хрена не добьётесь...
– Рад вас приветствовать, господа учёные! – сказал Руднев и осветил своё лицо.

ГЛАВА XII РАСКЛАД

Левандовский понял, что, выбравшись из одной, он угодил в другую ловушку. Схватил портфель, пистолеты – свой и полицейского – и бросился к лазу, находившемуся в большом подполе, где хранились разные заготовки хозяина. Полицейскому не сказал, а приказал:

– Тяни время подольше!

Лаз за собой прикрыл. Через небольшой шлюз оказался в просторном и искусно пробитом тоннеле. По ходу движения система автоматически включала и гасила свет. Мысль работала лихорадочно. «Возвращаться в лабораторию нет смысла: там явно всё уже под контролем полиции или ФСБ. Остался единственный выход – попытаться разобрать перемычку в галерею, отделяющую тоннель от пещеры, и выйти на поверхность у реки...»

Когда он достиг перемычки, Левандовский услышал, как с другой стороны кто-то уже разбирает завал.

«Вот теперь, кажется, конец». – подумал он и стал ждать.

25 декабря. 21:00.

Руднев по телефону капитану Широкову

– Срочно направьте группу Сидельникова из двух–трёх человек в пещерный вход, куда отправилась группа во главе с диггером Константином. Как можно быстрее добраться до них! Как только доберётесь, необходимо прекратить разборку завала и вывести всех назад. Если ребята успели разобрать завал, действуйте по обстановке. Главное – безопасность группы диггера.

25 декабря. 22:15.

Группа спецназа в гроте у разобранного завала

– Сергеич! Там свет! – прошептал идущий впереди спецназовец командиру спецгруппы Сидельникову.

– Погасить фонари! Пропусти меня, Витя, – сказал командир спецназовцу.

Сидельников всмотрелся и вслушался: за разобранным завалом слышались какие-то голоса.

– Тихо и за мной! – скомандовал Сидельников.

Командир пролез в разобранный лаз. В широком пространстве освещённого грота спиной к нему стоял человек с портфелем и держал на изготовке пистолет. Впереди него также спиной, но уже к стоявшему с пистолетом, стояли трое и что-то обсуждали. В голосе одного из них Сидельников распознал голос спецназовца, посланного капитаном Широковым в группу диггера. Тот продолжал:

– Пожалуй, нам надо вернуться назад и доложить начальству о гроте: слишком уж здесь всё окультурено...

Стоящая спиной фигура человека с портфелем попятилась к разобранному завалу, в тени которого на корточках сидел Сидельников.

– Брось пистолет! – раздался из темноты разобранного лаза голос.

Левандовский от неожиданности замер: в это самое время его руку уже заламывал омоновец.

Услышав сзади возню, группа диггера поторопилась к разобранному завалу, где Сидельников заламывал руку человека.

– Сергеич?! – выкрикнул боец из группы диггера.

– Он самый...

Из разобранного грота протиснулись ещё двое спецназовцев.

– Витя, забери у него портфель! – скомандовал своему бойцу Сергеич, а сам уже вытаскивал наручники.

26 декабря. 00:11.

Полковник Белевцев генералу Муровцеву по каналу секретной связи

– Товарищ генерал! Операция по блокированию и захвату группы «Наркис» завершена. Физик Ходоков, биохимик Шкиль освобождены. Левандовский арестован. В связи с возможностью попадания материалов по расшифровке программы управления геном старения Варенцова Шкиль и Ходоков при переходе грота с канализационным стоком выбросили диски. Другими словами, они уничтожены, но Ходоков утверждает, что ему при наличии таблиц Варенцова (а они у нас) понадобится дня три для восстановления утраченной программы. Подлинность их подтверждена Ходоквым и Шкилем. Левандовский даёт показания и готов к сотрудничеству с нашими органами.

Левандовский, он же Герд и Алексей, является тройным агентом иностранных спецслужб. Он пристально следил за Шкилем, поставил свою,

независимую от группы «Наркис» прослушку в камере-кабинете Ходокова и, когда понял, что Натан Львович попытался вывести Ходокова с расшифрованной варенцовской программой управления геном старения, под угрозой ликвидации обоих, конвоируя через грот, соединяющий засекреченную лабораторию с группой «Наркис», доставил их в дом полицейского. Полицейский, исполняющий обязанности участкового, был хорошим прикрытием для группы Левандовского. Завербован был ещё своим отцом, ныне покойным, который после войны за большие по тем временам деньги построил дом на месте подземного входа в катакомбы. Таким образом, дом был не только явочной квартирой спецслужбы, но и местом, откуда можно было всегда проникнуть на объект «Наркис» и в секретную лабораторию.

Диггером с бойцами обнаружен подземный и хорошо законспирированный комплекс. Действий по нему пока никаких не предпринимали.

– Хорошо, полковник! Поздравляю! Работайте дальше с Левандовским. Материалы по поводу личности Шкиля Натана Львовича скачаем вам утром. Пресса не должна знать ни о самой операции, ни о её деталях. Шкиль может продолжать в открытую работать со своими «хозяевами» под вашим контролем. Этот канал ещё понадобится. А вот в подземный комплекс ни ногой! А также необходимо запретить всем участникам операции «Наркис» передавать любую информацию об операции кому-либо, в том числе близким. Военные это хорошо знают. Диггера же предупредите специально. Он очень нам помог. Никаких сообщений своим энтузиастам-диггерам он передавать не может и не должен. Не должен!

По поводу физика Ходокова. Максимум ему внимания и обеспечить его всем необходимым для работы и отдыха, но в его институте, в средствах массовой информации по-прежнему должны знать, что он исчез... От себя скажите: исчез на время, до завершения операции разоблачения ставленников организации засекреченных биологических лабораторий. Там она не одна. Та, за которой мы охотимся давно, слишком важна для нас.

– Есть, товарищ генерал!

27 декабря. 10:00.

Кабинет начальника отдела по организованной преступности генерала УФСБ Семёна Игнатьевича Чуева

Левандовский под охраной двух офицеров, одетых в обычные, серого цвета костюмы, шёл по хорошо освещённому коридору. В какой-то момент он поймал себя на мысли, что никогда не думал о том, что когда-нибудь будет арестован ФСБ. И вот теперь это случилось. А что дальше?

Он шел по ковровой дорожке коридора. Двери многочисленных кабинетов, тянувшиеся с двух сторон, были закрыты.

Глухой звук шагов не заглушал биение учащённого сердца: оно было готово вскрыть грудную клетку и выскочить наружу.

– Минутку!

Шедший впереди офицер почему-то поправил причёску и толкнул перед собой дверь, ничем не отличавшуюся от остальных. В тамбуре комнаты за столом у компьютера сидел человек.

Взглянув на вошедших, сидевший за столом оторвался от компьютера, взял трубку телефона и произнёс:

– Семён Игнатьевич, Левандовский с офицерами здесь... Хорошо...

– Проходите, генерал ждёт вас, – обратился он к вошедшим.

Небольшой кабинет с длинным столом посередине напоминал обычное служебное помещение. Во главе стола сидел небольшого роста человек, держа в руках какие-то бумаги. Он отложил их в сторону, встал из-за стола и, поздоровавшись с офицерами за руку, предложил всем, в том числе Левандовскому, сесть напротив него.

Левандовский с трудом выдержал спокойный взгляд генерала, а тот с прищуром и даже какой-то хитрецей произнёс:

– Как же вас, Витольд, угораздило попасть в компанию уголовников, возглавлявших подпольную засекреченную биохимическую лабораторию? Известный на западе генетик, с амбициями мирового учёного... И вообще, как всё-таки к вам обращаться: Витольд, Герд, Алексей?..

Услышав своё настоящее имя, о котором не знал никто даже из его хозяев, финансирующих некоммерческую организацию, Левандовский замешкался...

– Как угодно, так и называйте...

Генерал встал из-за стола, вернулся к своему рабочему месту, взял бумаги и снова присел напротив Левандовского.

– Хорошо, Витольд. Я вам кое-что расскажу о вас, а вы сконцентрируйтесь на том, что должны нам ещё рассказать. Итак...

Чувств в течение двух-трёх минут отдельными рублеными фразами знакомил Левандовского с его биографией и деятельностью...

– Достаточно! – перебил генерала Левандовский. – Вы знаете больше, чем я мог бы сам рассказать вам. Что вас интересует относительно подпольной лаборатории, контролируемой теперь известной вам спецслужбой?

– Во-первых, что вы можете рассказать об охраннике Наркисе?

– Это обычный уголовник, которого назначил на службу некто по имени Сергей Наркисович...

– Так выходит, что Наркис Сергеевич – сын Сергея Наркисовича Пападакиса?

– Да. Оба с уголовным прошлым...

– Неужели иностранные спецслужбы так стали доверять уголовникам?

– Их не жалко сдать тем, против кого они работают. Дешевле обойдётся.

– Хорошо... А чем вы занимались в этой лаборатории по исследованию гена старения человека?

– Я генетик. В принципе, главное лицо закрытой части проекта. От меня немало зависело само его финансирование. Пападакису, директору некоммерческой организации по исследованию генома человека, в том числе руководителю подпольной биохимической лаборатории, хотелось как можно дольше тянуть программу, за которую он получал немалые деньги. Мне же, как учёному, хотелось быстрее достичь цели, поэтому меня побаивались, что я раскрою карты вышестоящим руководителям проекта...

– И вы одолжили пистолет у Наркиса Сергеевича? А затем под угрозой расправы с физиком и своим коллегой Шкилем вывели их по подземному ходу к нашему полицейскому и там хотели завладеть материалами по расшифровке программы старения генома человека? Вы же об этом уже знаете? Шкиль и Ходоков избавились от дисков при переходе канализационного стока... Просто выбросили их в канализацию. Может, к лучшему. Теперь материалы Варенцова с его программой управления геном старения никому не достанутся.

– Ладно. – Генерал спокойно посмотрел в глаза Левандовскому. – А что вы можете сказать о другой лаборатории, которая работает с вами по соседству?

Левандовский задумался.

– Можно попросить воды?

– Конечно.

Генерал встал, подошёл к роскошному хрустальному графину, наполненному водой наполовину, налил её в стакан и подал Левандовскому. Тот жадно выпил.

– Не совсем точно могу сказать, но, как генетик, догадываюсь. В середине прошлого года случайно, когда воспользовался гротом, соединяющимся с домом вашего полицейского, чтобы выйти в город и получить инструкции от моего начальства, я увидел, как через небольшое ответвление грота в потайную дверь, соединяющуюся с другим подземным сооружением, несколько человек во главе с охранником Наркисом Сергеевичем перетаскивали какие-то ящики и картонные коробки. Заметив меня, охранник не удивился, поскольку знал, что я пользовался гротом, хотя и не догадывался полностью о его предназначении. Я тогда спро-

сил его, куда и зачем эти ящики. Он, не вдаваясь в подробности, объяснил, что так они через нее доставляют реактивы и каких-то зверушек для нужд лаборатории. В общем, банки, склянки и прочее. Но на одной коробке по-английски было написано «штаммы бактерий в вирусологию»... Таким образом я догадался, что именно через этот ход снабжали другую подземную лабораторию не только реактивами, но и...

Понимаете, для меня, как для специалиста и тем более генетика, написанное на картонном ящике явно означало, что засекреченная лаборатория, скорее всего, занимается разработкой чего-то с использованием бактерий и вирусов. Мне стало не по себе. Это могло означать что угодно...

– Создание бактериологического оружия? – дополнил мысль генерал.

– Думаю, хуже – искусственных вирусов, – тяжело вздохнул Левандовский.

– Мы разберёмся, – ответил генерал.

– А кто такой Шкиль Натан Львович? Чем занимался в лаборатории?

– Его использовали втёмную. Он являлся сотрудником легальной лаборатории по тем же зарубежным грантам, что и остальные сотрудники верхней лаборатории. Каждый работал в своём кластере, и никто не догадывался, что делали в другом. А в итоге мы стремились понять причину старения генома человека. Поскольку он занимался аналогичной с моей проблемой, я для ускорения приближения к главной цели подал идею нашему начальству, и под предлогом захвата иностранного специалиста по кодированию белковых структур службой безопасности РФ мы познакомили его с Ходоковым с тем, чтобы он не только контролировал его работу, но и попытался приблизиться к расшифровке кода старения генома, полученного Варенцовым, и тем самым помог службе безопасности России. А ему это было нужно, поскольку его жизнь сложилась непросто. Возможно, вы знаете об этом. Через подставного агента убедили физика, что он также работает под прикрытием ваших спецслужб, а потому должен как можно быстрее разгадать код Варенцова, зашифрованный им в своих таблицах. Другими словами, служба Пападакиса воспользовалась вашей методикой дезинформации и Ходокова, и Шкиля после бегства Колонина с помощью внедрённого вами агента. Именно после этого я начал собственную слежку за основными исполнителями, в том числе за Шкилем. И когда я с помощью своих подслушивающих устройств обнаружил, что Шкиль задумал сам овладеть программой управления геном старения, расшифрованной и существенно доработанной физиком, я попытался опередить события. Но внезапное блокирование лаборатории вашими сотрудниками смазало мои планы. Остальное вам известно.

– Как оказалось, что вы стали агентом нескольких спецслужб?

Неожиданный вопрос ввёл Левандовского в ступор. Он потянулся к пустому стакану. Генерал встал и снова налил ему воды из графина, но Левандовский пить не стал.

– Видите ли... Так получилось... И вы знаете, как это бывает...

– Перевербовка? Жадность?

– Скорее и то и другое. Понимаете, я всё-таки учёный, и мне виделась перспективы сделать карьеру...

– На тех, кто не смог её сделать?

– Возможно и так... Я в своих исследованиях практически шёл по пятам Варенцова, но ему удалось большее. Началось ещё с зарубежного доклада Варенцова. Им заинтересовалась наша разведка.

– А вы уже были на службе у другой?

– Да.

– И вы предложили свои услуги?

– Да.

– А Варенцов отказался?

– Он оказался моралистом, а у меня возник великий соблазн завладеть его материалами и сделать себе имя в науке несколько по-другому.

– Вы слишком, пожалуй, откровенны.

– Мне хочется выбраться из сложившейся ситуации.

– И ещё один вопрос: Варенцова убили или это была трагическая случайность в ДТП?

– Я сам был в шоке, да и всё руководство гранта... За ним следил Наркис, это точно, но смерть Варенцова не была ни в чьих интересах, кроме, может быть, ещё каких-то иностранных спецслужб... Поймите, речь шла о таком открытии, которым хотелось овладеть всем.

– Хорошо. Кое в чём вы нам помогли. Думаю, это вам зачтётся. Уведите арестованного, – обратился он к двум офицерам. – И не надевайте ему наручники даже на улице: он теперь не только не убежит, но и всячески будет просить у нас защиты, чтобы не попасть к своим хозяевам.

31 декабря. 16:25.

Кабинет закрытой генетической лаборатории РАН.

Временное и вынужденное убежище Ходокова

Натан Львович потянулся к чашке с остывшим кофе, глотнул. Включил телевизор. Миловидная женщина интервьюировала академика Минеева Рината Аскаревича.

– Ринат Аскаревич! В зарубежной прессе просочилась информация

о том, что якобы погибший в автокатастрофе генетик Варенцов оставил какие-то зашифрованные архивы, которые попали в руки иностранных специалистов в области старения генома человека. К тому же ещё загадочное исчезновение нашего известного физика по расшифровке программ генетической рекомбинации ДНК, что приводит к возникновению новых комбинаций генов в организме, взволновало нашу общественность. А западные учёные вот-вот найдут способ отключения из генетической программы генома человека гена старения, и человечество окажется вне эволюции. Вы, как специалист в этой области, что можете сказать по этому поводу?

– Журналисты всегда склонны гиперболизировать любую новость, чтобы заинтересовать тех, кто читает газеты, журналы, смотрит телепередачи, и тем самым заработать на рекламе...

– Так это действительно новость? – ухватилась за фразу журналистка.
– Архивы известного Варенцова действительно попали в руки западных спецслужб?

– Ну это бы я адресовал спецслужбам в связи с исчезновением физика. Теперь по существу. Эволюцию никто не отменял. Что же касается гена старения в геноме человека, то на этот счёт есть разные точки зрения и разные теории. Например, Аркадий Дмитриевич Долматов, ведущий наш геронтолог и генетик, считает, что самой проблемы гена старения не существует. Он придерживается точки зрения, основанной на случайных повреждениях клеток в процессе развития любого живого организма. Например, ликвидация условий случайного повреждения клеток позволила нашим и зарубежным учёным в экспериментах над животными и другими организмами доказать возможность значительного (в разы!) увеличения средней и максимальной продолжительности жизни.

Точка зрения нашей научной школы базируется на эволюционной теории накопления мутаций, или так называемой теории старения, предложенной английским биологом, лауреатом Нобелевской премии по физиологии и медицине Питером Медавара в 1952 году. В настоящее время теория доработана и заключается в том, что ген старения в геноме – это неизбежный процесс эволюционного изменения живых организмов, который подводит черту под существованием популяций.

– Другими словами, все живые организмы обречены на вымирание, в том числе человек?

– Все, в том числе и человек, поскольку он такая же биологическая сущность. Но... его единственное отличие от остального живого заключается в том, что он обладает разумом, а значит, способен осознать своё место в

природе, вписаться в её законы сохранения и существовать столько, сколько сможет, а может, даже способен существовать...

– Значит, человек, в отличие от всего живого, может быть вечным живым организмом?

– Вы не придали значение слову, которое я сказал. Сможет! А между «может» и «сможет» огромная дистанция в эволюции разума человека не столько в его животной сущности. Дистанция, в которой человек успеет преодолеть страх перед непознанностью природы, искоренит невежество, успеет вперить в свои мозги способность не убивать себе подобных, сумеет способность к разумности ставить выше неограниченного потребления... Подчеркну: успеет ли и, наконец, поймёт ли, что сама природа, может быть, сделала ставку на разум? Второго раза точно не будет. Природа в своих творениях не повторяется...

– И всё-таки кто такой Варенцов? Почему о нём всполошился Запад?

– Сергей Андреевич Варенцов – сын известного в стране генетика, который как раз работал в области выяснения причин замены одной популяции другой в ходе эволюции. Его сын, Андрей Варенцов, сделал фундаментальное открытие в области гена старения генома человека. Но ряд его публикаций у нас в стране не то что бы не замечен – просто этим публикациям не было придано значение открытия в силу борьбы разных течений, если хотите, школ в науке. К тому же Сергей Варенцов – представитель периферийной науки, а к ней в лице некоторых мэтров в нашей научной школе, к сожалению, а в истории российской науки это было точно не раз, отношение иногда высокомерное. Вспомним хотя бы выдающееся открытие химика Бориса Павловича Белоусова в области явления автоколебательных реакций, однако рецензент, которому попала статья для публикации в научном журнале, отклонил её как не соответствующую существующим представлениям в науке. И только спустя 30 лет Белоусову посмертно присудили Ленинскую премию за открытие автоволновых процессов, причём вместе с теми, кто исследовал этот процесс нарушения устойчивости возбудимых распределённых систем. Представляет!? Тридцать лет понадобилось обществу, чтобы понять сущность гениального открытия...

А чем отличается гений от обычного интеллектуала?

– Существует несколько определений. Я бы хотел остановиться на таком. Гений – это интеллектуал, способный формировать новое знание, определяющее пути развития человечества.

– Стало быть, Варенцов – гений?

– По-моему, да! Сергей Варенцов не оказался исключением в сравнении

с теми, кто в начале пути не сразу был признан гениальным. И он, видимо, замкнулся в своих исследованиях в силу непонимания важности того, что ему удалось сделать. Тем не менее, в отличие от Белоусова, он искал пути признания научных результатов своего исследования. На конгрессе генетиков, куда его пригласили зарубежные специалисты, выразил готовность доказать существование кода гена старения генома человека и, кажется, ему это удалось.

Нашей проблемной генетической лаборатории параллельно также удалось близко подойти к технологии управления геном старения. Подчеркиваю: только подойти! До управления старением генома человека ещё далеко. А что за рубежом говорят якобы о том, что им попали в руки какие-то материалы Варенцова, вам нужно обратиться к нашим спецслужбам. Я знаю только одно, что разработки в направлении управления геном старения живых организмов занимают многие зарубежные лаборатории. Россия, во всяком случае, не отстает от них. А сейчас извините. У меня доклад на конференции...

– Спасибо, Ринат Аскарлович.

– По проблеме гена старения генома человека мы вели беседу с академиком РАН Минеевым Ринатом Аскарловичем. До новой встречи в программе «Новости науки». Интервью вела Екатерина Саблина.

– Ну и что скажете, Валерий Сергеевич? – Шкиль поставил на журнальный столик пустую чашку.

– Журналистка хорошо подготовилась к встрече... К тому же симпатичная...

– Я имею в виду другое. Почему это интервью появилось именно сейчас? И самое главное, перед началом вечерних новостей, чтобы как можно больше народа посмотрело новости науки?

– Наш обыватель любит смотреть новости по телевизору, потому что ему вообще стало некогда читать в условиях дикого рынка, в который мы окунулись, а вынырнуть из него и посмотреть, что на самом деле творится вокруг, не представляется возможным, уж тем более читать иностранную прессу.

– Интервью явно заказное, от наших спецслужб, – задумчиво отозвался Ходоков. – Во-первых, я ещё с программой управления геном старения, разработанной Варенцовым, числюсь в бегах. И это хорошо обозначило интервью для тех, кто пытается выудить любую информацию о том, куда

я с ним исчез. Во-вторых, власти хотелось показать, что наша наука не дремлет. Наконец, иностранные спецслужбы не знают, куда делся Левандовский, курировавший возможность расшифровки мною гена старения. Явно могут предполагать, что и я, и Левандовский переметнулись к другим спецслужбам, заинтересованным в проблеме гена старения, поскольку явно о разгроме группы «Наркис» иностранные спецслужбы уже знают. А вот о моей судьбе и не вышедшего на связь со своими хозяевами Левандовского ничегошеньки неизвестно. Спецслужбам дали надежду, что я с Левандовским всплыву где-нибудь в Польше, Германии, Лондоне... Не знаю, где ещё... В общем, где-то за бугром. Я же, Натан Львович, чувствую, что скоро мы обозначимся и в городе, и в мире науки...

– Для меня наука и свобода зависят от того, поверят ли мне спецслужбы.

– Раз мы с вами здесь, значит, уже поверили. Тем более вы на свободе, по сравнению со мной.

– Есть ещё одна проблема. – Шкиль вздохнул. – Я, как и Кучерова, были вхожи в секретную биохимическую лабораторию, которая не была под контролем ликвидированной группы «Наркис». Лаборатория занимает два помещения. Одно на дневной поверхности, куда я и Кучерова были вхожи и каждый из нас занимался своим кластером исследований, которые случайно пересеклись в научных интересах гена старения. Второе – подземное сооружение, которое располагается где-то в катакомбах за гротом, которым воспользовался Левандовский и под пистолетом вывел нас к дому полицейского. Когда мы шли по гроту впереди Левандовского и свернули в тупиковую камеру, где просматривалась в сумеречном освещении железная дверь с еле заметной красной светодиодной лампочкой, то Левандовский скомандовал: «Не туда! Направо!». Только сейчас я понял, по-моему, самое важное: Левандовский не только знал об этой двери, но и не раз пользовался ею... Скорее всего, это ответвление грота ведёт в подземную часть секретной лаборатории. А что за дверью творится, можно только догадываться.

– О чём?

– Я думаю, главная цель Левандовского не ген старения человека: этим он занимался между прочим. Но когда понял, что за геном старения может стоять открытие поважнее, чем то, что он контролировал в подземной лаборатории, то переключил на него главное внимание.

– И чем же там, по вашему мнению, могли заниматься специалисты?

– Созданием ... бактериологического оружия или что-то в этом роде, – задумчиво произнёс Шкиль.

– И каким именно?

– Уж очень большое значение в верхней лаборатории придавалось ви-

русологии. Не исключено, что вирусологи, по крайней мере, один из них, с которым мне удалось перебраться всего несколькими фразами, могут заниматься искусственным созданием вирусов.

– На чём это основано?

– Конечно, это только предположение, но в частной беседе на мой вопрос о возможности влияния вирусов на злокачественные опухоли он улыбнулся и загадочно ответил: «Вирусы можно перепрограммировать и на этот вариант...». Стало быть, программированием они точно занимаются.

Вошёл программист Фёдор Журавлёв.

– Валерий Сергеевич! Мы на мощном компьютере перепроверили результаты ваших расчётов и оценки Варенцова о перекодировании ДНК генов, ответственных за старение. Чертовщина какая-то... Коэффициент гена старения генома Варенцова с ошибкой в 2,5 сигмы однозначно указывает на то, что до запуска механизма самоликвидации генома ещё далеко. Это, во всяком случае, десятки лет. По вашим данным, с точностью в 3,5 сигмы и вероятностью в 99% геном человека уже перешёл критическую стадию старения в прошлом поколении. Выходит, что мы уже кандидаты на вымирание?

Ходоков взял в руки распечатанные столбики пакетов цифр у программиста.

– Натан Львович! – обратился Ходоков к Шкилю. – Посмотрите: при одном и том же значении коэффициента кодирования мы получаем разные результаты... Что бы это значило?

– Что эволюция человека продолжается... Это неучтённые временные мутации.

– Мною?

– И вами, и Варенцовым...

Ходоков потрогал лоб, устало откинулся на спинку кресла и стал размышлять вслух.

– Это означает, что немедленно надо навалиться всем генетикам на проблему старения генома человека с позиции пересмотра концепции тупиковой ветви эволюции *Homo sapiens* во времени. От этого понимания будут зависеть выводы, ради которых заварилась вся каша с геном старения человека. Продолжается ли эволюция человеческого организма или уже остановилась? Эта временная поправка ни мною, ни Варенцовым не учитывалась. А вы помните аксиому, что малые отклонения в начальных условиях эксперимента во времени неизбежно приведут к катастрофически большим и даже непредсказуемым изменениям. В действительности это означает доказательство самого факта продолжения эволюции человека и

того, что эволюция готова уже сменить одну популяцию существующего человека другой... Какой она будет, нам неизвестно. Поэтому, как, сказал герой одного популярного романа, «...лёд тронулся, господа присяжные заседатели, заседание продолжается...».

– То есть? – переспросил Шкиль.

– Вывод, который напрашивается сам собой в связи с уточнением расчётов команды вычислителей: надо немедленно притормозить программу старения генома человека редактированием гена старения. Причем навалиться на проблему желательно всем миром, в противном случае эволюция скажет своё последнее слово. Полученную же информацию надо срочно довести через спецслужбы до куратора программы академика Минеева.

В дверь постучали.

– Открыто! – громко за всех ответил Шкиль.

В дверь протиснулся Руднев, держа на вытянутых руках большую картонную коробку.

– Не помешаю, господа?

– Как только вспомнишь о спецслужбах, они обязательно нарисуются тут же, как черти из табакерки, – улыбнулся Ходоков Рудневу.

– Был бы повод, а черти сами найдутся! – засмеялся Константин Павлович. – А повод есть, и он новогодний.

Руднев поставил коробку на стол прямо на развёрнутые листы расчётов, над которыми только что рассуждали учёные.

– Константин Павлович! Осторожно! – вскрикнул шутливо Шкиль. – Эти бумаги стоят дороже...

– Не дороже, – перехватил мысль Руднев. – Здесь снедь и всякая всячина под вот эти напитки. – И водрузил на стол коньяк, шампанское и ещё какие-то напитки. – Это от нашего цеха учёным, которые решили спасти человечество от вымирания.

– А неплохо ваш цех живёт! – воскликнул, смеясь, Ходоков.

– Ну, скажем так: не жалуемся...

– Я, наверно, пойду, – свернув бумаги со стола, сказал вычислитель Фёдор.

– А может, с нами, Фёдор, присядешь?

– Нет-нет, мне домой надо торопиться, а то отчёт придётся держать перед домашними.

Когда дверь за программистом закрылась, Руднев выложил всё из коробки, засунул её под стол и, посмотрев на учёных, начал извиняться.

– К сожалению, я должен сию же минуту покинуть вас, у нас ещё есть одно незаконченное дело. Вам же, наконец, надо расслабиться, хотя...

Мы понимаем, что не всё сделали пока для вас. Через неделю закончится предварительная работа со всеми взятыми в группе «Наркис», в том числе сотрудниками лаборатории, находившимися там во время ликвидации группы. А потом... потом будет суп с котом. Не могу сейчас ничего сказать. Если Натан Львович может находиться в городе где угодно и с кем угодно, хотя за ним ведется не только наше наблюдение, но и иностранных спецслужб, то вам, Валерий Сергеевич, придётся ещё потерпеть. Вы пока исчезнувший учёный, за сведения о нахождении которого вместе с Левандовским три разведки могли бы отдать всё что угодно. Прошу вас, потерпите. Ваша квартира, институт, ваши друзья под их и нашим присмотром. Игра под названием «Варенцов» продолжается. Пока не всё понятно нам и тем, кто под личиной обмена информацией в области расшифровки генома человека создал подпольные лаборатории, причем не только у нас в стране. Пока... Но уверяю вас: всё скоро устаканится. Вы будете заниматься наукой, а мы... своими делами.

– Елена Борисовна Кучерова прошла ваш фильтр? – неожиданно спросил Ходоков.

Руднев спокойно посмотрел в глаза Ходокова.

– Я понимаю вас, Валерий Сергеевич. Пока нет... Она дважды задавала вопрос следственным органам, где вы находитесь и живы ли вы?

– Стало быть, я для неё мёртв?

– Скорее жив, Валерий Сергеевич, но поймите: сейчас одна разведка валит на другую дело об исчезновении Левандовского и вас. Малейшая оплошность с нашей стороны, и мы не закончим главное дело, ради которого работали так долго. Подогреваемые неизвестностью, спецслужбы иностранных государств делают большие ошибки, которые дают нам основание работать на опережение. По некоторым данным, вы уже находитесь за рубежами РФ и передали информацию о расшифровке кода старения одному из государств. Не называют, которому, поэтому всполошилась и научная элита Запада, инициировавшая проведение конгресса генетиков по проблемам гена старения человека. Боятся опоздать. Уже в некоторых газетах появилась информация о том, что программа по управлению геном старения была похищена Варенцовым в одной из западных лабораторий.

– А чем ответили наши генетики организаторам конгресса? – спросил Шкиль.

– Участием в нём. Об этом уже заявил академик Филонов Модест Петрович, председатель межвузовского учёного совета современных проблем генетики.

– Значит, мозговая атака проблемы гена старения дала что-то положи-

тельное... – размышлял Шкиль.

– Но сколько же времени мне еще здесь находиться? – задал вопрос Ходоков.

– Я понимаю вас, Валерий Сергеевич, но так сложилось. Нужно потерпеть. А по поводу проверки участия в лабораторных исследованиях Кучеровой, думаю, все закончится раньше. На мой взгляд, всё будет хорошо...

А сейчас хочу попрощаться с вами. Хорошо вам встретить Новый год.

Руднев пожал обоим руки и вышел.

Натан Львович молча подошёл к столу, откупорил бутылку коньяка, налил в свою и Ходокова кружки, из которых недавно пили кофе.

– Валерий Сергеевич! Выпьем за уходящий год. Всё-таки мы остались живы. Всё-таки успели сделать хорошее дело.

– Главное – научиться жить, Натан Львович.

Шкиль выпил напиток.

– Странное дело, Валерий Сергеевич! Я на свободе, а к себе идти не хочется. У меня есть всё: квартира, деньги. Но у меня нет близкого человека, практически нет семьи. Наконец, у меня нет дома. Понимаете, о чём я говорю? А у вас сейчас пока ничего нет, но завтра будет всё. Простите, Валерий Сергеевич, я завидую вам.

И, не прощаясь, он вышел из кабинета.

«Попробуйте теперь понять, что здесь истина,
а что заблуждение?..»

ГЛАВА XIII

ПРИТЯЖЕНИЕ

Елене Борисовне не спалось. Которая уже ночь для неё превращалась в мучения. Как только пелена сна набегала, тело неожиданно вздрагивало и в сознании невольно всплывали либо фрагменты беспокойного дня, либо образы коллег, как и она, вовлечённых в эту непонятную игру за право заниматься наукой и за право остаться не втянутым в склоки внутри неё...

Мысль разжигала сон...

... Одними из первых к изучению генетики и молекулярных механизмов апоптоза приступили С. Бреннер, Дж. Салстон и Р. Хорвиц. Все трое в 2002 году были удостоены Нобелевской премии по физиологии и медицине за открытия в области генетической регуляции развития органов и за достижения в исследованиях программируемой клеточной смерти. И теперь этой проблемой занимаются они с Валерием.

... Кучерова вставала, ходила по комнате и старалась отвлечься от любых мыслей, лишь бы заснуть. К снотворному она прикасаться боялась, ибо не хотела быть втянутой ещё и в необходимость избавления от последствий приёма таблеток.

Часы уже спешили за полночь. К тому же до сих пор не звонила дочь. Её в театр пригласил Степан. Дочь его ласково называла Стёпушкой. Уже как час назад закончилась премьера в театре.

Елена Борисовна взяла в руки телефон, но он сам неожиданно зазвонил. Это была дочь.

– Юля! Я уже изволновалась. Где ты?

– Мама, мы около подъезда...

– Ну так заходите домой.

– Стёпушка стесняется...

– Дай ему трубку, Юля... Стёпа? Заходите, пожалуйста, в квартиру, я чай поставлю.

– Спасибо, как-то неудобно и поздно уже...

– Заходите, заходите! Я иду на кухню ставить чай. А может быть, лучше кофе?..

– Мамочка, мы уже заходим, – ответила за Степана Юля, забравшая телефон у друга.

На кухне время, которое в бессоннице тянулось медленно, а ощущение его тяжести в сознании было настолько осязаемым, что болела не только голова, но, кажется, страдало всё тело, пошло быстро. Теперь за беседой беспокойство отхлынуло.

– Ладно, полуношники! Поздно уже. Я пойду отдыхать, – сказала Елена Борисовна.

Степан встрепенулся и заторопился покинуть квартиру.

– Нет уж, дети мои. Юля, постели Степану в бабушкиной комнате, а сама отдохнёшь в зале. Общественный транспорт уже не ходит, а в ночь я Степана не отпущу. И никаких разговоров! Время беспокойное. Всем отдыхать! А Степан сейчас позвонит домой, чтобы успокоить родителей.

– Мама! Он живёт в общежитии, – ответила за Степана дочь.

– Тогда всем спокойной ночи. Отдыхайте, а я пошла к себе.

В постели Лена почувствовала, как наконец сон овладел ею, и она заснула.

Сон был тяжёлым... Какие-то глухие шаги по лестнице, спускавшейся в подвал, где она иногда подбирала реактивы для работы в лаборатории, а по лестнице-то никто и не шёл... В подвале за столом у компьютера сидел Валерий, освещённый тусклой лампочкой. А на экране монитора была она сама... Он пытался удалить это наваждение, несколько раз пытался перезапустить какую-то программу, а монитор не реагировал на его усилия... Сама же Кучерова улыбалась и звала его. А Валерий поднимал левую руку и закрывал своё лицо, словно его любимая была для него каким-то наваждением...

Елена Борисовна проснулась опять с ощущением какого-то страха...

«Так с ума можно сойти», – подумала Лена. Она надела халат и осторожно хотела пройти в ванную. Дверь в зал была открыта, и она увидела, как, прижавшись друг другу, дочь и Степан спали на диване среди разбросанных подушек.

В ванной Лена посмотрела на себя в зеркало и неожиданно в уголках глаз заметила едва заметные морщинки.

«Тебе же скоро будет сорок семь, родная, – сказала себе Лена. – А дочери сейчас как раз столько же лет, когда я впервые стала женщиной с человеком, которого, как казалось тогда, любила».

Потом она почувствовала, что это была только первое ощущение влюблённости. А когда дочери исполнилось семь лет и она пошла в школу, муж её оставил. Разрыв был глубоким и бескомпромиссным. И с тех пор Куче-

рова возненавидела мужчин, потому что ей казалось, что они все абсолютно одинаковы. Воспитывала дочь одна. А когда Юля поступила на первый курс университета и умерла мать Елены Борисовны, только в своей дочери и науке она видела смысл жизни.

Свою недоброжелательность к мужчинам Кучерова выражала обострённым чувством необходимости не только казаться независимой от них, но и всегда быть безупречно и даже вызывающе красиво одетой, что подчеркивало статус независимой женщины. Она чувствовала, что это сильно возбуждает мужчин. Не один раз ей приходилось мягко отказывать в ухаживаниях видным особям мужского пола: они не возбуждали женщину. Она словно заперла свои чувства на замок, ключ от которого сознательно выбросила.

И только однажды, когда на международной конференции по расшифровке генома человека она в вестибюле столкнулась с Валерием, Лена неожиданно поняла всю нелепость своего одиночества. Всё словно опрокинулось, перевернулось в жизни: она уже искала глазами Ходокова, а когда не находила, всё в ней желало найти его. Но тут же боялась сама, если тот почувствует необходимость увидеть её и заговорить с ней. И тогда она превращалась в трусишку, трепетавшую только от мыслей, что так и произойдёт...

И это действительно произошло на банкете после проведения конференции в секции генетиков. Рядом с Леной за прекрасно накрытым столом сидела какая-то женщина, а другое место было не занято. Мужчины проходили мимо, иногда задерживались с желанием присесть рядом, но почему-то находили другие свободные места. Елене тогда показалось, что её независимость просто кричала в её выражении красивого лица, одежде и манере держать мужчин на расстоянии. И тут подошёл Валерий. Спросил, не занято ли, и непринуждённо оказался рядом...

Кучеровой вдруг вспомнилось, как однажды, уже встречаясь с Ходоковым, она спросила его о том, почему он присел именно к ней на банкете. Он засмеялся и выпалил: «Твоё лицо и всё существо твоё просто кричало, чтобы к тебе подсел кто-нибудь. И я счёл за наглость подсесть к тебе, потому как точно предполагал, что ты скажешь «занято».

Иногда мы думаем, что в нашем лице и манере держаться написано то, что мы хотим, чтобы видели другие, а на самом деле в нём отражается внутреннее содержание, противоречащее нашему желанию диктовать лицу и манере то, что хотим. И лицо, и манеры выражают иногда явно противоположное...

Зайдя на кухню и сварив себе кофе, Лена думала теперь о дочери.

«Лишь бы Юля не повторила мою судьбу. Парень у неё славненький, так и светится у него лицо, когда смотрит на дочь. Но страсть – штука проходящая и проходящая. Что за ней последует? Привязанность или что-то большее...?»

Леночка, не допив кофе, тихонько вышла и закрыла дверь. Утренняя зимняя свежесть вернула её сознание в обычное русло жизни с каким-то всё нарастающим и непреодолимым чувством тревожного ожидания.

11 января. 10.00.

*Кабинет Руднева. Присутствуют:
спелеолог Коневцев Виталий Андреевич,
диггер Костя с Левого Берега*

Перед готовящейся новой операцией по ликвидации деятельности уже другой засекреченной биохимической лаборатории Руднев решил встретиться у себя в кабинете со спелеологом, о котором говорил диггер Константин с Левого Берега, помогавший группе захвата предупредить возможность бегства главных фигурантов, которые интересовали спецслужбу. Ему нужно было ещё раз исключить любые возможности исчезновения кого-либо причастного к разработкам искусственных биокомпонентов. Поэтому, когда секретарь сообщила ему о том, что приглашённые ждут, подполковник попросил пригласить их.

Руднев вышел из-за стола и поздоровался со спелеологом и диггером.

– Располагайтесь. Сейчас кофе, чайку попьём вначале, а затем поговорим...

Вошла секретарь, молча поставила электрический чайник с приборами и вышла.

– Кому чай, кому кофе, пожалуйста, – пригласил Руднев.

Подполковник с интересом рассматривал спелеологов.

«И что же этих красавцев-бедолаг так тянет в подземелья, где сырость, темнота? Приключения? Страсть? Романтика первооткрывателей? Что?»

Он вспомнил, как в детстве в Крыму в первый раз оказался с другом в катакомбах. Тени от фонаря «летучая мышь», заправленного керосином, пугающе бегали по стенам подземелья, и ему было жутковато идти за своим товарищем, освещавшим его единственным закопчённым светильником, пока он не спросил его:

– Гришаня, а... тебе нестрашно?

– Страшно...

– А что мы тогда пошли сюда?

- Ребята ходили, а мы что?..
- Гришаня, мне страшно.
- Ладно, трусишка, пошли обратно...»

Допив кофе, спелеолог поставил чашку на стол и достал из портфеля сложенный вчетверо лист бумаги.

– Константин Павлович, смотрите.

Руднев подошел и посмотрел на схему подземных ходов и поинтересовался:

– Хорошо, а вот эти два ответвления тупиковые, Виталий Андреевич?

– Нет. Сбоку этих двух ходов два колодца, обозначенные квадратиками. Они связывают первый и второй этажи галерей. Колодцами никто давно не пользовался.

– И всё-таки ими когда-то и кто-то пользовался? – спросил Руднев.

– Да, но эти галереи открыты Константином... Он может больше рассказать о них.

Чуть заикаясь, Костя с Левого Берега, как обычно звали диггера, подвинул к себе лист бумаги.

– Колодцами мы в последний раз пользовались года два назад. Они действительно соединяют верхний горизонт с нижним, но эти горизонты естественного происхождения и связаны с деятельностью подземных вод. Выход на поверхность есть только через второй колодец, но там жутковатое место: вода по пояс. Одним словом, в принципе, выход на поверхность есть в районе виадука центрального рынка, но этим выходом со второго горизонта вряд ли когда-нибудь и кто-нибудь пользовался.

Руднев поставил карандашом крестик возле виадука.

Коневцев обвёл карандашом гроты в районе предстоящей операции.

– Вот эти выработки очень хорошо укреплены. Среди них есть два ответвления. Мы их полгода не посещали, а тёжке (он кивнул в сторону Кости с Левого Берега) приходилось...

– Да, действительно ответвления есть, – продолжил тот. – Но полгода назад они оказались перекрыты толстыми решётками, закреплёнными анкерными креплениями. За ними открываются галереи подземных сооружений, архитектура которых нас никогда не интересовала. Похоже, эти сооружения связаны либо какими-то коммуникациями, либо являются продуктом строительства, например, убежищ, хранилищ и так далее. Диггеров такие сооружения не интересуют.

– Нам они хорошо известны, – ответил Руднев. – А какие вас интересуют?

– В первую очередь – пещеры, образованные естественным путём под влиянием подземных вод, – продолжил уже спелеолог. – Они много могут любопытного рассказать о геологии, скрытой под поверхностью, о пустотах и камерах, в которых селится всякая живая тварь при условии связи их с поверхностью. Наконец, имеются места, соединяющиеся с гротами искусственных отработок камня. Вот в этом районе, например, нами установлены места древних захоронений людей. Они явно были разграблены давно и не связаны с главным комплексом подземных ходов, которые ещё не все нами посещались. А вот этот район больших искусственных выработок наполовину заполнен водой, но они явно были пробиты во время войны. Там кое-где даже сохранилась какая-то военная немецкая амуниция времён Великой Отечественной...

Руднев подошёл к своему столу, взял большой рулон со схемой подземных коммуникаций города и вернулся к собеседникам.

– Нас интересуют вот эти два места. – И пальцем он очертил круг обозначенных камер вначале на схеме, а затем и на плане подземных сооружений. – Если вы говорите, что видели места, закрытые металлическими решётками, есть ли под ними нижние этажи, в которые можно проникнуть вот из этих сооружений?

– Есть, и немало.

– Из них есть выходы на дневную поверхность?

– Есть, и не один.

– Можете показать на этом плане? – Руднев развернул план более крупного масштаба.

Костя с Левого Берега, не задумываясь, показал места выхода на поверхность. Руднев обозначил их карандашом.

– Давно посещали эти места?

– Год назад. Это хорошо сохранившиеся гроты. Есть много следов, что ими пользовались другие, не мы.

Руднев свернул схемы и планы.

– Вы нам очень помогли. Спасибо! А вот те планы, схемы, которые у вас явно есть, кто, помимо вас, имеет к ним доступ или, может, интересовался ими?

– Схемы и планы, какими я располагаю, – начал спелеолог, – находятся в департаменте ЖКХ. Ко мне обращаются иногда коммунальщики в случае, например, большой утечки воды в коммуникационных колодцах в результате сильных ливней или аварий водо- и теплоснабжения.

– А у вас, Костя?

– Все схемы и планы наших посещений находятся только у меня. Прав-

да, года два назад... да, около этого, ко мне обратился один человек. Кажется, он работает в краеведческом музее. Прознал про существование диггеров, каким-то образом вышел на меня, показал схему, которую вы нам только что демонстрировали, и задал только один вопрос. Он звучал примерно так: мол, мы планируем организовать исследования подземных ходов с целью изучения возможных захоронений под этим комплексом. И показал место на схеме в нижнем углу, на которой была даже какая-то печать, подписи и т.д. Мол, может ли быть какая-то подземная связь этого комплекса с какими-нибудь пещерами? Я улыбнулся и ответил, что связь-то есть, только захоронения находятся восточнее, и показал ему место.

Руднев задумался. «Чёрт знает, что творится под носом у нас и наших городских властей. Территориальные власти не знают, кто и чем интересуется под самим городом...»

– Ещё раз большое спасибо вам. Возможно, мы ещё поговорим с вами.

11 января. 14:05 мин.

Краеведческий музей Южного города

– Пантелей Михайлович! К вам из администрации города, – зайдя в кабинет директора музея, сообщила секретарь.

– Пригласите... хотя... хотя я сам лучше выйду... Как-никак начальство, кажется, к нам пожаловало, – ответил директор музея.

У витрины с муляжами рыбного разнообразия Юга России стоял крепкого телосложения человек и разглядывал экспонаты.

«Что-то не похож на чиновника», – с каким-то беспокойством подумал директор и подошёл к посетителю.

– Вас интересует фауна региона? – с подобострастием спросил директор музея.

– Ещё бы! Сам рыбак... А вы, Пантелей Михайлович, охотник или рыбак? – с какой-то ехидцей во взгляде спросил посетитель.

«О чём это он?» – не на шутку уже встревожился Пантелей Михайлович.

– Нет. Просто любитель природы... А, собственно, вы по какому поводу ко мне?

– По главному, – ответил посетитель. Он открыл портфель и положил на стеклянную витрину план подземных коммуникаций города.

– Откуда и для какой цели у вас находится такой план?

Внутри директора музея всё похолодело. Он замешкался, но всё же заинтересовался:

– А с кем я имею честь говорить?..

– Со старшим лейтенантом ФСБ Олегом Сергеевичем Сидельниковым, – ответил гость.

Бледность покрыла лицо Пантелея Михайловича.

– И всё-таки зачем вам, директору краеведческого музея, понадобился план подземных коммуникаций?

Пантелей Михайлович закрыл лицо руками и еле слышно сказал:

– Когда-нибудь это должно было случиться... Я всё расскажу...

– Хорошо! Выйдем к машине и проедем к нам. Здесь, как вы сами знаете, недалеко, – пригласил Сидельников директора.

...

В кабинете Сидельников практически не задавал никаких вопросов директору музея, просто слушал его монолог и думал, как витиевато иногда складывается судьба человека.

– Года два тому назад, – начал монолог директор, – в музей пришёл человек и представился начальником проекта по строительству будущего метро города, Сердюком Леоном Венгеровичем. Он спросил о том, что, мол, нам, краоведам, известно о наличии подземных пустот и пещер под городом. Я ответил, что это не в нашей компетенции и что ему лучше обратиться в геологическую службу.

Тогда он достал из портфеля бумагу и показал её мне. Это была копия ведомости приобретённых мною за бесценок золотых раритетов, похищенных из одной скифской гробницы чёрными копателями буквально за два дня до его прихода. Купил за средства, выделенные музеем на приобретение различных экспонатов, характеризующих прошлое региона. Сумма была приличная. И он мне напомнил, что за это полагается. Но если я под предлогом освоения выделенных музеем денег на приобретение раритетов пушу их на изучение карстовых пещер под городом, то о моём приобретении никто и никогда не узнает. Проект и смету документации он тут же мне показал, причём сумма точно соответствовала средствам, выделенным музеем на приобретение экспонатов.

Я тогда спросил неизвестного гостя, вмиг изменившего всю мою жизнь, о том, что я должен делать. Он ответил просто, что практически ничего. «Вы заведёте знакомства с диггерами, которые бесконтрольно лезут по карстовым пещерам, и постараетесь узнать у них: есть ли система подземных ходов, которые могут связывать участки подземных коммуникаций, вот здесь». Он показал мне план их размещения. Это было рядом с музеем. Добавил, что ему это нужно для того, чтобы, зная о такой связи, на строительстве подходов к будущему метро он смог сэкономить миллионы

рублей. Мол, и мы заработаем, и вы останетесь при своих раритетах. Я согласился.

Случай мне помог выполнить задание. В небывалый ливень под музеем прорвался коллектор ливневой канализации. Два дня копались коммунальщики. Я поинтересовался, а куда всё-таки вышла вода из коллектора. Один из них сказал буквально следующее: «Через карстовую дыру. К вечеру придёт диггер и всё покажет нам на схеме. Полдня работы – и мы забьём эту брешь».

Так я встретился с диггером и, ничего не скрывая, представился работником музея. Показал ему схему, которую мне передал назвавшийся Сердюком, под предлогом: может ли быть какая-то подземная связь этого комплекса с какими-нибудь захоронениями. Он ответил, что захоронения находятся в другой стороне города, а вход в пещерный комплекс находится прямо... под музеем...

Я сообщил об этом Сердюку по оставленному им телефону. Он приехал, забрал схему и сказал, что всё в порядке и что, мол, больше он беспокоить не будет.

Но на самом деле оказалось не так. Я уже почти начал забывать эту историю: прошло больше чем полгода. Но однажды Леон приехал ко мне с каким-то человеком и попросил спуститься вместе с ними в подвал.

В подвале был обычный хлам от пришедших в негодность экспонатов, который накапливался годами ещё до меня. Когда я открыл дверь в подвал и включил свет, сопровождающий прошёл вперёд и начал разбирать хлам, освобождая проход. Наконец он отодвинул большой стеллаж в сторону – там оказалась металлическая дверь. Она была новенькой, словно её поставили только что. Раньше там двери никогда не было... Сплошной бетон.

– И куда эта дверь ведёт? – перебил монолог Руднев.

– Именно этот вопрос и я задал ему. Сердюк повернулся ко мне и сказал тогда. Нет не сказал – приказал: «Об этой двери должен знать только я. Никто другой. В подвале никто не должен появляться. Охрану музея мы возьмём под свой контроль. А это... тебе», – и передал мне пакет.

– Деньги? – спросил Руднев.

– Да... Много.

– В валюте?

– Нет, в рублях.

– И сколь долго существует охрана в музее, которую заменил Леон?

– Около года.

– Костя! Говорит Руднев. Дорогой, ты нам срочно нужен. Где ты сейчас находишься?

– Дома.

– Бери такси. Я оплачу. И, пожалуйста, приезжай к краеведческому музею... Жду.

Руднев прохаживался около колонн у входа в музей. Когда Константин подъехал, Руднев подошёл к водителю и расплатился за диггера, отказавшись от сдачи, он взял под руку Константина, и они вошли в музей. Их встречал директор музея.

– Поздоровайся, Костя. Это тот человек, который тебе демонстрировал план подземных коммуникаций города?

– Да, он... А что случилось?

– Ничего, тёзка. Это наш товарищ.

Костя пожал плечами.

– А теперь, тёзка, Пантелей Михайлович нас подождёт в своём кабинете с товарищем, а ты проследуешь со мной: покажу интереснейший экспонат. Ты был когда-нибудь в этом музее?

– Давно, когда учился ещё...

– Тогда тебе понравится. Пошли.

Спустившись в подвал, Руднев провёл к противоположной его стороне. Открыл дверь. Включил свет.

– Проходи, Константин.

Диггер, пройдя около тридцати метров, подошёл к колодцу.

– Смелей! Я за тобой, – сказал Руднев. – Там шикарная лестница.

Когда диггер спустился и вошёл в коридор, перед ним в его конце оказалась решётка. Руднев включил фонарь, осветивший грот с другой стороны решётки.

– Это именно то место, о котором я вам говорил, Константин Павлович!

– Вот и ладненько, – похлопал по спине тёзку Руднев.

– Выходит, открытый грот непосредственно соединился ... с музейным подвалом?

– Выходит, Костя, выходит. И это очень хорошо, что сюда, а не куда-нибудь. Только достать ключ, открыть замок... и мы будем в краеведческом музее слушать об истории нашего края.

– Вы это о чём, Константин Павлович?

– Когда-нибудь я расскажу историю, о которой не догадываются такие опытные диггеры, как ты, Константин. Но то, что видел, пока забудь.

18 января. 19:10.

Кабинет начальника Главного управления ФСБ города
полковника Николая Ивановича Белевцева.

Присутствуют: подполковник Владлен Аркадьевич Веленский,
руководитель спецгруппы УФСБ города Южного,

подполковник Руднев,

Андрей Всеволодович Коробкин – представитель ФСБ РФ,
директор НИИ микробиологии Круглов,

главный инфекционист города Кодак,

вирусолог Дутьшев

Полковник Белевцев докладывает генералу УФСБ Муровцеву по закрытой связи.

– Товарищ генерал! Команда готова к выполнению задания по обличению и ликвидации незаконной деятельности биохимической лаборатории по разработке биологических компонентов, которые могли быть положены в основу разработки биологического оружия.

По данным внедренных нами в незаконную деятельность биохимической подпольной лаборатории специалистов, установлено следующее:

1. Лаборатория закончила испытание биокомпонентов на животных по изучению влияния искусственно созданного вируса и девяти его штаммов, участвующих в цепочке переноса заболевания от животных к животным. Исследования проводились по кластерному принципу таким образом, что каждый специалист легальной и закрытой лаборатории не знал общей схемы взаимодействующих кластеров и цели исследований.

2. Открыт механизм возможного переноса и мутации вируса от животного к человеку.

3. В засекреченной части лаборатории специалисты приближаются к финалу исследования по разработке вакцины с испытаниями на животных и человеке, а также сателлитов группы субвирусных агентов, состоящих из ДНК, которым для размножения в клетке-хозяине необходимо, чтобы она была заражена другим вирусом.

4. Настоящая лаборатория под крышей легальной НКО представляла собой субкластер, связанный с другим из ликвидированной группы лабораторий «Наркис». Мы предполагали, что этот кластер предназначен исключительно для снабженческих функций и он не связан ни с целями, ни с задачами исследований ликвидированного субкластера «Наркис». На самом деле оказалось, что это была ещё более законспирированная часть лаборатории, находящейся под контролем другой иностранной спецслужбы.

С помощью завербованного директора краеведческого музея этой службе удалось за сравнительно короткое время соединить под музеем подземные гrotы нижнего этажа пещерного комплекса. Таким образом, было подготовлено отступление на случай экстренной эвакуации лаборатории и ответственных специалистов, включая давно разыскиваемого нами Сердюка Александра Венгеровича, он же Майер Луис, – куратора программы разработки искусственных вирусов. Он наполовину немец, наполовину англичанин.

– То есть сценарий запасного выхода похож на вариант отхода группы «Наркиса»? – перебил генерал.

– Так точно. Как говорится, по образу и подобию... Из подземного хода можно выйти незамеченными почти в центре города и затем смешаться с горожанами.

– Похож на разработанный одной спецгруппой сценарий. Надо поразмыслить над этим.

– Так точно.

– Итак?

– Сложившаяся ситуация не терпит промедления завершения операции по обличению и прекращению действия глубоко законспирированной биохимической лаборатории, работающей по кластерному принципу исследований под прикрытием легально существующей лаборатории. Команда готова к операции, товарищ генерал.

– Николай Иванович! Действуйте по намеченному плану операции и докладывайте мне по обстоятельствам её прохождения. Максимум осторожности при проведении операции группой блокирования и захвата. Ни один документ, ни одно вещественное доказательство, ни одна склянка, пробирка и прочее не должны исчезнуть за пределы лаборатории. Нашим микробиологам, инфекционистам под непосредственным руководством ответственных лиц за нераспространение возможных инфекций за пределы лаборатории по завершении операции блокирования и захвата всех причастных к закрытому кластеру лаборатории лиц приступить к немедленному и скрупулёзному анализу полученных материалов и результатов засекреченных исследований.

– Товарищ генерал! Павел Петрович, все специалисты: биохимики, вирусологи и руководство с сопровождением бактериологической безопасности операции – предупреждены или присутствуют в кабинете. Задачи им понятны. Через полчаса приступаем.

– Ещё раз: максимум осторожности! Удачи всем в завершении операции.

– Спасибо, Павел Петрович.

19 января 10:00.

Конгресс-холл университета.

Закрытая конференция генетиков по теме:

«Проблемы и пути развития современной генной инженерии».

Председательствует академик Минеев Ринат Аскарлович,

куратор программы гена старения.

Приглашенные учёные из смежных областей наук:

физики, математики, биохимики

Председатель начал заседание издалека.

– Если XX век по уровню развития фундаментальных исследований в нашей памяти представлялся как век стремительного развития физических наук, то XXI век по праву отнесён к веку молекулярной биологии, которая включает в себя в том числе достижения фундаментальных исследований в области физики, химии, биохимии, математики и цифровых технологий. Другими словами, фундаментальный прорыв в области представления о живом и его эволюции стал возможным в результате междисциплинарных исследований широкого круга специалистов. Внедрение информационных технологий, программ кодирования белков, ДНК, расшифровка их структуры взаимодействия с другими образованиями, как это удавалось делать исчезнувшему гениальному биофизику Ходокову...

– Всплывёт где-нибудь за рубежом! – раздался голос из зала. – Гениальность у нас ничего не стоит...

– Не торопитесь делать выводы, коллеги, – ответил академик.

Елена Борисовна, сидевшая в зале рядом с профессором Чудновым, горько произнесла:

– Как мы торопимся судить других! Почему, если Валерия Сергеевича не смогут до сих пор найти, то он обязательно сбежал за рубеж?

– Человек не иголка в стоге сена. Бесследно он исчезнуть не мог. Валерий Сергеевич просто для нас без вести пропавший, хотя и не война ведь? А в общем, как сказать...

– А мне кажется, война, Степан Николаевич... Только в голову не возьму, где фронт проходит?

– Через наши души и научные школы, пытающиеся во что бы то ни стало быть первыми в решении проблемы старения...

– Странно как-то.

– Всё образуется, Леночка, всё образуется. Слишком многое сошлось на проблеме гена старения... Не помню в своей бытности учёного, чтобы

проводили закрытые научные конференции с участием ФСБ. Не помню, Леночка... А тут ещё этот священнослужитель, восседающий в переднем ряду зала... Панихиду, что ли, пришёл справлять по современной генетике?

– Полно вам, Степан Николаевич! И так всё перемешалось. Даже жутковато как-то, – ответила Елена Борисовна. – Смотрите, какие светила съехались в наш город, и все словно ждут какой-то развязки. Я очень боюсь выступать...

– У вас есть, Леночка, главное: вам есть что сказать. Вы вышли на самую модель редактирования ДНК. Вы нашли очень простой и прямой путь отключить ген старения...

– Отключить-то его можно, но как не допустить мутаций, включающих его снова... Ведь главное, что известно нам: ускорение мутаций в развитии живого – одна из возможностей вымирания самих организмов. Чем позже они появляются, тем быстрее исчезают.

– Леночка! Вам нужно просто успокоиться. Мы не знаем ещё всего того, что удалось другим. Группе во главе с академиком Филоновым явно удалось сделать что-то очень важное. Об этом конфиденциально намекнул Поневич до заседания с Сочевановым, вошедшими в эту группу. Давайте послушаем дальше...

Академик продолжил:

– Так вот... междисциплинарные исследования в различных областях научного знания и достижения самой генетики показали не только то, как сложно устроена жизнь и представления о её эволюции, но и позволили сделать первые шаги в направлении влияния разума на сам процесс развёртывания живого во времени. Генная инженерия тому пример. Однако она должна базироваться на глубоких знаниях основ эволюционного учения, которое предполагает знание тех фундаментальных законов природы, что определяют границы естественного развития живого и возможные пределы влияния на него современной генетики. Уточню: на необходимость оценки пределов возможного вмешательства человека в генетическую особенность эволюции живого. Здесь речь идёт не только о генетических технологиях, но и последствиях и ответственности генной инженерии за вмешательство в структуру генома человека.

Теперь, для того чтобы понять, где находится современная генетика в части исследования самого человека, а также в связи с тем, что здесь присутствуют уважаемые специалисты в области физики, математики и биохимии, необходимо напомнить следующее. – Академик кивнул головой специалисту по трансляции его презентации доклада и продолжил:

– Как известно, под геномом живого, в том числе человека, понимают совокупность генетического материала гаплоидного набора хромосом, заключённых в клетке человека. Проект «Человеческий Геном» стартовал в 1990 году под руководством Джеймса Уотсона, описавшим структуру молекулы ДНК, за что и стал Нобелевским лауреатом по физиологии и медицине совместно с Френсисом Криком и Морисом Х. Ф. Уилкинсом в 1962 году.

На слайдах демонстрировались главные рубежи исследования генома человека.

– Основной целью международного Проекта, в котором, помимо США, принимали участие генетики Китая, Франции, Германии, Японии и Великобритании, – продолжал докладчик, – являлось определение пар оснований, которые составляют генетический код (ДНК) человека, обеспечивающий хранение, передачу и реализацию из поколения в поколение генетической программы развития и функционирования организма, а также выявление, картирование и секвенирование, то есть определение порядка расположения нуклеотидов в нуклеиновых цепях человеческой ДНК всех генов человеческого генома, заключённого в клетке человека как с физической, биохимической, так и с функциональной точек зрения.

В результате международной кооперации и новых достижений в области генетики, вычислительной техники большинство целей пятнадцатилетнего Проекта генома был закончен даже на два года раньше, чем планировалось. Секвенирование 99,99 % человеческой ДНК уже было достигнуто к 2022 году. Проект не только превзошёл все цели и выработанные ранее стандарты исследований, но и продолжает улучшать уже достигнутые результаты.

Оказалось, что подавляющая часть человеческого генома одинакова у всех людей. Число генов у человека лишь ненамного больше, чем у более простых организмов. Это может указывать на то, что эволюция живого передаётся на разный уровень его организации по единому закону трансляции подобия организации самой природы на любой уровень как живого, так и неживого вещества, поскольку неживое вещество в форме различных соединений участвует в составе живого. В этом смысле на нашей конференции будет поднят вопрос об общей теории эволюции всего, составляющего материальный мир. С этим докладом выступит присутствующий здесь известный генетик Поневич.

Знание последовательности человеческой ДНК уже приносит результаты в биологии и медицине. Наступило время планировать секвенирование модельных организмов.

Аналогичный по целям и задачам параллельный проект «Человеческий Геном» был запущен частной компанией Celera Corporation и завершился раньше международного проекта. Основной объём секвенирования был выполнен в различных университетах и исследовательских центрах США, Великобритании, Японии, Франции, Германии и Китая, но, в отличие от международного проекта, компания Celera Corporation использовала «метод дробовика», или фрагментации генома. При этом компания решила добиваться патентной защиты интеллектуальной собственности на полное описание важнейших структур. Однако, в отличие от проекта с государственным финансированием, фирма не давала разрешения на свободное распространение или коммерческое использование своих данных. Президент же США Клинтон заявил, что последовательность генома не может быть запатентована и обязана быть свободно доступна для всех исследователей как достояние всей генетической науки.

Существуют многочисленные определения, касающиеся «полной последовательности человеческого генома». Согласно некоторым из них, геном уже полностью секвенирован. Другие не без основания утверждают, что ещё предстоит много работы по уточнению порядка расположения нуклеотидов в нуклеиновых цепях человеческой ДНК.

Из-за желания найти гены, которые бы отвечали за разные свойства и функции их в геноме человека, некоторые генетики поспешили заявить о том, что мутации, представляющие собой стойкое изменение последовательности ДНК, образуют, например, так называемый ген гениальности. Подобные мутации могут одних людей и их популяции сделать более интеллектуально развитыми по отношению к другим индивидам и популяциям. Некоторые эксперты в этом заметили проявление расизма.

Так, например, первооткрыватель ДНК Джеймс Уотсон, являющийся лауреатом Нобелевской премии и стоявший у истоков Проекта генома человека, в одном из интервью говорил о том, что у разных рас интеллект разный: у одних – продвинутый, у других – нет. В результате лауреат Нобелевской премии был не только отстранён от работы в лаборатории, но и лишился всех почётных званий. Другими словами, в интерпретации полученных генетических исследований нужно быть предельно осторожным.

В рамках генетических исследований неоднократно поднимались вопросы о продлении средней продолжительности жизни человека с помощью генной инженерии. Идея гена старения привлекла внимание многих исследователей, поскольку в этом действительно просматрива-

лась вероятность возможного управления геном старения с целью увеличения продолжительности жизни отдельных людей и их популяций.

Именно возможность редактирования гена старения генома человека и послужила толчком к крупномасштабным исследованиям разных специалистов. А по данным известных наших и зарубежных генетиков, прорыв в этой области был осуществлён Андреем Варенцовым из НИИ биологии г. Южного, что заставило иностранные спецслужбы развернуть деятельность по обладанию результатами открытия Варенцова.

Резонанс вокруг проблемы гена старения заставил международную общественность и различные генетические школы развернуть широкомасштабные исследования в этом направлении. Не исключением являются научные школы России.

Взяв на себя обязанность мозговой атаки на проблему гена старения генома человека, мы неожиданно по-новому оценили разработки в этом направлении трагически погибшего Варенцова, который действительно, случайно или нет, но не только подошёл близко к разгадке проблемы старения генома, но и понял последовательность кодирования белков в направлении управления геном старения. К сожалению, мы до сих пор не располагаем его выводами о механизмах старения и возможности влиять на сам ген старения с помощью достижений современной генетики. Тем не менее полученные результаты присутствующих здесь специалистов дают полное основание говорить нам не только о том, что ген старения запущен самим ходом эволюции человека, но и о том, что появилась возможность искусственно влиять на скорость мутации этого гена и замедлить старение организма человека.

В результате нашей мозговой атаки мы пока не достигли общей точки зрения на проблему управления геном старения. В ней есть основания как для скептицизма, так и для оптимизма. Поэтому сегодня мы рассмотрим разные точки зрения и наметим программу дальнейших исследований.

Правда, есть серьёзные основания полагать, что в научное соревнование по этой проблеме включились иностранные специализированные, глубоко законспирированные биохимические лаборатории на нашей территории в рамках так называемых некоммерческих организаций (НКО), о которых в конце нашего заседания нам расскажет представитель ФСБ, который вот-вот должен появиться в зале.

Председательствующий сделал небольшую паузу и заключил:

– В целом, во введении я в общих чертах обрисовал проблему, которой будут посвящены выступления не только генетиков, но и представителей прикладных смежных наук, в том числе математиков и программистов,

стов, занимающихся проблемой кодирования и мутаций ДНК.

А сейчас пойдём по порядку...

С краткими докладами выступали эксперты биохимики, генетики, экспериментаторы НИИ биологии РАН и говорили о том, что на сей день известно в мировой науке по проблеме гена старения. Говорили, но что-то явно недоговаривали.

– Странно, прошёл слух о прорыве в области гена старения группой Филонова – и на тебе, опять... ничего, – буркнул впереди сидящий Долматов. – А на самом деле все завязли в простой истине о мифе гена старения как способа, ограничивающего не время существования вида, а время его перехода в другое состояние генома. Просто надо заниматься генетикой, а не профанацией...

Чуднов и Кучерова промолчали.

После небольшой паузы, возникшей в президиуме конгресс-зола, к председательствующему подошёл какой-то молодцеватый человек и передал какую-то записку. Ринат Аскарлович погрузился в её чтение.

Записка была от генерала УФСБ Муровцева.

«Ринат Аскарлович, небольшая задержка. Пока реализуйте свою программу. Через час-полтора мы будем на месте. Муровцев».

Минеев снял очки, посмотрел в сторону сидящего в переднем ряду священника и продолжил:

– Коллеги! Поскольку в СМИ заговорили об этических, нравственных последствиях генетики и уже трубят о возможности создания генетического оружия, я бы хотел предоставить слово – он посмотрел в список приглашенных – игумену Афанасию, руководителю мужского монастыря. Послушаем, что думает о современной генетике церковь, прежде чем дать слово профессору Сочеванову, который доложит нам о результатах экспериментов по редактированию гена старения генома человека.

Послышались голоса: – Причём здесь религия! ...Если её приплетать к генетике, мы вернёмся в средневековье!

В зале возникло какое-то замешательство, но, когда священник вышел к трибуне, почему-то стало тихо.

Игумен говорил негромко, без бумажки, но его слушали даже те, кто по случаю иногда мог отпускать реплики по существу выступающих.

– Здесь только что в одной реплике прозвучала мысль о том, что, мол, нельзя приплетать религию к генетике. Во-первых, когда ещё не существовала наука, религия помогла гомининам не сойти с ума, поскольку на многие вопросы, которые возникали у древнего человека, он не мог найти ответа, а потому делегировал эту возможность духам в язычестве,

а позднее – и Богу в разных мировых религиях. И, постепенно познавая действительный окружающий мир, даже современный человек не всегда мог найти ответы на все вопросы, с которыми он сталкивался в жизни. Поэтому наука и вера идут рука об руку до сих пор.

Модель, согласно которой наука представляется противником религии, сегодня не может объяснить сам феномен единства связи научной мысли и духа. Если генетика пытается квантовать живое, чтобы понять его целостность, то религия понимает целостность живого в рамках духовной сущности человека, направленной не только на познание самого себя в действительном мире, но и на познание самой сущности творения живого. И в этом смысле лучше никогда не разделять сущность науки и религии, ибо мы тогда точно станем биологическими роботами, а мысли о границе разума и духа превратят наш мозг в лучшем случае в биологический компьютер, который не способен чувствовать, страдать, любить. Поэтому спор о границах науки или религии ни к чему не приведёт, ибо впервые теорию Большого взрыва о происхождении Вселенной сформулировал бельгийский священник Жорж Леметр. Он же, как всем известно, известный астрофизик, космолог и математик, а основоположил генетику монах Грегор Мендель. Дух движет научной мыслью, а одухотворенная научная мысль никогда не будет способна на то, чтобы генетику направить в русло уничтожения живого и разумного.

Не так давно человечество внедрилось в строение ядра атома. В итоге оно получило атомное оружие, которое, как Дамоклов меч, висит над всеми нами. Но познание устройства атома одновременно открыло доступ к ядерной энергии, а скоро, видимо, человечество подойдёт к управляемому термоядерному синтезу, способному на века решить проблему дефицита энергии.

Наконец мы внедрились в геном человека и получили проблему возможного вырождения человечества путём попытки управления отдельными генами, а затем геномом целых людских популяций. Но в то же время с помощью генетики мы вышли на новые рубежи медицины.

Эти примеры демонстрируют нам главное: разумная сущность человека именно в его духовности, отражении его переживания по поводу возможности познаваемости действительного окружающего мира, поскольку именно духовность позволяет нам мечтать, страдать за истину и, главное, вовремя научными и технологическими открытиями преграждать путь к самоуничтожению. Так что Дух, как божественная сущность, приобретённая или внедрённая (мы этого точно не знаем!) в ходе эволюции в сознание человека, превратила его животную сущность в разумную.

Здесь также прозвучала озабоченность возможностью разработки биологического оружия направленного действия на возможную ликвидацию с помощью гена старения только тех популяций людей, которые не устраивают, может быть, других людей, лишённых духа, а стало быть, и разума. Поэтому надо приложить максимум усилий не к запрещению генетических исследований, а к их использованию на благо разумной и духовной сущности человека. Генетическая этика исследователя должна всегда останавливаться перед соблазном превратить генетику в оружие массового уничтожения. Мы не должны конструировать нового человека – мы должны следовать замыслу разумной и божественной сущности самой природы. Признав же эту божественность, мы приближаемся к самой божественной сущности в каждом из нас.

Священник поклонился залу и вернулся на место.

Вначале редкие хлопки, а затем аплодисменты всколыхнули напряжённую тишину зала.

Председательствующий поблагодарил отца Афанасия и добавил:

– Мы уже работаем больше часа, хотя, может быть, ещё и не дошли до самого главного из всего того, что здесь нам необходимо ещё обсудить. Но обратите внимание на то, что никто из выступивших учёных не был удостоен аплодисментов, кроме священника. И это, кажется, говорит о многом... Об ответственности учёных не только за возможность использования полученных нами научных данных, но и передаче их в руки людей, лишённых той самой духовной сущности, о которой говорил отец Афанасий.

Зал оживился.

Председательствующий предоставил слово для доклада профессору Сочеванову. Тот в течение нескольких минут на слайдах продемонстрировал результаты исследований группы генетиков под руководством академика Филонова по гену старения популяций людей в демотах и изолятах.

– Таким образом, – заключил Артём Петрович, – мы подтверждаем, что действительно влияние гена старения на геном человека в изученных популяциях достигло критических пределов, за которыми возможно наступление конца эволюции человека. В этом смысле Варенцов оказался прав. Однако, для того чтобы точно оценить величину коэффициента старения во времени, с помощью которого мы могли бы дать точную оценку состояния популяций людей в демотах и изолятах, необходимы дальнейшие исследования с привлечением не только наших, но и зарубежных ученых. На это, может быть, понадобятся годы.

Посыпались вопросы. Обобщив их, Сочеванов сослался на работы Кучеровой, Чуднова, Поневича и предложил послушать сообщение о механизмах возможного отключения гена старения в процессе эволюции популяций человека.

Председательствующий согласился и предоставил возможность выступить Кучеровой.

И странно: Елену Борисовну вдруг оставило волнение. Показав на слайдах демонстрацию механизма биохимического влияния на ген старения, она получила независимые и близкие результаты, полученные Сочевановым. При этом обозначила условия, при которых процедура отключения гена старения оказывается возможной.

– А именно, – заключила докладчик, – ген старения, как программа, заложенная в эволюционный механизм популяции людей, может быть отключена только в случае, когда мы точно знаем предельные возможности самой программы развития популяции, периодичности повторяемости смены мостов спирали ДНК. Именно в такой периодичности могут скрываться возможности редактирования гена старения. В противном случае мы искусственно создадим условия вырождения популяций. В итоге мы должны действительно точно знать коэффициент, определяющий предельное время изменчивости повторяемости смены мостов спирали ДНК, определяющие время существования популяции, а это возможно только в случае анализа всеобщей истории эволюции живого от LUCA первой популяции организмов, от которой произошло всё живое на Земле. Другими словами, нужно исследовать во времени сам эксперимент, запущенный природой миллиарды лет назад, по кодированию процесса возникновения живого из неживого, но для этого потребуются усилия всей мировой науки, не только генетики.

В заключение я бы хотела чувство тревоги не только специалиста в области генетики. У меня есть дочь, и я не хочу, чтобы её жизнь была короче, а старость приходила раньше. Поднятая проблема старения генома человека действительно недалеко от момента, когда ген старения будет отключён и человечество не только увеличит среднюю продолжительность жизни, но и добьётся того, что она будет соизмерима с функциональной продолжительностью существования клеток, способных к делению на основе развития новой генетической медицины...

– Жизни всей существующей человеческой популяции не хватит, чтобы выполнить эту гигантскую работу, – бросил реплику из зала Долматов.

– Возможно, именно такая работа и была проделана Варенцовым, – парировала Елена Борисовна.

– Что может сделать один человек, даже если у него, может быть, семь пядей во лбу, – ярился Долматов, – когда команда Филонова, состоящая из крупных специалистов, обладающая возможностью привлечения современных методов обработки генетической информации на самых продвинутых компьютерах, не смогла найти этот коэффициент. А вы говорите Варенцов! Возможно, он действительно гений, но это одиночка, Елена Борисовна. Одиночка, который не способен вместить в сознание всю совокупность междисциплинарных подходов к изучению самой сущности эволюции... Тогда, извините меня за такое обобщение, он знает принцип общей теории эволюции, включающий развитие всего во всём: от частиц, атомов до молекул и генов в истории существования самой Вселенной. Но это уже не просто эволюция, а новые принципы, выдвигаемые квантовой физикой о нелокальности эволюции... А это, сами понимаете, не просто генетика... Это вообще проблема эволюционной сложности и проблема энтропии и хаоса.

В это время за сценой возникло какое-то движение. Председательствующий встал, подошёл к занавесу, что-то негромко произнёс и вернулся на место.

– Коллеги! Кажется, наступает момент истины. Проходите, пожалуйста!

Когда из троих человек, вышедших из-за занавеса, присутствующие узнали Ходокова, послышались возгласы, затем раздались аплодисменты, и участники начали вставать со своих мест и продвигаться к авансцене. В это же самое время Ходоков подошёл к Кучеровой, ещё стоявшей за трибуной, обнял её. А та от избытка чувств расплакалась, прижавшись к нему.

Присутствующие продолжали аплодировать, пока академик Минеев не поднял руки и не попросил всех успокоиться:

– Коллеги! Пожалуйста, займите свои места.

Когда волнение присутствующих улеглось, академик произнес:

– Такое трудно срежиссировать, но произошло событие, которое по-новому позволит нам относиться не только к нашим исследованиям, но и к их особенностям в условиях жёсткой мировой научной конкуренции в части возможности разработок технологий, которыми могут заинтересоваться специальные службы. Поэтому я хочу предложить слово Павлу Петровичу Муровцеву, представителю ФСБ РФ.

Генерал подошёл к трибуне.

– Не так давно в СМИ начали остро обсуждать проблемы государственной и глобальной безопасности, связанные с тем, что вольно или невольно разработки или просто открытые публикации некоторых учёных попадали

под пристальное внимание зарубежных и наших спецслужб. Некоторые из разработок учёных и их публикаций не только являются предметом закрытых исследований и способны привлечь внимание иностранных спецслужб, но и становятся предметом их использования для разработок биологического оружия в условиях стремительно развивающихся технологий генной инженерии. Иногда учёные даже в СМИ упрекают наши службы в излишней жёсткости и подозрительности к научным исследованиям. Однако случай, о котором сейчас пойдёт речь, имеет прямое отношение и к безопасности страны, и к вашим прорывным исследованиям в области гена старения.

Открытием Варенцова давно интересовались несколько иностранных спецслужб, но его трагическая гибель спутала их планы, и они пытались любым способом завладеть его материалами. По стечению обстоятельств материалы Варенцова оказались в руках оперировавшего его хирурга Колонина, а затем – его друга физика Ходокова, которых иностранным спецслужбам удалось похитить и запереть в бункере глубоко законспирированной биохимической лаборатории, созданной после распада СССР на территории пещерного комплекса Южного города. Путём подлога и шантажа Ходокова сначала пытались заставить раскрыть содержание рассчитанного Варенцовым кода старения, поскольку он является ведущим в стране специалистом по расшифровке белковых структур. Когда же это им не удалось, путём хитроумной операции через подставного агента и под предлогом указания наших спецслужб, его вынудили дать согласие довести работу по расшифровке материалов Варенцова до конца.

Вы уже знаете, что после гибели Варенцова параллельно вашими коллегами, собравшимися в этом зале, по инициативе ФСБ и Академии наук РФ была организована мозговая атака на проблему гена старения с тем, чтобы предупредить возможность в критической ситуации развития событий либо уничтожить иностранными спецслужбами материалы Варенцова, либо суметь передать их за границу.

Нашей особой группе удалось переиграть иностранные спецслужбы и освободить Ходокова, который не только успешно завершил работу над материалами Варенцова, но и понял главное – эволюционный смысл старения популяций. Расчеты Варенцова применимы не только к гену старения генома человека, но и к любым популяциям от формирования первых живых организмов. Видимо, этим открытием всему сообществу генетиков ещё предстоит заняться основательно.

Операция по освобождению Ходокова прошла успешно, но мы не мог-

ли афишировать эти обстоятельства немедленно в связи с тем, чтобы, во-первых, иностранные конкурирующие по этой проблеме спецслужбы (а их было несколько) не могли понять, какая из них похитила физика, а во-вторых, нашим спецслужбам было необходимо ликвидировать другую глубоко законспирированную биохимическую лабораторию по синтезу искусственного вируса, способного к заражению только определённых популяций человека. Другими словами, эта лаборатория занималась разработкой биологического оружия.

Гул озабоченности прошелся по залу. Оратор продолжал:

– Два часа назад нами была изобличена и эта лаборатория, что позволило нам рассекретить данные предыдущей операции и представить вам бесследно исчезнувшего физика.

Опять возгласы одобрения и аплодисменты взорвали напряжённую тишину доклада Муровцева.

– От имени работников ФСБ приношу искренние извинения за то, что пришлось доставить много волнений коллегам и близким учёного.

Когда восстановилась тишина в зале, Муровцев сделал заключение, после которого в зале вновь воцарилась тишина, но это была тишина размышления над сказанным.

– И ещё вот на чём захотелось мне бы заострить внимание присутствующих. Да, не всё так хорошо обстоит с финансированием науки у нас в стране. Многие учёные в силу собственных научных амбиций либо покидают страну, хотя сейчас, после распада СССР, таковых уже исторический минимум, либо пытаются получать иностранные гранты на разработку прорывных научных идей и технологий. Как нами установлено, под прикрытием отдельных легальных некоммерческих организаций иностранные спецслужбы пытаются привлечь и привлекают к разработкам биотехнологий опытных специалистов, причем методика их работы весьма изобретательна. Иностранные спецслужбы создали кластерную модель достижения главной цели исследований таким образом, чтобы каждый специалист, занимаясь исключительно своим кластером, не знал цели другого, третьего и т.д. кластеров, формирующих структуру открытий или разработки технологий. Объединением кластеров занимались другие и зачастую в закрытых и глубоко законспирированных лабораториях. Их функционирование готовилось задолго до привлечения специалистов на территориях естественных (катакомб, пещер) или искусственно созданных подземных сооружений, имеющих законспирированные выходы на поверхность. Другими словами, иностранные разведывательные спецслужбы играли в долгую. А подопытными материалами

оказались наша территория и территория государств постсоветского пространства, наши ресурсы и популяции людей многонациональной страны. Наша страна не является закрытой для коммерческих структур, однако я бы пожелал всем присутствующим быть разборчивыми в выборе приложений своих исследований с тем, чтобы не нанести вред нашей стране и собственной научной карьере.

И последнее. Наши спецслужбы не являются примером охоты на ведьм. Напротив, приведённый анализ работы наших спецслужб с привлечением большого круга научных специалистов показал, что мы и наши учёные могут формировать эффективную коалицию, которая способна не только защитить наши общие интересы, но и предотвратить любую возможность в использовании современных биохимических и генетических исследований для создания биологического оружия.

Спасибо!

– Коллеги, – поднялся модератор конференции. – Мне кажется, нам нет необходимости задавать вопросы по существу деятельности наших спецслужб. Они показали не только свой профессионализм в решении проблем безопасности нашей страны, но и позволили решить главную задачу, ради которой мы организовали мозговую атаку на проблему гена старения генома человеческих популяций. Поэтому я прошу сейчас поделиться профессором Ходоковым результатами работы по расшифровке материалов Варенцова, что даст нам возможность понять их сущность и скорректировать собственные работы. Прошу вас, Валерий Сергеевич.

Ходоков задумчиво посмотрел в зал, и первая фраза его, обращённая то ли к только выступившему представителю органов госбезопасности, то ли к модератору, то ли ко всем присутствующим на закрытом заседании, была следующей:

– Государство, не финансирующее науку, всегда будет нуждаться в технологиях и, в конце концов, потеряет свою независимость. Но есть и другая сторона этой проблемы. Государство, не защищающее научную мысль, обречено на оскудение умов в нём. Последнее из сообщения Павла Петровича Муровцева, очевидно, нам уже не грозит, поскольку на собственном опыте я вдруг осознал, насколько безопасность отечества зависит от безопасности и комфортной деятельности одного учёного, а не только когорт лабораторий, институтов, всей национальной науки. История трагически погибшего Сергея Андреевича Варенцова тому пример.

Случайно ознакомившись с его архивом, я вначале не придавал особого значения его исповедальному письму, поскольку вначале ещё не мог себе представить ни уровня его научного открытия, ни уровня той опасности,

с которой столкнулся учёный. Теперь я могу точно заявить, как специалист по расшифровке структур ДНК, что он не только гений, который не мог своим лбом прошибить тупиковость некоторых зарубежных и наших генетических научных школ, стоящих на пути проникновения в научные журналы новейших и нетривиальных идей, но и настоящий гражданин Мира и Отечества.

Случайно заметив за собой слежку каких-то непонятных лиц, Варенцов вначале подумал о том, что просто является объектом возможного частного преступления. Но когда обнаружил признаки копания в его архивах в институте, он решил проверить, что именно интересует тех, кто в его отсутствие «работает» с его материалами. У него не было никаких подозрений, касающихся своих коллег, поскольку все знали его направление работ. При этом достаточно большой круг специалистов лаборатории института относился к его идее управления геном старения скептически, а некоторые сотрудники даже называли её завиральной. Тогда он известным способом пометил документы, касающиеся проблемы исключения гена старения и переложил их в папки тривиальных биохимических результатов исследования. Его догадки подтвердились. Интересовались именно данными о старении генома человека. И когда, в очередной раз подойдя к своей лаборатории, он заметил за собой слежку какого-то лица, то покинул её через подвальный ход, куда обычно привозили разные реактивы, и сам начал слежку за этим лицом.

Заинтересованное в его архивах лицо у входа в лабораторию общалось в основном с человеком, обеспечивающим работу института расходными материалами, а не с генетиками. Явно получив информацию от него, что Варенцов покинул институт, заинтересованное лицо напрямик направилось к дому, где жил Варенцов. В конце концов Варенцову удалось выследить место пребывания того, кто за ним следил. Тот скрылся во внутреннем дворике биохимической лаборатории, легально работавшей под крышей НКО, о чём здесь уже только что говорилось.

Как пишет сам Варенцов, ему стало не по себе, поскольку он знал, что в этой лаборатории работают и иностранные генетики по программе генома человека.

На этом дневниковые записи его заканчиваются. И лишь только одна фраза на одной из зашифрованных им таблиц была написана шариковой ручкой: «Попробуйте теперь понять, что здесь истина, а что заблуждение?»

Почему Варенцов не обратился за защитой к нашим спецслужбам, понять трудно, но на личном примере скажу, что, когда по устному завещанию умершего мы с оперировавшим его доктором Колониным познакоми-

лись с архивом Варенцова, началась слежка за нами каких-то спецслужб, назвавшихся представителями ФСБ. При этом я долго не мог понять, кто они? Наши или иностранные? И тогда я понял, что архивы Варенцова содержат какую-то феноменальную генетическую информацию. Когда, в конце концов, я сам был похищен, только тогда понял, чего опасался Варенцов: он боялся, что его открытие может попасть в руки иностранных спецслужб и не только для продолжения научных исследований. Он понимал, что стоит за его открытием, и, будучи к тому же классным программистом по кодированию белков, зашифровал результаты своих исследований.

Остальное вы всё знаете со слов Павла Петровича Муровцева. Мне же удалось подобрать ключ к его зашифрованным результатам исследований и получить программу кодирования ДНК, с помощью которой появилась возможность установить время переформатирования мостов спирали ДНК, о чём здесь говорила Кучерова. Именно эта процедура ответственна за запуск естественным путём механизма, влияющего на вымирание человеческой популяции. Природа кода эволюции человека оказалась в возможности нарушения периодичности повторяемости мостов ДНК с коэффициентом, близким к золотому сечению, определяемому числами Фибоначчи. При этом, если периодичность повторяемости мостов спирали ДНК выходила за пределы числа Фибоначчи, вся система ДНК мутировала вначале в направлении быстрого усложнения, а затем и самоликвидации... По расчётам Варенцова, программа самопроизвольного запуска старения могла уже сработать в существующих поколениях человеческих популяций либо в пределах очередных 50–60 лет.

Однако пока я находился в условиях инкогнито, нам с генетиком Шкилем Натаном Львовичем удалось составить новую программу, с помощью которой были перепроверены наши расчёты на мощном компьютере РАН. В итоге оказалось, что Варенцов был прав, но не совсем...

– Ну вот, с этого и надо было начинать! – выкрикнул с места Долматов. – Нагородил что-то один, а теперь основной массе генетиков придётся расхлёбывать. Ген старения — миф, который придумали западные специалисты, а мы в погоне за сенсациями взбаламутили и РАН, и спецслужбы!

– Я сказал всего лишь то, что вы хотели услышать, Аркадий Дмитриевич, – ответил Ходоков. – Не более... Варенцов ошибся только в дате программы, запускающей механизм старения. И речь можно вести не о вымирании современной популяции, а в переходе её в новое генетическое состояние. Уточнённые нами расчёты показали, что программа замены одной популяции другой уже работает во втором поколении современных людей. Это

ошеломило нас, то есть осталось третье поколение, которое, как вы знаете, Аркадий Дмитриевич, согласно известному закону Менделя, должно заступить на вахту появления нового вида... И никто не знает, каким будет этот вид. Будет ли в нём доминировать по-прежнему животная сущность или разумная? Подчеркну ещё раз: в третьем поколении людей, возможно сидящих в этом зале! Вот почему охотились за Варенцовым, потому что кому-то захотелось закрепить в новом человеке только разумную животную сущность, подчиняющую эволюционную разумность как таковую. А наша научная школа оказалась бессильной поверить в гения-одиночку, поскольку, как известно, гениальная идея формируется не в обществе, а в сознании индивидуума, обременённого достижением науки во всех её сферах. А те, кто за ним охотился, понимали возможность разработки искусственных методов редактирования ДНК любых человеческих популяций. Другими словами, одних убивать, а другим даровать возможность не только существования, но и развития согласно эксперименту природы, запущенному ею, как выразилась Елена Борисовна, ещё миллиарды лет назад в LUCA. Этим самым она поставила крупнейшую проблему создания общей теории эволюции, притом не только живого – всего материального мира, в том числе нелокальности теории эволюции. Это значит, что в её лице вызрел крупный специалист в области фундаментальной научной теории.

Долматов было сорвался с места и хотел подняться к трибуне, но остановился, повернулся к присутствующим и страстно заговорил:

– Господа! Ну что это в конце концов! Допустим, Варенцов – гений. Я даже могу предположить, что что-то подобное в его работах есть. Но чтобы превратить генетику в гадание на кофейной гуще, позвольте! Я полагаю, что необходима открытая международная конференция по проблеме гена старения с тем, чтобы наша наука не могла случайно оказаться посмешищем Запада. Конференция, с разных точек зрения рассматривающая современные подходы к эволюции человека и эволюции как таковой.

– Аркадий Дмитриевич прав! – кто-то выкрикнул в поддержку именитого генетика.

Председательствующий попытался шариковой ручкой постучать по пластмассовой бутылке с водой, но этого никто не расслышал. Тогда академик встал и что-то начал говорить, но его по-прежнему не слышали. Зал пришёл в движение.

Генерал Муровцев, сидя за столом в президиуме, почему-то широко улыбался, потом наклонился к присевшему рядом Ходокову.

– Вот смотрю я на вас, учёных, и диву даюсь тому, как вы способны страдать за идею, вместо того чтобы спокойно сопоставить аргументы и выйти на решение проблемы...

– У ученого идея иногда выше смысла самой жизни, особенно если это его идея. А если идея соприкасается с истиной, он готов её утверждать даже тогда, когда она уже является заблуждением. И если учёный осознаёт случившееся, это его крах. А если истина действительно открыта его руками, а общество не признаёт это, он готов распрощаться с самой жизнью... Нет более сильного ощущения, чем прикосновение к истине. В этом и есть сущность разума, готового на всё ради истины...

– И всё-таки почему Варенцов, да и вы не вышли напрямую к нам, когда поняли, что кто-то открыл охоту за архивами Варенцова?

– Понимаете, Павел Петрович, у нашего народа до сих пор аббревиатура ФСБ воспринимается, как олицетворение нечто, стоящего в стороне или даже над ним. Это аббревиатура системы. Прошлое слишком недавнее. А настоящее ещё непонятно тем, как с ним жить и во что верить...

Пользуясь замешательством председательствующего, на авансцене конгресс-холла оказался заведующий кафедрой НИИ биологии профессор Поневич. Михаил Никитович, словно извиняясь, кивнув модератору собрания, продолжил мысль Кучеровой и Ходокова:

– Временная возможность трансляции программы развития живого от LUSA до наших дней применительно к человеческой популяции позволила Варенцову выйти на численное выражения коэффициента периодичности эволюции. В рамках его представлений любой вид имеет свою программу генома, старение которого во времени подводит черту под его существованием, если какие-либо мутации не перепрограммируют геном. При этом ему удалось определить временной коэффициент ускорения мутаций, который определяется числом, близким к числу Фибоначчи. Уже исходя из этого даже мало посвященному в генетику специалисту открывается возможность предсказания возраста существования любой популяции живых организмов. Отсюда возникает масса идей, которые могут вывести генетику и медицину на новый уровень. В чём смысл золотого сечения в эволюции по Варенцову? А в том, что он рассматривает эволюцию как состояние неустойчивого динамического равновесия с окружающей средой, которая выражается числом Фибоначчи. Любое отклонение от этого числа либо ускоряет, либо замедляет развитие.

В рамках всем известной тенденции ускорения и усложнения развития видового разнообразия живых организмов по геологическим и палеонтологическим данным более ранние организмы существуют в своей

экологической нише дольше тех, какие образовались позже. Вариация периодичности развёртывания живого относительно числа Фибоначчи в сравнимых эпохах эволюции видового разнообразия дает основание не только прогнозировать время вымирания той или иной популяции, но и открывает новую возможность, например, влияния вирусов на скорость вырождения популяций. Другими словами, сторожевой механизм регулирования времени существования популяций зависит не только от окружающей среды, биоэнергетического потенциала клеточной эволюции живого, но и биоэнергетического потенциала вирусов, способных своей активностью поставить черту под временем существования вида живых организмов, то есть жизнь в её новой сущности построена по принципу диссимметрии её организации. С одной стороны – клетка, с другой – вирус, размножающийся в ней. А число Фибоначчи на линии жизни представляет собой состояние устойчивого динамического равновесия, относительно которого усложнение организации клеточного строения ведёт к вырождению организма за счёт неспособности иммунной системы сопротивляться нарастающей сложности мутации, и эта неспособность выражается отклонением в периодичности связей нуклеотидов в структуре ДНК...

Волнение в зале улеглось, и все с вниманием слушали генетика.

– Отсюда, – продолжал Поневич, – само представление о модели сторожевого механизма жизни, выражающегося контролем эволюции со стороны вирусов, даёт основание говорить об одновременности появления не только клеток живого организма, но и вирусов, способных регулировать их существование. То есть отнесение вируса к неживому или живому – это только подтверждение формирования всего сущего в рамках единства материи, в которой заложена как созидательная, так и разрушительная функция природы...

– И тут «Остапа понесло!» – снова выкрикнул Долматов.

Зал на его реплику прореагировал новым оживлением собравшихся. Этим опять воспользовался Долматов.

– Коллега! – обратился он к Поневичу. – Старение обусловлено не одним, а многими сложными обменными процессами, протекающими в организме, поэтому найти один-единственный ген, от которого зависит старение, вряд ли удастся. Скорее всего, это будет несколько генов, каким-то образом программирующих старение клетки. Например, американский научный журнал «Science» глаголит, что первый ген старения недавно обнаружен группой японских и американских исследователей из Стэнфордского университета в США, но они изучали, обращая на это внимание, больных с признаками преждевременного старения, или синдромом Вернера. Хотя

этот недуг довольно редкий и поражает четырех человек из сотен тысяч, но страдающие синдромом Вернера уже в тридцать пять-сорок лет выглядят как восьмидесятилетние, а их организм изнашивается в два раза быстрее, чем у других людей. Исследование ДНК больных с синдромом Вернера показало, что «виноват» ген, расположенный на девятой хромосоме. Мутация именно в этом гене привела к нарушению каких-то важных процессов в организме и ускорению старения. Однако сказать что-либо определенное о работе гена старения пока невозможно. Скорее всего, ген старения всего-навсего выполняет просто какие-то регулятивные функции. Не более того...

– Коллеги! Прошу спокойствия, – снова поднялся председательствующий. – Вы закончили, Михаил Никитович?

– Последняя фраза, коллеги, – ответил председательствующему Полевич.

– Я поддерживаю предложение о срочном созыве международной конференции по проблеме гена старения не только для оценки возможности и перспектив управления продолжительностью жизни любой популяции с помощью генетики и медицины, но и для попытки всем научным миром навалиться на проблему роли вирусов в продолжительности существования популяций живого. Это те регуляторы, которые дремлют в организме любой популяции до момента, когда иммунная система окажется не способной бороться с его размножением. Ещё раз хочу повториться: любые вирусы представляют собой сторожевой механизм существования в любом живом организме. Вирусы, даже те, о которых мы не имеем никакого представления, активизируются в том случае, когда иммунный ответ подавлен. Не исключено, что именно они включают механизм укорачивания теломеров в живой клетке, и поэтому она уже не способна к делению. Она стареет, саморазрушается, как всё сущее: живое и неживое в единстве связи обменных биохимических процессов на клеточном уровне или на уровне минеральных структур...

Заключительная фраза в зале вызвала новое оживление. Присутствующие потянули руки, чтобы заявить возможность выступить по проблеме, однако председательствующий демонстративно посмотрел на часы.

– Коллеги! Мы работаем более трёх часов. Пора подводить какие-то итоги. Но, поскольку появилась иная точка зрения относительно поставленной в повестке дня темы закрытой конференции, дадим слово академику Аркадию Дмитриевичу Долматову, одному из ведущих генетиков в области исследования генома человека в России.

Долматов, сидевший в первом ряду зала, опять не стал выходить к трибуне – просто встал со своего места и заговорил, обращаясь не к председательствующему, а к присутствующим, подводя итог положениям, высказанным в предыдущей реплике. Потом академик сделал небольшую паузу и сместил акцент на другое.

– То, что разные спецслужбы сегодня интересуются проблемой старения, это их работа и за это они едят хлеб насущный. Нам же, учёным, от остатков финансового бюджетного куска требуется только то, чтобы производить научную информацию, развивающую технологии генетической медицины. Не более того. Но с таким финансированием науки решать прорывные проблемы в науке, если мягко сказать, не под силу нашему учёному сообществу, а тем более, повторюсь, периферийным одиночкам в науке, не располагающим ни достаточным финансированием исследований, ни технологическим оборудованием, ни компонентами и материалами для своих экспериментов.

Я поддерживаю прозвучавшее здесь предложение об открытом международном обсуждении проблем в генетике с тем, чтобы перестать спекулировать на науке и напрягать спецслужбы. Пусть они занимаются собственными им проблемами, а то, не ровен час, за какую-нибудь открытую публикацию они смогут потащить любого из нас на амвон правосудия, не способного без той же науки отделить границу мирового открытия от умысла нанести вред своему отечеству...

...Теперь в рамках небольшого экскурса в Программу генома человека, о которой говорил уважаемый модератор конференции. Он не обозначил, как мне кажется, самого главного, а именно того, что касается обсуждаемой стороны проблемы редактирования гена старения.

Первое. Прежде всего хочу отметить, и это знает каждый из присутствующих здесь специалистов, что участки хромосом, или так называемые центромеры, содержат огромное количество повторяющихся последовательностей ДНК. Их сложно секвенировать в условиях существующих современных технологий, поскольку, повторюсь, центромеры имеют длину от миллионов, а возможно, и больше пар нуклеотидов. Но они остаются несеквенированными... Вот в чём проблема.

Второе. Концы хромосом, или так называемые теломеры, на чём подробно останавливалась Кучерова, состоящие из повторяющихся последовательностей хромосом, не завершены. В этой связи нам точно неизвестно, какая часть последовательности остаётся не расшифрованной до теломеры. Но, как в случае с центромерами, существующие технологические ограничения препятствуют их секвенированию, и нам практически неиз-

вестна причина укорачивания теломеров: то ли это возрастные изменения, то ли изменения, зависящие от разных причин, в том числе экологических, то ли от чего-то другого. И говорить о том, что природа, запустившая миллиарды лет назад эволюцию живого, предопределила смену его видового состава через функцию времени, преждевременно. Палеостатистика живого, как вы все знаете, несовершенна. По представлениям некоторых именитых геологов, в ископаемом состоянии нам доступно не более одного процента живых организмов, сохранившихся в каменной летописи. Остальные исчезли в результате перелопачивания пород, содержавших ископаемые организмы. А потому палеонтологи и эволюционисты не могут никак свести концы с концами, чтобы определиться относительно существовавших предковых форм того или иного вида, в том числе и человека, в том числе с так называемыми промежуточными звеньями эволюции.

Третье. В геноме каждого индивидуума есть несколько локусов, содержащих члены мультигенных семейств, которые также сложно расшифровать с помощью используемого и считающегося основным на сегодняшний день метода фрагментации ДНК. В частности, эти семейства кодируют белки, важные для иммунной системы.

Наконец, кроме изученных частей теломеров остаются участки, разбросанные по всему геному, и сказать точно, какие из них определяют или даже влияют на временную зависимость старения генома, сказать трудно. Некоторые несеквенированные бреши довольно крупные и требуют изучения методами, которые генетика ещё не предложила.

В заключение необходимо отметить, что большая часть остающейся ДНК сильно повторяющаяся, и маловероятно, что она содержит гены, однако это останется неизвестным, пока остающиеся части ДНК не будут полностью секвенированы. Понимание же функций всех генов и их регуляции остается далеко неполным. Роль мусорной (не кодирующей) ДНК, эволюция генома, различия между индивидуумами и многие другие вопросы по-прежнему являются предметом интенсивных исследований в лабораториях всего мира. Поэтому, ещё раз повторяюсь, я поддерживаю прозвучавшие здесь предложения о проведении международной конференции по гену старения, но, на мой взгляд, ещё рано говорить о том, что эта проблема уже находится в ситуации, когда её можно использовать в качестве создания генетического оружия, чтобы влиять каким-то образом на сроки существования популяций человека.

Последние слова академика Долматова заставили подняться Муровцева, и он обратился к залу.

– Высказывание крупного учёного по поводу открытий, изобретений и

ответственности науки не новы в нашем обществе. Вот только прикладные аспекты открытий не всегда интересуют учёных, и они готовы в рамках собственных амбиций вольно или невольно нанести вред государству, финансирующему науку. Да, наша наука достойна лучшего финансирования, и в этом я полностью согласен с академиком. Но в условиях постоянных исторических перемен в строительстве государства, общественных отношений в нём не всегда очевидно то, что лежит на поверхности. В недавней нашей истории устойчивости государства и общественных отношений мы знаем, чего стоило власти поднять планку научных, технологических, включая космические, исследований, но это было сделано.

В условиях нагрянувших постоянных перемен в обществе на нас начали смотреть как на страну третьего мира, не способную в должной мере финансировать науку, что привело в некоторых областях народного хозяйства к застою социально-экономического развития и технологической зависимости государства. Запад же далеко не заинтересован в передаче нам технологий. Напротив, открытие Варенцова наглядно иллюстрирует, что иностранные спецслужбы готовы тратить огромные средства, чтобы, извините за выражение, «доить мозги» наших учёных под прикрытием грантов некоммерческих организаций. И это как раз говорит об огромном отечественном потенциале наших учёных, генетически связанных с теми, кто ковал победу в Великой Отечественной войне, кто осваивал атом, космос, кто в настоящее время развил военные технологии, достаточные для того, чтобы страна была уверена в своей безопасности. Подобные же мероприятия, которые мы с вами сейчас реализуем на практике, позволят власти находить деньги и на науку, и на собственную безопасность. Подчёркиваю, это возможно только с помощью усилий всех сторон нашего общества.

И ещё, пожалуй, самое важное. Работа наших спецслужб с некоторыми арестованными представителями иностранных разведок показала, что на постсоветском пространстве в некоторых государствах развёрнуты биологические исследования, направленные на возможность разработки генетического оружия. Предстоит огромная работа в направлении того, чтобы об этом знала вся мировая общественность и не только научная... Поэтому я полностью согласен с предложением о проведении открытой международной конференции по вопросам использования генетических технологий для развития не только медицины, но и возможности их влияния на геном человека. Для этого мы здесь с вами и собрались. И эта конференция должна осудить использование генетических исследований и технологий для развёртывания биологического оружия, где бы они ни осуществля-

лись. Биологическое оружие может незаметно, бескровно, без разрушения инфраструктуры государств позволить получить преимущество тем популяциям людей, которые захотели бы править миром, но как показали ваши исследования, в этой войне точно никаких победителей не будет. Ниша человека будет занята другими видами живых организмов, тогда действительно разум окажется ошибкой природы. Но мы всё-таки оптимисты, чтобы разумную сущность человека превращать в неразумную.

ЭПИЛОГ

Лондон.

Заккрытие Международной конференции «Современное состояние проблемы старения».

Модератор конференции предоставляет заключительное слово выдающемуся британскому генетику Кристиану Броуну

– Господа! В одной из своих статей известный российский генетик Андрей Варенцов, вокруг которого разгорелись немыслимые страсти о возможности управления геном старения человека, писал что природа развивается по типу трансляции подобия собственной организации на любой уровень организации систем. Тем самым он практически стоял у истоков создания общей теории эволюции, включая минеральное и живое вещество. Наконец Варенцов выдвинул идею нелокальности эволюции, охватывающей и квантовый мир.

В рамках своих представлений он указывал на главное в развитии живого: чем древнее организм, тем он на эволюционной кривой (рождение, развитие, смерть) живёт дольше. У более поздних видов животных срок существования меньше. В этом смысле он опирается на главную причину замещения видового разнообразия во времени – на ген старения. То есть в организме любого живого существа есть отдельные гены, которые иногда «включаются», чем провоцируют старение организма и, в конце концов, старение и вымирание всей популяции. На этом «иногда» он попытался составить программу управления геном старения, о которой здесь говорили биохимик Кучерова, генетик Шкиль и биофизик Ходоков. Иными словами – программу, заложенную всем ходом эволюции современного человека. Сегодня нам кажется, что это уже не фантастика: Генетика вступила в соревнование с самой Природой. Но, чтобы редактировать геном так, как нам нужно, и получить следующий вид человека, обладающий присущими нам чертами разумного любопытства, нужны междисциплинарные усилия всего существующего человечества, а не таких одиночек в науке, каким был Варенцов, хотя, как известно, идея посещает не сообщество, а личность.

Междисциплинарный подход к идее гена старения показал удивительные результаты. И в этой связи мы можем сделать первый главный вывод конференции: старение – сложный эволюционный процесс, охватывающий все стороны функционирования не только живого, но и, как говорил геохимик Вернадский, неживого в тесной взаимосвязи и взаимозависимости.

Второй вывод заключается в том, что геном человека отделился от предков всего около 200 тыс. лет назад и в рамках расчётов Варенцова он вступил в эпоху вырождения. И, если опять-таки следовать Варенцову, продолжительность существования следующего за нами человека в рамках вскрытой им периодичности развития генома оценивается временем не более 125 тыс. лет. Соответственно, более позднего – около 75 тыс. лет и т.д. В этом смысле надо согласиться с академиком Долматовым о том, что выявленная Варенцовым закономерность периодической смены генома не есть следствие просто смены вымирания человека как вида, а только лишь результат зафиксированных Варенцовым эволюционных рубежей замещения одного человека другим. Только новый человек, содержащий в себе гены предыдущего, не должен оставаться животным в борьбе за своё существование, вооруженный новейшими технологиями самоуничтожения. В этом смысле процесс управления геном старения – это реальный и, пожалуй, единственный шанс сохранения существующей биологической формы разума в обозримом космическом пространстве. Каким будет человек в недалёком будущем, мы не знаем, а можем только полагать, что он не должен потерять приобретённую в результате эволюции разумность и продолжительность его жизни будет возрастать.

Общепринятые данные современной статистики оценки продолжительности жизни говорят о предельном возрасте доживания современного человека – 120–130 лет. Если старение клеток представляет собой запрограммированный вариант предельной возрастной генетической эволюции человека, то без генетических и фармакологических вмешательств, о чём здесь говорил сэр Дальтон, в структуру его генома человечество уже не может обойтись, то есть действительно назрела необходимость управлять геном старения в организме человека, в том числе определить его биологический потенциал.

Правда, генетическое редактирование генома и геновая терапия пока стоят очень дорого, да и сама геновая инженерия довольно сложный процесс, поскольку при генетических заболеваниях болезнь обычно возникает, если в каком-то гене нарушен один нуклеотид. Тогда геновой терапией есть возможность его «подправить», изменить или просто удалить.

Но для развития системы редактирования генома необходимы усилия всех разумных людей на Земле, чтобы воспрепятствовать любой попытке управления геном старения, для того чтобы искусственно направить геном в русло вырождения избранных популяций относительно других. Подобный генетический расизм – оружие, которое, как ни странно, породило разумное существо, опираясь на собственные, но животные инстинкты.

В этом смысле генетика должна опираться на самое важное, что определило само появление разума, – на вмняемость исследований, сознание и осознание того, что можем творить на клеточном уровне; на способность современной науки отвергать любую возможность, направленную на самоуничтожение единственного разумного вида в ближайшем космическом окружении. Разумность не в том, что в погоне за технологиями мы должны отдавать примат их развитию, а в том, чтобы создавать разумные технологии, способствующие сохранению самого разума во времени.

Старость – это только открывающиеся врата смерти, изобретённой самой эволюцией и указывающей на то, что периодичность: рождение всего, его расцвет и смерть – всеобщая и связана она с непримиримой борьбой одновременного нарастания сложности и хаоса в точном соответствии с законами термодинамики. Но это в закрытых системах, господа! Человек – открытая система, и это позволяет ему осознанно противостоять нарастанию энтропии путём сложности своей организации, черпая энергию из обменных процессов среды, как всё возникающее во Вселенной черпает энергию из физического вакуума...

И удивительная мысль иногда посещает нас, что в этой формуле эволюции хаос, в конце концов, может быть конструктивным! На признаки этого указывает современная теория самоорганизующихся систем. Всё во всём! Живое – от неживого, а неживое в живом не отличается от минерального вне живого. Но именно мы понимаем, что из последнего зарождается жизнь, хотя при этом существование жизни, как самой сложной системы в мироздании, больше ограничено временем своего существования, чем неживое... Но ведь именно жизнь порождает разум. Не ошибиться бы нам в ином толковании самоорганизующейся сущности природы! Помните, что, развиваясь по закону усложнения, жизнь сама должна противостоять нарастающей энтропии в окружающем нашем пространстве.

Третий результат состоит в том, что в тесном сотрудничестве генетики, медицины, биохимии, биологии удалось найти совокупность фармакологических средств, влияющих на старение организма.

Четвёртый же результат нашей конференции состоит в том, что мы приняли всеобщую декларацию генетиков, запрещающую проведение любых исследований на любой территории государств и вне их, которые могли бы привести к созданию генетического оружия. И в этом выводе заключена наша с вами разумность, способная идти к иной сложности, в рамках которой сама Природа окажется познаваемой.

Аплодисменты долго висели над собравшимися в зале.

Лена, сидевшая рядом Ходоковым, прижалась к нему и прошептала:

– Валера! Как хочется жить, чтобы хоть краешком сознания понимать красоту устройства разумного живого и неживого мира, в разумности которого любовь заключается не в нарастании её сложности, а в простоте обратных связей быть любимыми.

– Я люблю тебя, Леночка!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие автора.....	3
Пролог.....	5
ГЛАВА I. ВОПРЕКИ.....	8
ГЛАВА II. НА КРАЮ.....	15
ГЛАВА III. НАЧАЛОСЬ.....	27
ГЛАВА IV. ВРАТА. ВСЕ МЫ БОГОВЫ.....	73
ГЛАВА V. ПОДПОЛЬНЫЙ КЛИНЧ.....	90
ГЛАВА VI. МОЗГОВАЯ АТАКА.....	98
ГЛАВА VII. НУЖНО ВЫЖИТЬ.....	107
ГЛАВА VIII. ЕЙ НЕ НУЖЕН МАКИЯЖ.....	113
ГЛАВА IX. БЕГ С ПРЕПЯТСТВИЯМИ.....	138
ГЛАВА X. ОТОРОПЬ.....	154
ГЛАВА XI. ТРЕВОГА.....	159
ГЛАВА XII. РАСКЛАД.....	169
ГЛАВА XIII. ПРИТЯЖЕНИЕ.....	184
ЭПИЛОГ.....	219

Александр Васильевич Кокин

Эксперимент в миллиарды лет

Научно-фантастический роман

ООО «Мини Тайп»

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Серафимовича, 53/60.

Тел. (опт) (863) 282-63-63, 299-91-97 www.bbook.ru

Издательско-полиграфическая фирма «Тональ»

г. Ростов-на-Дону, ул. Ерёменко, 66/1.

Тел. 8-928-131-94-72 (WhatsApp, Telegram).

E-mail: tonal-print@yandex.ru

Подписано в печать 5.12 2024 г. Формат 60x84/16

Печать цифровая. Гарнитура Times New Roman

Объем 13,02 усл.п. л. Обложка мягкая.

Тираж 116 экз. Заказ № .